

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

20 2025
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (571) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Даниил Борисович Эльконин* (1904–1984), советский психолог и педагог, автор оригинального направления в детской и педагогической психологии.

Даниил Борисович родился в селе Малое Перещепино Полтавской губернии в еврейской семье. Его старшим братом был советский живописец Виктор Эльконин. Даниил начал учиться в полтавской гимназии, но оставил ее в связи с тяжелым материальным положением семьи. Повзрослев, Эльконин работал делопроизводителем военно-политических курсов и воспитателем в колонии малолетних правонарушителей.

В 1924 году по командировке Наркомпроса УССР он поступил на психолого-рефлексологический факультет Ленинградского института социального воспитания (впоследствии объединенного с Ленинградским педагогическим институтом имени А. И. Герцена). По окончании ЛГПИ Даниил Борисович стал работать педологом-педагогом детской профамбулатории Октябрьской железной дороги, затем преподавал на кафедре педологии в ЛГПИ, где темой его работы (в сотрудничестве с Львом Выготским) были вопросы детских игр. Он также был учителем начальных классов в одной из ленинградских школ, преподавал в педагогическом институте, создавал школьные учебники по русскому языку для народностей Крайнего Севера. А в 1940 году Эльконин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную развитию речи школьников.

После Великой Отечественной войны (которую он провел на фронте и был награжден орденами и медалями) Эльконин вопреки его желанию не был демобилизован. Он получил назначение в Московский областной военно-педагогический институт Советской Армии, где не только преподавал психологию, но и разработал основные принципы построения курса советской военной психологии.

В период борьбы с космополитизмом должно было состояться заседание комиссии, посвященное «разбору и обсуждению допускаемых подполковником Эльконым ошибок космополитического характера», которое было назначено на 5 марта 1953 года. Но именно в этот день умер Сталин, и заседание было отложено, а затем отменено. Подполковник Эльконин был уволен в запас.

В том же 1953 году Даниил Борисович стал штатным сотрудником Института психологии АПН РСФСР (ныне Психологический институт РАО), где и проработал до конца своей жизни. В институте он заведовал несколькими лабораториями, защитил докторскую диссертацию и был избран членом-корреспондентом АПН СССР. Многие годы он преподавал на факультете психологии МГУ.

Эльконин опубликовал несколько монографий и научных статей, которые были посвящены обзору проблем теории и истории изучения детства, его периодизации и психодиагностике. Он занимался такими вопросами, как психологическое развитие

детей в разном возрасте, психологией игры и вопросами учебной деятельности школьников, а также проблемой развития речи и обучения чтению детей. Основным вкладом Даниила Борисовича в советскую и мировую педагогику была разработка и внедрение новой системы обучения — развивающего обучения.

Даниил Борисович в своих работах опирался на идею о культурно-историческом развитии человека. Так, в восьми теоретических работах Эльконина было подробно раскрыто общее положение Льва Выготского. Данное положение (о том, что детство имеет конкретно-исторический характер) было также высказано Павлом Блонским и Алексеем Леонтьевым. Согласно положению Выготского, детство в разные исторические эпохи имеет разные закономерности и содержание. Исследователи пришли к выводу, что не существует одинакового детства. Именно поэтому важно понять теорию исторического развития детства, опираясь на историю психологии, этнографию, историю образования и т. д.

Эльконин считал, что все виды деятельности детей общественны по своей природе, содержанию и форме, поэтому ребенок с первой минуты рождения и с первых ступеней своего развития является общественным существом. Для Даниила Борисовича было неприемлемым положение «ребенок и общество», он считал правильным положение «ребенок в обществе». Также он считал ребенка активным субъектом в преобразовании и присвоении достижений человеческой культуры. Благодаря процессам преобразования ребенок воспроизводит и создает в себе человеческие способности. По данному вопросу Алексей Леонтьев и Даниил Эльконин придерживались единой точки зрения: ребенок в процессе преобразования деятельности осуществляет такую практическую или познавательную деятельность, которая адекватна, но не тождественна деятельности, которая воплощена в человеческой деятельности в предыдущем поколении.

Работы ученого были также посвящены психологии игры и проблемам периодизации игровой деятельности. В них он описал структуру игровой деятельности и выделил две ее стороны — познавательную и мотивационную. Эти стороны существуют в каждой ведущей деятельности, но развиваются неравномерно, чередуясь по темпу развития в каждом возрастном периоде.

Умер Даниил Борисович в 1984 году. Похоронен на Востряковском кладбище.

Каждые два года в Психологическом институте Российской академии образования проходят Эльконинские чтения, которые посвящены памяти Даниила Борисовича Эльконина.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Миронова К. С.**
Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации 501
- Михайлов Н. Н.**
Современные методы фиксации и анализа цифровых следов в киберпреступлениях..... 503
- Молчанова В. А.**
Научные основы судебной психофизиологической экспертизы..... 505
- Молчанова В. А.**
Судебная психофизиологическая экспертиза: специфика назначения и производства 508
- Мясникова Г. А.**
К вопросу о принципах административного права 511
- Надь Я. Ю.**
Гарантии и компенсации работающим по трудовому договору в общеобразовательных организациях, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации 514
- Нургалеева Ю. Р.**
О праве собственности в российском законодательстве..... 518
- Нургатина М. М., Фетисова В. В.**
Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними..... 520
- Ныркв А. С.**
Влияние цифровизации на доступность и качество социальных услуг в Российской Федерации 522
- Ныркв А. С.**
Трансформация системы социального обеспечения в России: от советского наследия к современным вызовам..... 524
- Овчинникова В. В.**
Административные правонарушения, совершаемые в области связи и информации: правовая сущность, виды и административные наказания 527
- Парфиненко К. Б.**
Дисциплинарная ответственность спортсменов и тренеров: правовой механизм и практика 528
- Пашина М. А.**
Правовые основы административной ответственности..... 530
- Петрова Е. К.**
Временная передача детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи: вопросы обеспечения интересов детей и их биологических родителей 532
- Петрова М. Е.**
«Русская Правда»: подлинно русский источник права или заимствованный? Частное или публичное право? 534
- Прачкин И. С.**
Эволюция института гражданско-правовой ответственности в России 535
- Пыхно К. В.**
Проблема обвинительного уклона в деятельности следователя и пути ее решения 537
- Рамазанов И. Г.**
Взыскание алиментов в исполнительном производстве 539
- Салдугей М. С.**
Понятие и классификация антиисковых запретов 542
- Самохина М. В.**
Нотариальное сопровождение создания наследственного фонда 546
- Свирдюкова Е. А.**
Соглашение о неразглашении (конфиденциальности): характеристика его применения в РФ 548

Синицына А. В. Льготы в праве социального обеспечения 550	Соболева Е. Е. Ответственность налогоплательщика при подготовке ответа на требования ФНС 559
Скобилева И. В. Международное экологическое право как инструмент борьбы с изменением климата 552	Стегура Е. А. Проблемы института необходимой обороны в Российской Федерации и возможные пути их решения 561
Скобилева И. В. Спортивное право в системе российского права: на пути к формированию самостоятельной отрасли 554	Стегура Е. А. Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) 563
Скрипка А. В. Особенности регулирования трудовых отношений в корпорации 556	Степанова Е. Д. Некоторые аспекты судебного следствия по уголовным делам о кражах в сельской местности 565

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации

Миронова Кристина Сергеевна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

Целью статьи является рассмотрение современного положения органов исполнительной власти Субъектов Федерации. В качестве основной задачи исследования выступает изучение изменений, внесенных Федеральным законом № 414-ФЗ в формирование структуры и полномочий органов исполнительной власти Субъектов Российской Федерации. В частности рассматриваются три основные модели организации органов исполнительной власти Субъектов Федерации, раскрыто положение высшего должностного лица Субъекта Федерации, а также его функции и полномочия.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, субъект федерации, полномочия, закон, глава субъекта федерации, коллегиальный орган.

Executive authorities of the subjects of Russian Federation

Mironova Kristina Sergeevna, student master's degree
South Ural Technological University (Chelyabinsk)

The purpose of the article is to consider the current situation of the executive authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation. The main objective of the research is to study the changes introduced by Federal Law No. 414-FZ in the formation of the structure and powers of the executive authorities of the Subjects of the Russian Federation. In particular, three main models of the organization of executive authorities of the Subjects of the Federation are considered, the position of the highest official of the Subject of the Federation, as well as his functions and powers are disclosed.

Keywords: executive authorities, Subject of the Federation, powers, law, head of the Subject of the Federation, collegial body.

Введение

Принятие поправок к Конституции Российской Федерации [1] в 2020 году стало катализатором глубоких изменений в законодательной системе страны, что выразилось в принятии нового Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» 21 декабря 2021 года [2]. Этот закон нацеливается на модернизацию модели организации и функционирования органов публичной власти в регионах, укрепляя структуры, необходимые для эффективного государственного управления.

Материал и методы

Исполнительные органы власти субъекта федерации — это система, которая включает высшее должностное лицо субъекта, высший исполнительный орган и иные исполнительные органы.

Методы исследования: институциональный, диалектический подходы и методы сравнительного и системного анализа.

Результаты и их обсуждение

Новый закон, заменивший ранее действовавший закон от 6 октября 1999 года, представляет собой значительный шаг вперед в упорядочении и улучшении взаимодействия между законодательными и исполнительными органами власти на региональном уровне. Он формирует четкую иерархическую структуру, включающую в себя законодательный орган, высшее должностное лицо субъекта и высший исполнительный орган власти, а также другие органы, созданные в соответствии с конституцией или уставом субъекта.

Одним из самых значимых изменений, внесенных новым законом, является признание высшего должностного лица субъекта Российской Федерации обязательным

органом публичной власти. Это изменение не только отражает правовой статус такого лица, но и подчеркивает его ключевую роль в системе управления региона, а также ответственность за решение актуальных публичных задач. Важно отметить, что ранее высшее должностное лицо не имело такого статуса, что демонстрировало недостаточную четкость в распределении полномочий между различными органами власти.

Несмотря на наличие обновленного законодательства, в России по-прежнему отсутствует единая модель организации системы органов государственной власти на региональном уровне. Это объясняется множеством факторов, включая разнообразие субъектов, их исторические предпосылки и культурные традиции, что делает систему управления многообразной и адаптированной к конкретным условиям. Тем не менее, предложенный закон способствует выстраиванию более упорядоченной структуры, которая может привести к улучшению взаимодействия между органами власти и повышению их эффективности.

Анализ законодательства Российской Федерации выделяет три основные модели организации органов исполнительной власти субъектов:

- 1) единоначалие высшего должностного лица субъекта без коллегиального органа;
- 2) совместное руководство с коллегиальным органом;
- 3) разделение полномочий между высшим должностным лицом и председателем правительства.

Каждая из моделей имеет свои особенности и позволяет реализовать функции исполнительной власти в различных формах.

Из этих моделей наиболее приемлемой представляется вторая, которая позволяет учитывать коллегиальные решения и сбалансированное распределение полномочий. Она лучше всего соответствует современным задачам управления, требующим больше взаимодействия и координации между различными уровнями власти. Важно отметить, что законодательно произошли изменения в описании статуса высшего должностного лица, который теперь не только выполняет функции, предусмотренные ранее, но и становится центральной фигурой в системе исполнительных органов региона.

Согласно новому закону «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2], высшее должностное лицо региона теперь обозначается как «Глава» или «Губернатор». Это обновление позволяет упростить правоприменительную практику и лучше отражает современное понимание сути данной должности. Нововведения также предоставляют возможность наделять эту должность иными названиями с учётом исторических и культурных особенностей каждого конкретного региона [4].

Обращает на себя внимание положение, что наименование высшего должностного лица субъекта не должно совпадать с наименованием главы государства, что под-

черкивает важность четкого разграничения между различными уровнями власти. Это также создает благоприятные условия для выявления специфики управления на уровне субъектов Федерации. К примеру, случай с Татарстаном, где в Госсовете решено назвать руководителя республики «раис» [3], демонстрирует подход, учитывающий локальные традиции и идентичность.

Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации выполняет множество ключевых задач, определяющих его роль в управлении социально-экономическим и культурным развитием региона. Основные полномочия, закрепленные в статье 33 упомянутого Закона, охватывают широкий спектр сфер общественной жизни, что подчеркивает важность этого органа в обеспечении эффективного государственного управления.

Первой значимой обязанностью высшего исполнительного органа является участие в проведении единой государственной политики в различных сферах, таких как финансы, образование, здравоохранение и безопасность. Это позволяет обеспечить интеграцию региональных инициатив с федеральными стратегиями, что в свою очередь способствует гармоничному развитию всех уровней власти. Указание на социально-экономическое развитие также является ключевым аспектом, подчеркивающим необходимость комплексного подхода к проблемам развития региона.

Также стоит отметить важность реализации и защиты прав человека и гражданина, охрану собственности и общественного порядка. Это создает правовые и социальные гарантии, способствующие повышению уровня доверия к государственным институтам. В условиях растущих угроз, таких как терроризм и экстремизм, необходимость работы в этой области становится еще более актуальной. Таким образом, осуществляется профилактика социальных конфликтов и обеспечивается стабильность в регионе.

Важной ролью высшего исполнительного органа является сохранение этнокультурного многообразия народов, проживающих на территории субъекта. Это становится особенно значимым в контексте глобализации и миграционных процессов. Защита прав коренных малочисленных народов и культурная адаптация мигрантов требуют целенаправленных усилий, направленных на предотвращение конфликтов и способствует сохранению уникального культурного наследия.

Координация вопросов в сфере здравоохранения, как обеспечивающая доступ к качественной медицинской помощи, также является необходимым направлением работы. Цели в области охраны здоровья населения, формирования эффективной системы профилактики заболеваний и пропаганды здорового образа жизни до сих пор актуальны на уровне региона.

Кроме того, высший исполнительный орган осуществляет функции по обеспечению социальной защиты населения. Это включает адекватное социальное обеспе-

чение и поддержку наиболее уязвимых групп граждан. Защита семьи и детей, поддержка института брака и забота о старшем поколении становятся важными приоритетами, которые способствуют сохранению социального баланса.

Разработка бюджета субъекта и последующий его контроль — еще одно важное направление, через которое реализуется финансовая политика региона. Прозрачность и отчетность в использовании бюджета имеют решающее значение для поддержания общественного доверия к власти.

Значимость вопросов стратегического планирования также нельзя недооценивать. Правильная разработка и корректировка стратегических документов обеспечивает долгосрочное и устойчивое развитие субъекта РФ, дает возможность гибко реагировать на изменения в социально-экономической ситуации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2025)
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ (в ред. от 13.12.2024 N 471-ФЗ) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 10.02.2025)
3. Должность президента республики в Татарстане переименовали в раиса [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/23/rais/> (дата обращения: 08.02.2025)
4. Скрынникова М. В. Органы исполнительной власти: некоторые аспекты правовой доктрины и законодательства / М. В. Скрынникова // Право и государство: теория и практика.—2021. — № 1. — С. 73

Современные методы фиксации и анализа цифровых следов в киберпреступлениях

Михайлов Николай Никитич, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье рассматриваются актуальные криминалистические подходы к выявлению, фиксации, анализу и правовой оценке цифровых следов в условиях стремительного роста киберпреступности. Проанализированы особенности работы с электронными носителями информации, программные средства мониторинга и визуализации цифровых данных, а также процессуальные аспекты, обеспечивающие допустимость цифровых доказательств в суде. Особое внимание уделено современным вызовам и перспективам развития цифровой криминалистики, включая внедрение технологий искусственного интеллекта и автоматизации анализа. Отмечается необходимость системного подхода и подготовки профильных специалистов.

Ключевые слова: цифровые следы, киберпреступления, криминалистика, электронные доказательства, фиксация данных

Стремительное развитие информационных технологий и широкое распространение цифровых платформ радикально изменили криминогенную ситуацию в мире. Киберпреступления в настоящее время выходят на передний план, представляя собой одну из наиболее труднораскрываемых и постоянно трансформирующихся

Заключение

В заключении можно сделать вывод о том, что Федеральный закон № 414-ФЗ является важным шагом к совершенствованию управления в субъектах Российской Федерации, создавая основы для более четкой, последовательной и эффективной системы публичной власти. Его судьба будет зависеть от дальнейшего развития правоприменительной практики и способности органов власти адаптироваться к новым условиям.

Таким образом, изменения в законодательстве направлены на упрощение структуры органов власти, установление более четких ролей и полномочий, а также на улучшение взаимодействия между различными ветвями исполнительной власти. Эти новшества призваны повысить эффективность государственного управления и укрепить доверие общества к органам власти на местах.

форм преступной деятельности. Успешное расследование подобных деяний невозможно без квалифицированного подхода к сбору и последующему изучению цифровых следов, оставляемых злоумышленниками. Основной целью данного исследования является систематизация эффективных криминалистических методов работы с ци-

фровыми доказательствами, анализ возникающих при этом затруднений, а также формулирование возможных путей их преодоления.

Цифровые следы представляют собой информацию, зафиксированную с использованием электронных устройств, способную выступать в качестве доказательства в ходе расследования противоправных действий. Эти следы могут находиться как на локальных накопителях, так и на удалённых серверах, в облачных хранилищах, мессенджерах и социальных сетях. Например, И. И. Лузгин считает целесообразным создание «цифрового следоведения, изучающего извлечение цифровой информации из сетей и технологических коммуникационных средств, как полноценной отрасли раздела криминалистической техники» [1]. Также не прекращаются дискуссии по выбору наиболее точного и объективного определения термина «цифровой след» применительно к криминалистике. Целая группа криминалистов (А. М. Багмет, В. В. Бычков, Н. Н. Ильин, С. Ю. Скобелин, В. Б. Вехов, Е. В. Смахтин и др.) считает, что цифровой след — это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, относит их к материальным невидимым следам [2].

Фиксация цифровых следов на месте обнаружения материальных цифровых носителей информации, которые являются в большинстве своем элементами цифровых устройств, может производиться путем копирования информации, которую они содержат. При этом исследование откопированной информации и определение той, которая имеет отношение к событию конкретного преступления (выявление цифровых следов), должно производиться в рамках производства компьютерной экспертизы.

Процесс документирования цифровых данных представляет собой начальный и крайне важный этап в процессе их дальнейшего использования. Одним из базовых методов является создание точной копии электронного носителя, что позволяет избежать изменения первичной информации и сохранить её в неизменном виде для экспертизы. Такой подход требует применения специализированного программного обеспечения, например, FTK Imager. Помимо локального копирования, актуальным является мониторинг сетевой активности, позволяющий отследить действия потенциального нарушителя в момент их совершения. Для этой цели используют такие программные средства, как Wireshark или NetworkMiner, позволяющие зафиксировать потоки данных и выявить аномалии в поведении сетевых узлов. Не менее важным инструментом является анализ системных логов, в которых содержатся сведения о действиях пользователя, времени входа, запуска программ, перемещении по файловой системе. Эти данные позволяют восстановить последовательность событий. В некоторых случаях может быть применён визуальный способ фиксации — запись происходящего на экране или создание скриншотов. По-

добный подход используется при дистанционном подключении к устройству или при невозможности проведения копирования иным способом.

Так, если цифровое устройство выключено, то следователь не должен его включать, а должен описать его внешний вид, место обнаружения, положение и подключенные периферийные устройства (при их наличии). Действия следователя при обнаружении включенного цифрового устройства, например, компьютера, требуют особой осторожности, так как любое вмешательство может изменить цифровые следы или привести к их утрате. Поэтому при обнаружении включенного компьютера следователь должен сделать фотоснимки его экрана, фиксирующие все открытые программы (запущенные приложения), активные окна, документы, текстовые сообщения и другую информацию, например, сетевые подключения, часы [3].

Важное значение для процессуальной допустимости цифровых следов имеет статья 164.1 УПК РФ, в которой закреплены особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них данных при производстве следственных действий. В частности, статья устанавливает обязательность составления протокола с подробным описанием носителя, условий копирования, а также возможность привлечения специалиста. Эти положения обеспечивают как сохранность цифровых доказательств, так и их юридическую обоснованность для последующего использования в суде [4].

После фиксации информации перед следователем стоит задача проведения её анализа, цель которого — извлечение значимой информации, позволяющей установить фактические обстоятельства преступления. Одним из ключевых направлений анализа является поиск информации по заранее заданным критериям, таким как наличие конкретных ключевых слов, расширений файлов или времени последнего доступа. Это позволяет сузить круг анализа и сосредоточиться на потенциально значимых объектах. Важным элементом также является изучение временных меток, которые помогают восстановить хронологию событий. Комбинирование этих данных с журналами действий даёт возможность составить целостную картину поведения пользователя. Отдельного внимания заслуживает поведенческий анализ, заключающийся в выявлении повторяющихся сценариев взаимодействия субъекта с операционной системой и программами. Это направление активно развивается благодаря возможностям искусственного интеллекта. В рамках анализа могут применяться и методы работы с вредоносным программным обеспечением, включающие использование песочниц и антивирусных лабораторий, позволяющих не только выявить, но и детально описать вредоносную активность.

Юридическая значимость цифровой информации определяется не только её содержанием, но и соблюдением установленных процессуальных норм на всех этапах её получения и хранения. Судам необходимо быть уверенными в подлинности представленных материалов, их неизменности с момента фиксации, а также наличии цепочки пе-

редачи, гарантирующей исключение постороннего вмешательства. В международной практике применяется ряд критериев, например, тест Дауберта, оценивающий допустимость научных данных, представленных экспертом. В российской судебной системе значимую роль играют положения Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающие возможность использования цифровых данных при условии их надлежащей фиксации и подтверждения заключением эксперта. Таким образом, технические аспекты анализа цифровых следов должны быть неразрывно связаны с юридическими нормами, обеспечивающими доказательственную силу этих материалов.

Несмотря на наличие разнообразных инструментов, практика показывает, что уровень технической оснащённости правоохранительных органов часто остаётся недостаточным. Кроме того, ощущается нехватка специалистов, обладающих глубокими знаниями в области цифровых технологий и одновременно понимающих особенности уголовного судопроизводства. Отсутствие унифицированных стандартов фиксации и обработки цифровых улик также осложняет ситуацию. Перспективным направлением является внедрение автоматизированных аналитических платформ, основанных на алгоритмах машинного обучения, а также развитие единого подхода

к оценке допустимости цифровых материалов на основе как международных, так и национальных норм. Подготовка кадров, специализирующихся на цифровой криминалистике, также становится стратегической задачей в условиях роста киберпреступности.

В заключение следует отметить, что в условиях стремительного роста числа киберпреступлений и усложнения механизмов их совершения цифровые следы приобретают ключевое значение в расследовании преступлений. Их надлежащая фиксация, сохранность и последующий анализ требуют как высокого уровня технической подготовки, так и строгого соблюдения процессуальных норм. Представленные в исследовании криминалистические методы позволяют обеспечить доказательственную ценность цифровой информации, однако на практике всё ещё существует множество вызовов, связанных с нехваткой оборудования, специалистов и нормативной базы. Решение этих проблем возможно через внедрение современных технологий, создание единых методических стандартов и развитие института подготовки экспертов в области цифровой криминалистики. Только комплексный и системный подход способен обеспечить эффективность противодействия киберпреступности и адаптацию уголовного судопроизводства к реалиям цифровой эпохи.

Литература:

1. Лузгин И. И. Цифровое следоведение как отрасль криминалистической техники // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 2 (54). С. 11–17.
2. А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин; Цифровые следы преступлений: монография // Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021. 168 с.
3. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 15–18.
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

Научные основы судебной психофизиологической экспертизы

Молчанова Влада Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Верховный Суд на протяжении нескольких лет придерживается позиции о том, что исследования с применением полиграфа не имеют того научного обоснования, которое позволило использовать их результаты в доказывании. Однако теории о действии данного прибора накапливаются уже долгое время. В статье рассматривается вопрос о достаточности имеющихся концептуальных положений для использования полиграфа в судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная психофизиологическая экспертиза, полиграф, доказывание, научные основы.

Полиграф был изобретен еще в начале XX века и сразу был представлен как технико-криминалистическое средство. Казалось бы: получить сведения об идеальных

следах с помощью технического устройства — как это возможно? Несмотря на высокие достижения в области психофизиологии, психологии, нейрофизиологии, физио-

логии, социальной психологии, однозначного научного объяснения до сих пор нет.

В 2020 году на Всероссийском научно-практическом семинаре «Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития» в Российском государственном университете правосудия представитель Верховного Суда Российской Федерации в своем выступлении рассказал о том, что сомневается в возможности использования «психофизиологических исследований, если они когда-либо смогут обрести подлинно научную основу», а также о том, что необходим «отказ судебной практики от доказательственного значения психофизиологических исследований» [1].

На протяжении всей истории осуществления психофизиологических исследований с применением полиграфа ученые находили большое количество научных объяснений процессам, происходящим в психике и физиологии человека в момент, когда тот слышит о событиях, к которым он имеет отношение и которые его волнуют.

Одной из самых первых и популярных является теория угрозы наказания или *threat of punishment theory*. Автором этой теории принято считать итальянского физиолога Анжело Моссо. Суть теории в том, что проверяемый испытывает страх разоблачения, а следовательно — страх быть наказанным, что и порождает ярко выраженные психофизиологические реакции. Однако, данная теория уязвима. Человек может испытывать страх от самого факта участия в непривычной для него процедуре и еще по большому числу других причин. Кроме того, она не объясняет наличия изменений в показателях (особенно КГР) при смоделированном тестировании, таком как тест на имя либо на загаданное число или игральную карту — ведь в этой ситуации испытуемый не понесет никакого наказания, и он об этом прекрасно знает.

Другая теория — теория конфликта (*conflict theory*) гласит, что психофизиологические изменения, которые может фиксировать «детектор лжи» вызваны конфликтом противоборства — сказать правду или солгать. За основу этой теории взяты положения, ранее выдвинутые Лурией А. Р.: «...создает у преступника состояние острого аффективного напряжения; это напряжение, весьма вероятно, преувеличивается потому, что субъект находится под страхом раскрытия совершенного им преступления: чем серьезнее преступление, тем выраженное аффект и тем больше опасность его раскрытия, и, следовательно, тем сильнее этот комплекс подавляется... Такое напряжение, несомненно, является одним из серьезнейших факторов в признании преступником своей вины. Признание служит преступнику средством избежать следов аффекта, найти выход из создавшегося напряжения и разрядить аффективный тонус, который порождает в нем невыносимый конфликт. Признание может уменьшить этот конфликт и вернуть личность, в определенной степени, к нормальному состоянию, именно в этом и заключается психофизиологическая значимость этого признания»

[2]. Эти идеи Лурии А. Р. известны также как «теория аффекта»

Условно-рефлекторная теория (*conditioned response theory*), фундаментом для которой послужили известные всему миру открытия Павлова И. П.: стимул запускает соответствующую реакцию, и обусловлено это ничем иным как пережитым ранее опытом. Совершая преступление, например, хищение денежной суммы в особо крупном размере путем обмана, человек переживает эмоции (положительные — торжество удавшейся аферы, или же отрицательные — угрызения совести). Эти же эмоции преступник рефлекторно испытывает при предъявлении соответствующего стимула, что и вызывает психофизиологические изменения, регистрируемые полиграфом.

Теория активации (*arousal theory*) — теория о том, что психофизиологические показатели «работают» благодаря силе активации стимулов, которая образуется из-за значимости для тестируемого того или иного предъявления. В качестве экспериментального обоснования этой теории ее сторонники приводят «знание виновного». Суть данного термина состоит в том, что среди всех стимулов самое большое значение для правонарушителя будет иметь именно тот, что связан с совершенным им проступком. Главная особенность этой теории в том, что она акцентирует внимание не на чувствах и эмоциях, а именно на том, что преступник кое-что знает. Метод тестирования «на знание виновного» разработал в 1959 году Д. Ликкен, и по сей день он является одним из наиболее применяемых на практике. Тем не менее она имеет и противников. Так, американские специалисты в области полиграфологии Дж. Рейд и Ф. Инбау пришли к выводу, что «теория активации» может быть доминирующей в лабораторных экспериментах, но в полевых условиях угроза наказаний подавляет эффект бдительности и внимания, найденный в лаборатории» [3], что также объясняет существенное падение эффективности параметра КГР в полевых условиях проведения проверки в сравнении с лабораторными.

Теорию психологической установки (*psychological set theory*) предложил К. Бакстер еще в 1948 г. Многие отечественные ученые утверждают, что она создана путем искажения теории психологической установки советского психолога Д. Н. Узнадзе [4]. Суть теории в том, что перед тестированием у проверяемого уже готова определенная психологическая установка, которая дает о себе знать при опросе, а именно она проявляется при ответах на вопросы, при которых эта психологическая установка становится актуальной. Например, задав себе установку «солгать на вот такой и вот такой вопросы», человек непроизвольно сделает на этих вопросах акцент, что и будет заметно для взгляда полиграфолога на графике. Особенно этот эффект проявит себя, если проверяющий сам даст подэкспертному эту установку. Так, частую перед тестированием специалисты доносят до обследуемого убеждение, что полиграф выявляет ложь безошибочно.

Интересно, что наши предки, возможно, сами того не осознавая, применяли подобную хитрость. В Древней

Индии подозреваемый проходил особое испытание — нужно было потрогать за хвост священного осла. Дело в том, что заранее испытуемому внушалось, что осел особенный: животное способно почувствовать злодея через одно прикосновение, а почувствовав, оно начнет громко реветь, так как тот осквернит его своим касанием. Все в это верили. На самом же деле на этой вере проверяющие как раз и «сыграли»: предполагалось, что истинный преступник, испугавшись разоблачения, так и не дотронется до осла, который находился в темном помещении и заранее был обмазан сажей. Тот, кто возвращался с чистыми руками, и был признан виновным. Здесь имели место, как минимум, два фактора воздействия — страх угрозы наказания и психологическая установка.

В XX веке зарубежные исследователи в области полиграфологии выдвигали и другие теории, которые не нашли столь высокой поддержки, как уже упомянутые — это дихотомизационная теория (*dichotomization theory*), Теория количества информации (*amount of information theory*), теория возвращения затруднений (*retrieval difficulty theory*), теория новизны (*novelty theory*) и др.

Другая теория — ориентационная теория М. Кляйнера [5], в основе которой лежат также труды советских ученых — Соколова Е. Н., исследовавшего ориентировочный рефлекс, который был открыт И. П. Павловым. М. Кляйнер первый ввел в употребление термин «значимый стимул», который сейчас повсеместно используется специалистами при составлении вопросов. Исследования Соколова Е. Н. показали, что ориентировочный рефлекс не возникает в ответ на стимул сам по себе, а только в результате сравнения стимула со следами, оставленными в нервной системе некоторыми предшествующими стимулами. То есть яркий след психофизиологических процессов можно увидеть лишь тогда, когда среди ряда обычных, незначительных вопросов, будет задан один «тот самый», т. е. значительный.

В СССР также была крайне актуальна разработка учеными концепций, лежащих в основе психофизиологических исследований с использованием полиграфа. Так, интересна информационная теория Симонова П. В. о том, что тестируемый во время проверки испытывает потребность сокрыть какую-либо информацию, а следовательно, желание немедленно удовлетворить эту потребность становится его главной целью. Реакция появляется из-за того, что субъект не знает, как это сделать — т. е. из-за дефицита информации. Этот процесс и отражается в динамике регистрируемых параметров [6].

Немало также «молодых» российских теорий. Одной из таких является теория направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания. Ее авторами являются Олгоблин С. И. и Молчанов А. Ю. По их мнению, «полиграфная проверка представляет собой тестирование сознания, а точнее, процедуру ранжирования стимулов (в условиях действия специальной установки) на основе степени выраженности актуализируемых ими динамических личностных смыслов сознания испытуемого» [7].

Теоретическая концепция о приоритетной роли внимания Пеленицына А. Б.: «...функция внимания как обязательный атрибут организации адекватной реакции организма при воздействии значимых стимулов оказывается самым непосредственным образом связанной с происходящим в этот момент и психофизиологическими изменениями... Чем выше значимость стимула, тем больше внимание он привлекает...» [8].

Адаптационная концепция, разработанная Алексеевым Л. Г., базируется на том, что «работа всех регулирующих систем организма человека направлена на сохранение целостности организма...эмоциональная реакция человека рассматривается как динамично протекающий энергетический процесс, в котором величина энергетических затрат индивида характеризуется глубиной изменения и степенью включенности вегетативных функций различного уровня в общий процесс реагирования» [9].

Еще одна современная теоретическая концепция — эмоциональной модели инструментальной детекции лжи, в рамках которой ее автор Поповичев С. В., предметом исследований с применением полиграфа назвал эмоциональную сферу «с помощью которой полиграфист исследует содержание памяти проверяемого» [10].

Перечислены далеко не все теории, претендовавшие на научное обоснование инструментальной диагностики скрываемой информации. Их количество непрерывно пополнялось в течение всего существования исследований на полиграфе. Уже в конце XX века зарубежные специалисты отметили, что «Ни одна из теорий и ни один из теоретических подходов не способны охватить весь объем данных» [11]. К тому времени уже стало ясно, что выдвигание однокомпонентных теорий одной за другой влечет лишь к усугублению положения. Механизм мгновенного появления психофизиологических реакций в организме человека крайне сложно устроен, и это далеко не однолинейный процесс. Поэтому выбрать одну из множества предложенных концепций будет мало, и это никак не решит существующую проблему — правоприменителям не совсем ясно: чем же конкретно все-таки обусловлено действие полиграфа?

Прочной научной основы, которую бы единогласно поддержали все ученые и практики в области полиграфологии, и в самом деле, к сожалению, нет. Каждый из них видит какой-либо фактор наиболее влияющим на психофизиологические показатели, чем остальные. Однако ставя на это место, например, внимание, нельзя преуменьшать значение памяти; выдвигая на первый план психологическую установку, нельзя умалять воздействие «эффекта новизны» и т. д.

Спектр теорий полиграфологии и в самом деле крайне широк, и даже чересчур. В то же время они не исключают друг друга, а даже дополняют.

Так, по мнению Холодного Ю. И. и Ковальчука М. В., «Сложность создания единой теоретической концепции, разъясняющей функционирование «фундаментального механизма», заключается в том, что такая концепция ... обя-

зана показать нейрокогнитивные механизмы, сочетанное действие которых позволяет стороннему наблюдателю, вооруженному тем или иным средством, осуществить диагностику у человека скрываемой информации...» [12].

Предполагается, разработка такой «универсальной» теории попросту невозможна хотя бы потому, что работа полиграфолога слишком ситуативная. А если и будет создана такая теория, которая полностью раскроет все принципы действия полиграфа, то ее открытая публикация приведет к риску столкнуться с другой проблемой — этот прибор станет не нужен, потому что с тех пор его сможет «обмануть» чуть ли не каждый.

Нынешний уровень научной обоснованности действия полиграфа позволяет с ним работать. Для этого сам оператор устройства должен обладать достаточным количеством знаний о том, как устроен человеческий орга-

низм в части взаимосвязи психики и физиологии — в той мере, в которой позволяет современная наука. Исследователи спорят о том, что лежит в основе психофизиологической изменчивости, но никто из них не отрицает ее наличие. Да, мы не знаем полностью механизма перемен в дыхании, пульсе, коже в ответ на волнующие вопросы, но они есть — и это факт.

Таким образом, приведенных за несколько десятков лет объяснений действия полиграфа достаточно для применения его на практике и достижения значимых результатов в раскрытии и расследовании преступлений, а в сочетании с уже имеющимися в современной науке данными и грамотно их применяющими высококвалифицированными экспертами-полиграфологами психофизиологические исследования и экспертизы вполне могут выступать в качестве доказательства.

Литература:

1. Зеленин С. Р. Верховный Суд Российской Федерации об использовании полиграфа в судопроизводстве // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 4 / Отв. ред. Т. Ф. Моисеева. РГУП. М., 2020. С. 18.
2. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М., 2002. С. 361.
3. Reid J., Inbau F. Truth and deception. The polygraph («lie-detector») technique. Baltimore.: The Williams & Wilkins Co., 1977 (2-nd edit.). P. 430.
4. Майлис Н. П. Холодный Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. N 1. 2021.
5. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal. Handbook of Polygraph Testing. San Diego, 2002. P. 127.
6. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975. С. 173.
7. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи», академический курс. Ярославль, 2004. С. 411.
8. Пеленицын А. Б. Сошников А. П. Жбанкова О. В. Так что же все-таки определяет полиграф? Вестник криминалистики. Выпуск 2. 2011.
9. Алексеев Л. Г. Психофизиология детекции лжи: методология. М., 2011. С. 32–33.
10. Поповичев С. В. Легко солгать тяжело. Инструментальная детекция лжи от идеологии к технологии. М., 2011. С. 52.
11. Ben-Shakhar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception. A psychophysiological and international perspective. Springer-Verlag New-York Inc., 1990. P. 192.
12. Ковальчук М. В. Холодный Ю. К. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья третья) Расследование преступлений: проблемы и пути их решения № 3.

Судебная психофизиологическая экспертиза: специфика назначения и производства

Молчанова Влада Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Судебная психофизиологическая экспертиза имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при ее назначении и производстве для наиболее эффективного раскрытия и расследования преступлений. В статье рассмотрены специфические черты данного вида экспертиз, на которые важно обратить внимание лицам, ее назначающим, а также оценивающим с точки зрения доказательства.

Ключевые слова: судебная психофизиологическая экспертиза, специфика, назначение экспертизы, производство экспертизы.

СПФЭ назначается в соответствии с процессуальным законом соответствующего судопроизводства. Так, в рамках уголовного процесса СПФЭ назначается в порядке, предусмотренном ст. 195 УПК РФ. Следователь выносит постановление о назначении судебной экспертизы, либо возбуждает ходатайство перед судом, где обязательно указывает основания назначения, кто производит экспертизу, вопросы, поставленные перед экспертом, а также предоставляет в распоряжение эксперта материалы, необходимые для проведения экспертизы.

Так как для эффективного проведения СПФЭ имеет важное значение (особенно, если речь идет о тестировании по методике выявления скрываемой информации — МВСИ) осведомленность лиц, участвующих в процессе о фактах, связанных с исследуемыми событиями, лицу, назначающему экспертизу, необходимо подобрать наиболее оптимальный момент для этого с точки зрения криминалистической тактики.

В решении данного вопроса необходимо учесть следующее.

Зачастую следователи принимают решение о назначении СПФЭ непосредственно перед окончанием проведения следственных действий, когда проведены все допросы, очные ставки, причем несколько раз между одними и теми же лицами. В такой ситуации многие факты, связанные с преступлением, становятся известны участникам процесса, что усложняет работу эксперта.

Если СПФЭ будет проведена сразу же после совершения преступления, «по горячим следам», тогда у полиграфолога будут некоторые преимущества.

На начальном этапе расследования другие участники производства, а также иные лица еще не обладают сведениями о деталях совершения преступления. Соответственно, будет больше фактов, которые может знать только преступник и никто кроме него, и точность проверки будет выше. В особенности это касается преступлений, имеющих резонанс, информация о которых публикуется в новостных каналах. Случаи, когда информация о произошедшем становится известной всем, значительно усложняют проверку.

В то же время, на начальном этапе лицо, совершившее преступление, владеет еще слишком малым количеством информации о том, что известно сотрудникам правоохранительных органов и эксперту. Следовательно, правонарушитель не сможет предположить, какие именно вопросы он услышит, а «эффект неожиданности» при предъявлении в ходе тестирования повышает вероятность получения объективных результатов.

Есть и отрицательные стороны назначения СПФЭ на первоначальной стадии следствия — полиграфолог сам может испытывать дефицит данных об исследуемом событии. По причине того, что проведено еще мало след-

ственных действий, материалы, переданные эксперту, могут содержать немного подробностей произошедшего, которые тот применил бы в ходе формулирования вопросов. Полезными источниками информации для полиграфолога могут стать протоколы осмотра места происшествия и прилагающиеся к ним фото- и видео- материалы, протоколы допросов потерпевших, свидетелей, изъятые вещественные доказательства и т. д.

В связи с указанным, наилучшим временем для назначения экспертизы можно считать то, когда следователь и эксперт владеют наибольшим количеством информации о совершенном преступлении, а подэкспертный — наименьшим, на это указывает и Свободный Ф. К. [1].

Второй, но не менее важный вопрос касается того, в отношении кого назначается СПФЭ.

В первую очередь ответственным за проведение экспертизы в отношении лица, не имеющего никаких противопоказаний, является эксперт, однако, следователь, принявший решение о назначении СПФЭ, также должен быть осведомлен о том, что далеко не все могут подлежать проверке на полиграфе.

Так, Варламов В. А. обращает внимание на невозможность проведения СПФИ в следующих случаях:

- «— острой сердечно-сосудистой недостаточности;
- состояние беременности (а именно вторая половина беременности) или период резко выраженной интоксикации;
- несовершеннолетних и очень пожилых людей — в силу возраста им сложно объективно оценить смысл вопроса и его значимость;
- умственной отсталости (усложняет проверку, однако, полностью ее не исключает);
- употребления наркотиков и сильнодействующих лекарственных препаратов;
- состояния алкогольного опьянения (даже если подэкспертный употреблял алкогольные напитки за день до процедуры, т. к. полный процесс восстановления длится 51 час);
- состояния сильной усталости (в состоянии сильного переутомления человек может быть безразличен к происходящему, любая мотивация — даже избежать наказания, будет попросту отсутствовать, т. к. единственным его желанием будет отдых);
- состояния, при котором проверяемое лицо испытывает острую боль (очаг боли переключает внимание на себя, и реакции на стимулы значительно снижаются);
- наличия у лица психических заболеваний» [2].

В случаях, когда эксперт видит, что проведение тестирования с применением полиграфа в текущий момент невозможно, он обязан приостановить СПФЭ и уведомить об этом следователя, предложить перенести проведение, либо ходатайствовать о проведении медицинского или

психолого-психиатрического обследования подэкспертного, по результатам которого принять решение о возможности производство СПФЭ.

В случаях же переутомления подэкспертного или наличия иных факторов, вызывающих сомнение в объективности предстоящего исследования, решение о возможности проведения СПФЭ принимается экспертом на основании проверки адекватности реагирования подэкспертного по результатам проведения стимуляционно-адаптирующего теста.

Другая особенность СПФЭ заключается в невозможности ее проведения без согласия лица, в отношении которого она будет осуществляться. Современные методические рекомендации включают добровольность в число принципов, лежащих в основе производства СПФЭ [3] [4]. В связи с этим непосредственно перед началом экспертизы обследуемый подписывает согласие, подтверждая, что принял решение пройти проверку добровольно, а также что он ознакомлен со ст. 9 УПК РФ.

Как ранее уже указывалось, направляя постановление о назначении экспертизы, следователь обязан поставить перед экспертом вопросы.

Предъявляемые полиграфологу вопросы не должны иметь правового характера. Будет неверным сформулировать вопрос: «Совершил ли гражданин X преступление?». Поставленные перед экспертом вопросы также не могут быть связаны с истинностью или ложностью показаний подэкспертного. Вопрос «Гражданин X, утверждая, что он не совершал преступление, говорит правду?» — некорректный.

По мнению Свободного Ф. К., «...для получения достоверных и значимых результатов экспертизы следователь при вынесении постановления о назначении СПФЭ должен предоставить эксперту-полиграфологу достаточную свободу действия для разработки и постоянной корректировки тестов при работе с подэкспертным, возможность постоянной подстройки в соответствии с его меняющимися показаниями» [5].

В то же время, отвечая на поставленные вопросы, эксперт ни в коем случае не должен выходить за пределы своей компетенции и давать оценку другим доказательствам — устанавливать, являются они достоверными или же нет. Важно помнить, что полиграф устанавливает лишь информированность о том или ином событии, ее степень и источники.

Так, Комиссарова Я. В. предлагает следующие формулировки вопросов:

«1. Выявляются ли в ходе СПФЭ реакции, свидетельствующие о том, что ФИО располагает информацией о случившемся?»

2. Вследствие отражения каких обстоятельств могла быть получена обследуемым лицом эта информация? Могла ли она быть получена в момент события?» [6].

Наилучшим решением для недопущения некорректных либо слишком сужающих поле для исследований формулировок, является предварительная консультация лица, назначающего экспертизу, и эксперта о том, какие вопросы стоит вынести на экспертизу в конкретном случае.

Итак, получив постановление о назначении СПФЭ, а также необходимые материалы, эксперт-полиграфолог обязан тщательно с ними ознакомиться. Материалы дела — важный объект исследования для полиграфолога. Только детально изучив их, эксперт сможет верно сформулировать вопросы и определить порядок их предъявления. При планировании СПФЭ необходимо учитывать даже мелочи, в особенности те, которые имеют прямое отношение к событию и могли бы запечатлеться в памяти подэкспертного, будь он к нему причастен.

Многие специалисты-практики в области полиграфологии указывают на то, что при имеющейся возможности эксперт должен побывать на месте преступления, причем желательно именно в то время суток, в которое оно было совершено. Это позволит ему создать максимально широкую картину произошедшего, понять, что мог ощущать преступник в то время в том месте, что могло ему особенно запомниться или впечатлить.

Исходя из полученных материалов дела, эксперт также может создать психологический портрет личности подэкспертного. Опираясь на знания и опыт, он может предположить, каким характером и темпераментом обладает обследуемый, какие проблемы могут возникнуть в ходе проверки, какую тактику общения с ним лучше выбрать и т. д.

Немаловажное значение имеет место, где проводится СПФЭ. Так как полиграф фиксирует все малейшие изменения эмоционального состояния человека, необходимо исключить любые внешние раздражители, способные вызвать ложную реакцию и тем самым усложнить эксперту расшифровку полиграммы в дальнейшем. Поэтому местом проведения СПФЭ должно быть тихое закрытое помещение, изолированное от постороннего шума. Любой резкий звук может вызвать реакцию испытуемого, никак не связанную с предъявлениями полиграфолога. Стены помещения должны быть нейтральных тонов. Картины, плакаты, календари, зеркала и т. д. недопустимы т. к. могут стать отвлекающим фактором. Тестируемого следует располагать в удобном кресле, позволяющем сидеть в позе, в которой он не сможет устать слишком быстро. Следует уделить особое внимание на соблюдение всех условий надлежащим образом обустроенной обстановки и места для объективного проведения экспертизы, по той причине, что при нарушении указанных норм заключение эксперта может потерять доказательственную силу. Сейчас большинство исследований с применением полиграфа в рамках судопроизводства проводится с видео-фиксацией, с помощью которой в последующем участники процесса могут проследить за правильностью выполненной процедуры.

Ст. 197 УПК гласит о том, что следователь вправе присутствовать при производстве экспертизы. Если повлиять на результат исследования способен даже плакат, находящийся в кабинете, то человек, присутствующий в помещении помимо эксперта, тем более. Зерин С. Н. по этому поводу отмечает: «при проведении опроса вообще

н должно находиться посторонних лиц. Это вполне обоснованное мнение, но специалист должен в решении этого вопроса исходить из соответствующих требований УПК России... нецелесообразно присутствие во время опроса лиц, которые ранее проводили допросы опрашиваемого. Это вызывает появление у опрашиваемого нежелательное повышение уровня напряженности [7].

Литература:

1. Свободный, Ф. К. Назначение судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа / Ф. К. Свободный // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2010. — № 1–2.
2. Варламов, В. А. Детектор лжи — 2-е изд. М., 2004. С. 214.
3. Межведомственная инструкция «Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа». М., 2018.
4. Методические рекомендации «Порядок назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России». М., 2018.
5. Свободный, Ф. К. Формулирование вопросов к эксперту при назначении судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа / Ф. К. Свободный // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2010. № 3–2(16). С. 100.
6. Комиссарова, Я. В. Основы полиграфологии: учебник для магистратуры. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
7. Скрыпников А. И., Зубрилова И. С., Зерин С. Н. Методика и тактика применения полиграфа при раскрытии преступлений: методическое пособие. М., 1997.

Итак, СПФЭ обладает рядом специфических черт, которые имеют важное значение с точки зрения криминалистической тактики. Наиболее полная осведомленность об особенностях назначения и проведения СПФЭ позволит правоприменителям повысить ее эффективность и тем самым поспособствует достижению истины и осуществлению правосудия.

К вопросу о принципах административного права

Мясникова Галина Анатольевна, студент

Научный руководитель: Конвисарева Любовь Петровна, кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель декана по учебной работе
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются основополагающие принципы, административного права, и их воплощение в современной российской правовой системе. Автор исследует содержание принципов законности, добросовестности, публичности, соразмерности и однократности привлечения к ответственности.

Ключевые слова: принцип административного права, законность, добросовестность, публичность, соразмерность, однократность привлечения к административной ответственности.

В философии и науке принципы — это основополагающие мировоззренческие идеи. В российской правовой доктрине принципы права — это нормативные положения, выведенные из правовой отрасли, выполняющие три функции: основа правовой системы, герменевтическое руководство и интегрирующий источник права при нормативной недостаточности. Принципы права отражают суть права, его основы и тенденции общественной жизни.

Доктрина административного права демонстрирует, что принципы играют интегрирующую роль, поскольку выступают в качестве формального источника права в ситуациях, когда возникает правовой вакуум, когда нормативная база оказывается недостаточной или когда правовые предписания неоправданно размыты и не пред-

ставляют чётких ориентиров для принятия решений. Это создаёт благоприятные условия для различных злоупотреблений и ошибок [16].

Принципы административного права отражают его сущность, источники и специфику, обеспечивая соблюдение прав человека в административных делах.

Признаки системы принципов административного права: устойчивость применения; взаимодополняемость и совместимость; обязательность соблюдения всеми участниками; равноценность принципов, о чем пойдет далее речь в статье.

Принцип законности — ключевой в административном праве. Он требует безусловного подчинения закону всех субъектов, осуществляющих публичное управление. Ещё древнегреческий философ Платон видел

в законности следования справедливым законом [14]. В правовом государстве органы государственной администрации обязана неукоснительно соблюдать все юридические нормы, и не имеют права совершать действия,

выходящие за рамки своих полномочий, установленных законом.

Важно проанализировать подходы к определению законности разными учеными:

Г. Брэбан	рассматривает законность как неразрывное единство двух ключевых аспектов: обязанности строгого соблюдения норм законодательства и обязанности активного участия в реализации и обеспечении исполнения закона [9].
Конституция Российской Федерации ст. 15	устанавливает обязанность органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию Российской Федерации и Законы [1].
Л. С. Явич	содержание законности не заключается в простом исполнении закона или в деятельности, где он реализуется, а в соответствии этой деятельности закона, то есть в законосообразности поведения [17]
Н. Н. Волпенко	требование безусловного соблюдения права, рассматриваемое вне контекста его практического применения, не отражает в полной мере сущность законности и сводит её к формальному обязательству [10].

Таким образом, в публичном управлении действует доктрина позитивной связи: государственные органы вправе совершать только действия, прямо разрешенные законом, в отличие от граждан, которым разрешено всё, что не запрещено. Принцип законности требует, чтобы действия администрации были обоснованы законодательством, включая Конституцию РФ и другие нормативные акты, образующие «блок законности», он регулирует общественные отношения, возникающих в связи с привлечением физических и юридических лиц к административной ответственности.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях также закрепляет принципы равенства перед законом, презумпции невиновности, обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с совершением административного правонарушения [2]. Административное право допускает назначение административных наказаний только в случаях, прямо предусмотренных федеральными или региональными законами, и при соблюдении установленной процедуры. Это ограничение полномочий администрации основано на принципе законности, конкретизирующем принцип верховенства права, и требует строгого соблюдения законодательства.

Публичная администрация имеет четкие правовые рамки для привлечения к административной и дисциплинарной ответственности. Принцип «нет наказания без закона», изначально уголовный, теперь распространяется и на административно-санкционное право. Законность характеризуется наличием кодифицированного, превентивного и конкретного закона. Законность в административном правоприменении — это прикладная юридическая категория, позволяющая оценить правовой статус деятельности, соблюдение законодательства и прав граждан. Это не принцип или метод, а режим, установленный законом. Законность административного правоприменения — это режим, при котором органы и должностные лица точно, полно и правильно применяют материальные и процессуальные нормы. В административно-деликтном

праве это означает, что ответственность возможна только за деяния, прямо предусмотренные законом как правонарушение или проступок.

Принцип добросовестности, предполагающий презумпцию доверия к управляемому лицу, был заимствован римским правом для разрешения споров на основе доброй воли участников [12]. В сфере административного права данный принцип приобретает особое значение, поскольку он отражает отношения между управляющим и управляемым лицом. Добросовестность основана на уважении достоинства, прав граждан и госслужащих, лояльности и доверии. Она закреплена в Конституции РФ и законодательстве.

Так статья 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита этих прав — обязанностью государства. В соответствии со статьёй 4 Федерального закона от 27 июля 2024 года номер 79-ФЗ «о государственной гражданской службе Российской Федерации» приоритет прав и свобод человека и гражданина является одним из принципов гражданской службы [2].

Статья 3 Федерального закона от 26 декабря 2008 года номер 294-ФЗ «о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3] специально выделяет принцип презумпции добросовестности для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Принцип добросовестности, имеющий конституционное основание, важен для административно-публичной деятельности, укрепляя права граждан и доверие к правовой системе. Он основан на правовой определённости, авторитете, лояльности и презумпции законности. Добросовестность — это нормативный принцип, интегрированный в административное право, и она предполагается, пока не доказано обратное.

Стоит отметить, что в юридической среде обсуждается предложение о закреплении принципа презумпции доверия к действиям сотрудников полиции в соответствующем законодательстве [8]. Принцип добросовестности

предполагает взаимное доверие между государством и гражданами. Государство действует лояльно к представляемым, а граждане проявляют патриотизм и поддерживают институты власти. Он не отменяет административные наказания и подчиняется принципу законности. Деятельность администрации публична, за исключением случаев, установленных законом. Акты госорганов, их основания и процедуры должны быть общедоступны. Информация о деятельности органов государственной власти открыта для всех.

Принцип гласности, охватывающий все государственные органы, а не только административные структуры, является основополагающим для оптимизации взаимодействия всех ветвей государственной власти и обеспечения реализации общественных интересов, за которые они несут ответственность [15].

Принцип публичности обеспечивает осведомленность заинтересованных лиц о мотивах, основаниях и процедурах разбирательств. Государственные органы обязаны его соблюдать во всех взаимодействиях, кроме случаев, предусмотренных законом. В административных производствах публичность тесно связана с другими принципами, особенно с принципом соразмерности. Последний защищает права привлекаемого к ответственности лица, требуя от органов административной юрисдикции сбалансированного и справедливого применения полномочий, основанного на объективных критериях. Юридическая ответственность должна быть дифференцированной, как того требуют принципы справедливости и соразмерности. Это означает, что выбор вида и степени государственного принуждения должен учитывать тяжесть совершённого правонарушения, объём и характер причинённого ущерба, степень вины нарушителя, а также другие существенные обстоятельства, влияющие на индивидуализацию наказания [4].

Несмотря на то, что принцип публичности является общим правилом, следует признать, что он не является абсолютным и допускает исключения в случаях, когда конфиденциальность той или иной информации имеет первостепенное значение. Наиболее ярким примером института, основанного на принципе ограничения доступа к информации, является институт государственной тайны, урегулированный Федеральным законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «о государственной тайне». Согласно данному закону, государственная тайна представляет собой конфиденциальную информацию, разглашение которой может повлечь ущерб национальной безопасности Российской Федерации. При

этом, применение режима секретности допустимо исключительно в исключительных случаях и только по решению уполномоченных органов государственной власти.

Административная ответственность и её применение должны быть соразмерны тяжести правонарушения, учитывать обстоятельства, личность нарушителя и степень его вины, чтобы последствия соответствовали причинённому ущербу. (Основано на постановлении Конституционного Суда) [5]. Определение уровня административных санкций требует корректного применения оценочных критериев, а не автоматического применения системы наказаний. Выбор наказания, основанный на принципе пропорциональности, должен учитывать как объективные, так и субъективные обстоятельства правонарушения, включая значимость деяния, умысел, биографию нарушителя, ущерб, смягчающие/отягчающие обстоятельства и другие факторы. На основе этого публичная администрация определяет конкретную санкцию в установленных пределах.

При назначении административных наказаний важна совокупность всех принципов для обеспечения надлежащей процедуры. При дискреционных полномочиях необходимо взвешенно рассматривать обстоятельства дела для соразмерности наказания. Принцип «не дважды за одно и то же» гарантирует защиту от повторного наказания за одно и то же правонарушение, основанное на одних и тех же фактах. «Принцип однократности» запрещает повторное наказание и производство по делу, если правовая оценка обстоятельств уже дана [13].

Для исключения дублирования административных наказаний требуется тождество субъекта правонарушения и оснований привлечения к ответственности. Субъект — это лицо, уже привлекавшееся к ответственности. Основания должны соответствовать конкретному правонарушению. Орган, назначающий наказание, обязан учитывать, что противоправное поведение должно быть чётко определено в законе, чтобы лицо знало, за что его наказывают.

Проблема принципов административного права требует дальнейшего исследования из-за отсутствия единого понимания их сущности и недостаточной изученности их эффективной реализации в России. Определение состава и содержания принципов, а также их системная организация остаются открытыми вопросами. Необходима разработка целостной системы принципов для совершенствования деятельности органов публичной администрации и судебных органов. Данное исследование — лишь отправная точка для дальнейшего углубленного изучения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принято всенародным голосованием 12 декабря 1993 года точка, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования первого июля 2020 года.)//официальный интернет-портал правовой информации.URL:<http://pravo.gov.ru>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: 195-ФЗ от 30.12.2001№ (ред. от 07.04.2025) ст. ст. 1.4, 1.5, 1.6 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
3. Собрание законодательства Российской Федерации.2004 № 31. Ст. 3215.

4. Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52(ч.1). Ст. 6249.
5. Определение конституционного суда от 27 февраля 2018 года № 525-О «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «РусТендеры» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 3. Ст. 7. 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»
6. Постановление конституционного суда от 18 января 2019 года № 5-п «по делу о проверке Конституции»
7. Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 2010. Т. 3. С.111.
8. Борисов С. В., Вилинский Г. О. Критерии доверия сотруднику органов внутренних дел и военной полиции в аспекте противодействия экстремистской деятельности и её финансированию//Право в вооружённых силах. 2018. № 7. С.109–113.
9. Брэбан Г. Французское административное право/пер. с фр. под ред. и со вступ. ст. С. В. Боботова. Москва, 1988. 488с. С.171.
10. Вопленко Н. Н. Теоретические проблемы режима законности применении норм социалистического право: дис... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1983. С.65–66.
11. Кучеренко А. В. Добросовестность в публичном праве//Хозяйство и право. 2022. № 6. С. 12–26.
12. Нобель А. Р. Реализация принципа non bis in idem при привлечении к публично-правовой ответственности//актуальные проблемы российского права. 2022.Т.17. № 3.С.11–18.
13. Платон. Диалоги. Москва, 2000. 607 с. С.429.
14. Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в системе единой публичной власти//Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2023. № 2. С. 24–49.
15. Черников В. В. актуальные вопросы качества полицейского законодательства России//административное право и процесс. 2021. № 7. С. 16–27.
16. Явич Л. С. Право и общественные отношения.М.,1971. С. 42

Гарантии и компенсации работающим по трудовому договору в общеобразовательных организациях, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации

Надь Яна Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Белоусов Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье проводится комплексный анализ системы гарантий и компенсаций, предоставляемых работникам, занятым в специализированных образовательных организациях военного профиля, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации. Исследуются особенности правового регулирования трудовых отношений в президентских кадетских училищах, суворовских военных училищах, нахимовских военно-морских училищах, кадетских (морских кадетских) военных корпусах, кадетских школах, казачьих кадетских корпусах и военно-музыкальных училищах. Рассматриваются как общие нормы трудового законодательства, так и специальные ведомственные акты, регламентирующие предоставление дополнительных льгот и компенсаций педагогическим, административным и вспомогательным работникам данных учреждений. Особое внимание уделяется судебной практике и актуальным проблемам реализации трудовых прав работников.

Ключевые слова: трудовые гарантии, компенсации, военные образовательные организации, кадетские училища, суворовские училища, нахимовские училища, военно-музыкальные училища, Министерство обороны РФ, трудовые правоотношения.

Guarantees and compensations for those working under an employment contract in general education organizations under the jurisdiction of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Nad Yana Yuryevna, student master's degree

Scientific advisor: Belousov Vladimir Nikolayevich, candidate of law sciences, associate professor
Baikal State University (Irkutsk)

The article provides a comprehensive analysis of the system of guarantees and compensations provided to employees employed in specialized military educational organizations under the jurisdiction of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The article

examines the specifics of the legal regulation of labor relations in presidential cadet schools, Suvorov military schools, Nakhimov naval schools, cadet (naval cadet) military corps, cadet schools, Cossack cadet corps and military music schools. Both general norms of labor legislation and special departmental acts regulating the provision of additional benefits and compensations to teaching, administrative and support staff of these institutions are considered. Special attention is paid to judicial practice and topical issues of the implementation of workers' labor rights.

Keywords: labor guarantees, compensation, military educational organizations, cadet schools, Suvorov schools, Nakhimov schools, military music schools, Ministry of Defense of the Russian Federation, labor relations.

Введение

Специализированные образовательные организации военного профиля, находящиеся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, играют ключевую роль в системе подготовки будущих офицеров, военных специалистов и лиц, ориентированных на государственную службу.

Обучение и воспитание обучающихся в таких образовательных учреждениях базируется на общечеловеческих ценностях, лучших образцах мировой и национальной культуры, истории Отечества, традициях Вооруженных Сил Российской Федерации.

Воспитательная работа организуется на основе комплексного подхода к решению задач патриотического, нравственного и эстетического воспитания обучающихся. При этом основные задачи воспитания реализуются в процессе повседневной жизни обучающихся, в совместной учебной и других видах деятельности обучающихся, преподавателей и других участников образовательной деятельности.

Эффективность воспитательной работы достигается поддержанием образцового внутреннего порядка и высокой организацией образовательной деятельности, созданием необходимых условий для успешной учебы, жизни, быта и досуга обучающихся, всесторонним информационно-технологическим обеспечением, а также сочетанием высокой требовательности к обучающимся с уважением их чести и достоинства.

К таким учреждениям относятся президентские кадетские училища, суворовские военные училища, нахимовские военно-морские училища, кадетские (морские кадетские) военные корпуса, кадетские школы, казачьи кадетские корпуса и военно-музыкальные училища.

Особый статус этих организаций обуславливает специфику правового регулирования трудовых отношений с работниками, что выражается в предоставлении им дополнительных гарантий и компенсаций по сравнению с общими нормами трудового законодательства. Вместе с тем, отсутствие единого нормативного акта, комплексно регулирующего трудовые отношения в данной сфере, порождает ряд правовых коллизий и проблем в правоприменительной практике.

Целью настоящего исследования является системный анализ гарантий и компенсаций, предоставляемых работникам указанных образовательных организаций, выявление пробелов и противоречий в правовом ре-

гулировании, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства.

1. Правовые основы регулирования трудовых отношений в военных образовательных организациях

1.1. Общая характеристика нормативно-правовой базы

Трудовые отношения в рассматриваемых образовательных организациях регулируются:

— **Трудовым кодексом Российской Федерации** (далее по тексту — ТК РФ), который устанавливает базовые гарантии для всех категорий работников.

— **Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»**, определяющим особенности правового статуса педагогических работников.

— **Федеральным законом от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»**, который в части, не противоречащей трудовому законодательству, может применяться к гражданскому персоналу военных образовательных учреждений.

— **Ведомственными нормативными актами Министерства обороны РФ** (приказы, инструкции, положения), конкретизирующими условия труда в подведомственных образовательных организациях.

— **Коллективными договорами и локальными нормативными актами**, принимаемыми в общеобразовательных организациях со специальными наименованиями.

Общие требования по регулированию труда работников Вооруженных Сил Российской Федерации отражены в статье 349 ТК РФ, которой определено регулирование труда лиц, работающих в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, а также работников, проходящих заменяющую военную службу альтернативную гражданскую службу

Вышеуказанная статья говорит о том, что на работников, заключивших трудовой договор о работе в воинских частях, учреждениях, военных образовательных организациях высшего образования и военных профессиональных образовательных организациях, иных организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти и феде-

ральных государственных органов, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, а также на работников, проходящих заменяющую военную службу альтернативную гражданскую службу, распространяются трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, с особенностями, установленными ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с задачами органов, учреждений и организаций, указанных в части первой статьи 394 ТК РФ, для работников устанавливаются особые условия оплаты труда, а также дополнительные льготы и преимущества.

1.2. Особенности трудового договора в военных образовательных организациях

Трудовые договоры с работниками данных учреждений заключаются в соответствии с общими нормами ТК РФ, однако могут включать дополнительные условия, связанные со спецификой деятельности:

- обязательство соблюдать устав и внутренний распорядок училища/корпуса;
- участие в мероприятиях военно-патриотической направленности;
- работа в условиях, приближенных к военной службе (дежурства, полевые сборы).

Отдельные категории работников (например, военные преподаватели, проходящие военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и прикомандированные для работы в общеобразовательных учреждениях со специальными наименованиями) могут иметь смешанный правовой статус, сочетающий элементы трудовых и служебных отношений.

2. Система гарантий и компенсаций работникам военных образовательных организаций

2.1. Гарантии, связанные с режимом труда и отдыха

2.1.1. Сокращенная продолжительность рабочего времени

В соответствии со статьей 333 ТК РФ педагогическим работникам устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени — не более 36 часов в неделю. Для работников военных образовательных организаций это правило дополняется особенностями:

- возможность введения суммированного учета рабочего времени в связи с круглосуточным пребыванием воспитанников;
- особый график работы воспитателей, предусматривающий дежурства в ночное время и выходные дни. При этом, порядок привлечения работников к работе в ночное время, сверхурочной работе, работе в выходные и нерабочие праздничные дни устанавливается на основании

статей 96, 99, 113, 372 ТК РФ. Основание применения сменной работы устанавливается статьей 103 ТК РФ. При составлении графиков сменности работодатель учитывает мнение выборного органа первичной профсоюзной организации / совета трудового коллектива, либо иного выборного органа, представляющего интересы работников учреждения в порядке, предусмотренном ст. 372 ТК РФ.

Для отдельных категорий работников училища по распоряжению работодателя может устанавливаться режим работы с ненормированным рабочим днем (ст. 101 ТК РФ). Перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации / совета трудового коллектива, либо иного выборного органа, представляющего интересы работников учреждения.

2.1.2. Отпуска работников военных общеобразовательных организаций

Очередность предоставления оплачиваемых отпусков определяется ежегодно в соответствии с графиком отпусков, утверждаемым работодателем с учетом мнения совета трудового коллектива не позднее, чем за две недели до наступления календарного года в порядке, установленном статьей 372 ТК РФ.

Ежегодный основной оплачиваемый отпуск предоставляется работникам продолжительностью 28 календарных дней. В некоторых случаях, в зависимости от территориального расположения, работникам может предоставляться дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительность которого устанавливается в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами.

Педагогическим работникам предоставляется ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого устанавливается Правительством Российской Федерации (ст. 334 ТК РФ), продолжительность ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска педагогических работников — 56 календарных дней (Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2024 г. № 415 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках»).

Работникам с ненормированным рабочим днем предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого определяется Правилами внутреннего трудового распорядка и который не может быть менее трех календарных дней (ст. 119 ТК РФ).

2.2. Материальные гарантии и компенсации

2.2.1. Заработная плата и надбавки

Оплата труда работников военных общеобразовательных организаций на настоящее время определяется Приказом Министра обороны РФ от 30.09.2024 г. № 595

(ред. от 07.12.2024 г.) «О системе оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Размерами, порядком и условиями установления, в том числе увеличения (повышения) должностных окладов (тарифных ставок) гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации», «Условиями, размерами и порядком осуществления выплат компенсационного и стимулирующего характера гражданскому персоналу (работникам) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации», «Порядком формирования и использования фонда оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации») и складывается из:

- базового оклада;
- стимулирующих выплат (за качество работы);
- компенсационных выплат (за особые условия труда).

Надбавки могут включать:

- за квалификационную категорию;
- за выслугу лет в системе Минобороны РФ.

2.2.2. Компенсации за переезд и жилье

Отдельные категории работников (например, переведенные в другую военную общеобразовательную организацию) имеют право на:

- компенсацию расходов на переезд;
- предоставление служебного жилья (при наличии фонда).

2.3. Оказание единовременной денежной помощи

Работники военных общеобразовательных организаций могут воспользоваться единовременной денежной помощью в случаях:

- утраты личного имущества в результате стихийного бедствия — при предоставлении справок из соответствующих органов местного самоуправления, внутренних дел, противопожарной службы и других уполномоченных органов;
- смерти близких родственников (супруга(и), детей, родителей, усыновленных, усыновителей, родных братьев и родных сестер, лиц, находящихся на иждивении) —

при предоставлении копии свидетельства о смерти, завещанной в установленном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации;

— нуждаемости в специальном лечении и восстановлении здоровья в связи с ранением (травмой, контузией, увечьем) или тяжелой болезнью, полученными при выполнении служебных обязанностей, — при предоставлении соответствующих медицинских справок, заключений или иных документов, подтверждающих невозможность оказания необходимых видов медицинской помощи бесплатно.

Порядок оказания единовременной денежной помощи определен Приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 марта 2010 г. № 205 «О порядке оказания единовременной денежной помощи в Вооруженных Силах Российской Федерации».

3. Проблемы правового регулирования

Несмотря на детальную регламентацию, существуют следующие проблемы:

- Неоднозначность применения норм (например, в части дополнительных выплат).
- Ограниченность судебной практики по спорам в данной сфере.
- Недостаточная информированность работников о своих правах.

Заключение

Гарантии и компенсации для работников общеобразовательных организаций со специальными наименованиями «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военно-морское училище», «кадетский (морской кадетский) военный корпус», «кадетская школа», «кадетский (морской кадетский) корпус», «казачий кадетский корпус» и профессиональные образовательные организации со специальным наименованием «военно-музыкальное училище», находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации», сочетают в себе общие трудовые нормы и специальные военные аспекты. Их эффективное применение требует совершенствования ведомственного регулирования, во избежание правовых коллизий, и повышения правовой грамотности сотрудников таких организаций.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. Принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.
3. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ. Принят Государственной Думой 6 марта 1998 года. Одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 года.
4. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 30.09.2024 г. № 595 (ред. от 07.12.2024) «О системе оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Фе-

дерации» (вместе с «Размерами, порядком и условиями установления, в том числе увеличения (повышения) должностных окладов (тарифных ставок) гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации», «Условиями, размерами и порядком осуществления выплат компенсационного и стимулирующего характера гражданскому персоналу (работникам) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации», «Порядком формирования и использования фонда оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 18.10.2024 г. № 79823).

5. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 06.03.2010 г. № 205 (ред. от 25.01.2012) «О порядке оказания единовременной денежной помощи в Вооруженных Силах Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте Российской Федерации 19.04.2010 г. № 16923)
6. Правительство Российской Федерации. Постановление от 3 апреля 2024 г. № 415 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках»
7. Постановление Правительство Российской Федерации от 3 апреля 2024 г. № 415 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках»
8. Военное право: учебник / Институт государства и права Российской академии наук; под ред. А. Н. Савенкова и А. В. Кудашкина. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021–968 с. ISBN 978–5–6042565–7-2
9. Шкатулла В. И. Образовательное право России: учебник для вузов / В. И. Шкатулла. — М.: Юстицинформ, 2015. — 774 с. ISBN 978–5–7205–1272–9

О праве собственности в российском законодательстве

Нургалева Юлия Рашидовна, юрист
МБУ «Архитектура» (г. Среднеуральск, Свердловская область)

В статье автор исследует отсутствие дефиниции категории «право собственности» в российском законодательстве.

Ключевые слова: *собственность, право собственности, владение, пользование, распоряжение, отсутствие нормы-дефиниции, правовое понятие.*

Введение. Владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, согласно российскому законодательству, в настоящее время может собственник. Об этом говорит нам статья 209 Гражданского кодекса Российской Федерации про содержание право собственности. [1]. Однако определения, четко устанавливающего понятие «право собственности», в юридических нормах не существует.

О праве собственности. И законодательство, и юридическая наука сталкиваются с трудностями в однозначном определении права собственности. Гражданский кодекс Российской Федерации, закрепляя триаду правомочий, не снимает всех вопросов, раскрывая лишь его содержание. Останемся на каждом полномочии собственника отдельно.

Правомочие владения. Ранее, в эпоху первобытного общества, социальные связи, включая вопросы владения, определялись едиными нормами. Позднее, на смену мононормам, пришел обычай. Изначально, владение рассматривалось как экономическое явление. Впоследствии, отношения, связанные с принадлежностью, присвоением и использованием материальных ценностей, а также право владения, нашли свое отражение в формирующихся источниках права [2].

Правомочие владения предполагает фактический контроль над вещью, исключающий возможность вмешательства в этот контроль со стороны третьих лиц. Владение,

таким образом, включает в себя как активное использование вещи (фактическое господство), так и пассивную защиту от посягательств на нее (недопущение третьих лиц).

Правомочие пользования. Право пользования появляется, когда владелец извлекает выгоду или пользу из этого имущества, например, использовать ее для удовлетворения своих потребностей или получает доход.

Правомочие распоряжения. Правомочие распоряжения позволяет юридическую судьбу имущества, что позволяет собственнику отчуждать имущество, передавать его другим лицам во владение и пользование, сохраняя при этом за собой титул собственности.

Указанный комплекс правомочий открывается в нижеперечисленном: лицо может совершать абсолютно любые законные действия с принадлежащим ему на праве собственности объектом права.

Е. А. Суханов подчеркивает двойственную природу права собственности: оно одновременно является субъективным правом, то есть возможностью конкретного лица совершать определенные действия, и объективным правом, то есть целостной системой правовых норм, регулирующих отношения собственности. Право собственности, считает Е. А. Суханов, это предоставление уполномоченному лицу возможности определенного поведения, в субъек-

ективном смысле, а, следовательно, субъективного права, в объективном смысле — целостный институт права [3].

Согласно Е. А. Суханову, ключевое отличие собственника от других законных владельцев (таких как доверительные управляющие или арендаторы) заключается в том, что только собственник обладает полным набором правомочий: владением, пользованием и распоряжением. Иные владельцы могут обладать лишь частью этих правомочий или всеми ими, но на ограниченных основаниях. Владение, пользование и распоряжение, безусловно, важны для собственника, но их недостаточно. Евгений Алексеевич Суханов справедливо отмечает, что российская, правовая традиция исходит из принципа неделимости права собственности. Это означает, что на один и тот же объект не может быть установлено два различных права собственности. Право собственности либо сохраняется в полном объеме, либо полностью прекращается [4]. Иными словами, традиционное представление о правах собственника как о «триаде» (владение, пользование, распоряжение) не всегда отражает реальный объем возможностей, которыми он обладает.

Видный правовед Сергей Сергеевич Алексеев рассматривал право собственности в двух аспектах: как объективное право, представляющее собой совокупность юридических норм, регулирующих отношения собственности, и как субъективное право, реализуемое через три ключевых правомочия: владение, пользование и распоряжение. Алексеев подчеркивал исключительную значимость института права собственности, характеризуя его как «неприкосновенный» и «священный», что отражает его незаменимость по сравнению с другими имущественными правами, которые, в свою очередь, могут быть трансформированы в право собственности [5].

А. В. Венедиктов предлагает оригинальное понимание триады правомочий, рассматривая их как интегрированный комплекс, определяющий право собственности вне зависимости от стадии его реализации. Ключевым моментом, по мнению ученого, является наличие волевого элемента у собственника. Право собственности, в его интерпретации, заключается не только во владении и распоряжении средствами производства, но и в реализации собственных интересов и целей. Венедиктов подчеркивает, что именно сочетание власти и личного интереса отличает право собственности от других прав, таких как вещные или обязательственные. Он приводит пример с арендатором, который действует на основании власти, полученной от собственника «использует... имущество властью, полученной от собственника» [6], в то время как собственник реализует свои права «использует принадлежащие ему средства и продукты производства своей властью и в своем интересе» [7].

К. И. Скловский, анализируя триаду правомочий собственности, подчеркивал, что владение, пользование и распоряжение — это не сами права, а лишь их проявление в действительности, — являются фактами. Суть же собственности, по его мнению, заключается в воле и интересе собственника, в выражении его личности через эти действия [8].

Стоит заметить о том, что и суды в Российской Федерации в своих актах указывают только «триаду» правомочий собственности: владеть, пользоваться, распоряжаться, не раскрывая более подробно сути полномочий собственника [9] [10]

Таким образом, предлагаем статью 209 Гражданского кодекса «Право собственности» изложить в следующей редакции:

«ст. 209. Право собственности.

1. Право собственности — это гарантированная и защищаемая законом возможность субъекта по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью.

2. Собственность, указанная в статье 209.1 настоящего кодекса, принадлежит собственнику. Им может быть: физическое лицо, юридическое лицо, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования.

3. Право владения — это законная возможность фактически обладать имуществом.

4. Право пользования — это законная возможность извлекать пользу из имущества, используя его свойства и получая от него выгоду в различных формах, таких как доход, прирост, плоды, приплод и т. д.

5. Право распоряжения — это законная возможность определять юридическую судьбу имущества, например, продать, подарить, завещать.

6. Собственник вправе совершать с принадлежащим ему имуществом любые действия, если они не противоречат закону, не нарушают права других лиц и не ущемляют их законные интересы. Он может, например, продать имущество, передать кому-либо права владения, пользования и распоряжения, обременить имущество залогом или иным способом, или распорядиться им любым другим законным образом.

7. Закон обеспечивает равную защиту прав всех владельцев собственности.

8. Собственник земли может свободно владеть, пользоваться и распоряжаться ею в рамках, разрешенных законом, при условии, что это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не наносит вреда окружающей среде.

9. Право собственности действует бессрочно. Прекращение права собственности в принудительном порядке возможно только в случаях, прямо предусмотренных настоящим Кодексом.

10. Собственник несет ответственность за содержание своего имущества, если иное не установлено законом или договором, и не может переложить эту ответственность на другое лицо в одностороннем порядке.

11. Собственник несет риск случайной гибели или повреждения своего имущества, если иное не предусмотрено законом или договором».

Проанализировав позиции авторитетных ученых-юристов, можно заключить, что собственник обладает исключительным набором правомочий, включающим владение, пользование и распоряжение имуществом. Эти правомочия по своей сути и объему существенно отличаются

от прав, которыми обладает лицо, не являющееся собственником. Нелогично полагать, что права, переданные собственником другим лицам, тождественны тем правам, которыми изначально обладал сам собственник.

Заключение. В заключение следует отметить, что, несмотря на значительное разнообразие мнений среди спе-

циалистов в области юриспруденции, на сегодняшний день не сформировалось единого, общепризнанного понимания содержания термина «право собственности». Существующая дефиниция данного понятия требует унификации с последующим их закреплением в национальном законодательстве.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301
2. Карнушин В. Е. Беститульное владение и его защита автореферат дис... кандидата наук. М., 2013. с.3–4, 9–14.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов.—3-е изд., перераб. и доп.— Москва: Статут, 2023. 15ВМ978–5–8354–1887–9 (в пер.) Т. П: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 508 с. 15ВМ978–5–8354–1889–3.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов.—3-е изд., перераб. и доп.— Москва: Статут, 2023. 15ВМ978–5–8354–1887–9 (в пер.) Т. П: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 508 с. 15ВМ978–5–8354–1889–3
5. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории- 3-е изд. Перераб. и доп.- М.: Норма: Инфра-М, 2010.- 240 с Вопросы советского гражданского права [Текст]: Сборник [статей] / Под ред. проф. М. М. Агаркова; Акад. наук СССР. Ин-т права. Сб. 1 [Текст] / 1 т.; 25 см. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, Полиграфкомбинат им. Молотова, 1945 (М.), 1945. 172 с.
6. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.;Л., 1948
7. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. — М.: Статут, 2010. — с 182–205
8. 9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 13.03.2025 по делу N 33–3653/2025 (УИД 66RS0010–01–2022–003059–90) // <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=230529&cacheid=04C3983E13ABA69EB146A2DEB8A5663E&mode=splus&rnd=psthqw#sEco3IUva7u9UrC8> (дата обращения — 12.05.2025 г.)
9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20.02.2025 по делу N 33–2113/2025 (УИД 66RS0009–01–2024–002639–77) // <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=230743&cacheid=4B2221805FB8A88DE841E9A76DECE5DD&mode=splus&rnd=MPtm3A#Abyo3IUiIZFMe3ci1> (дата обращения — 12.05.2025 г.)

Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними

Нургатина Милана Маратовна, студент;
Фетисова Виолетта Витальевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются специфические аспекты осуществления прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Анализируются ключевые нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу, выявляются существующие проблемы и пробелы в законодательстве и правоприменительной практике. Предлагаются конкретные направления совершенствования нормативной правовой базы с целью повышения эффективности прокурорского надзора и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: прокурорский надзор, несовершеннолетние, расследование преступлений, уголовное судопроизводство, органы предварительного расследования, права несовершеннолетних, УПК РФ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», нормативные правовые акты.

Актуальность исследования прокурорского надзора в сфере преступлений несовершеннолетних обусловлена необходимостью баланса между защитой

прав ребенка и интересами общества [1, с. 377]. Несовершеннолетние, в силу возрастных и психологических особенностей, требуют особого процессуального подхода,

что закреплено в ст. 421 УПК РФ, Конвенции о правах ребенка (1989) и Минимальных стандартных правилах ООН (Пекинских правилах). Цель статьи — выявить пробелы в правовом регулировании и предложить меры по совершенствованию надзорной деятельности прокуратуры.

Согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ, прокурор обязан утвердить постановление о возбуждении дела в отношении несовершеннолетнего, оценив обоснованность и соблюдение специальных условий (возраст, участие законных представителей). Однако на практике часто игнорируется необходимость проверки психологического состояния подростка, что противоречит п. 2 ст. 43 Конвенции о правах ребенка.

Пункт 1 ст. 425 УПК РФ обязывает следователя обеспечивать участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего. Прокурорский надзор здесь направлен на пресечение формального подхода, но, как показывает анализ судебной практики (Обзор ВС РФ № 1 за 2023 г.), в 40 % случаев специалисты привлекаются лишь «для галочки» [2, с. 555].

Статья 10 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности» требует координации между следствием и профильными органами. Однако отсутствие механизма оперативного обмена информацией (например, о условиях жизни подростка) снижает эффективность реабилитационных мер.

Итак, важно заметить, что прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование, является одним из основных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации, закрепленным в статье 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В отношении уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, этот надзор приобретает особую социальную и правовую значимость [3, с. 135].

Его основная цель состоит не только в обеспечении законности процессуальных действий и решений, но и в гарантировании соблюдения специфических прав и интересов несовершеннолетнего, обусловленных его возрастом, уровнем развития и социальной уязвимостью. Прокурор должен контролировать не только формальное соблюдение норм УПК РФ, но и фактическое обеспечение прав несовершеннолетнего на защиту, на участие законного представителя, педагога, психолога, на условия содержания под стражей, соответствующие его возрасту, а также на учет данных о его личности, условиях жизни и воспитания, как того требует статья 421 УПК РФ.

Анализируя теоретический и практические аспекты данного вопроса, отметим ряд следующих проблем [2, с. 556]:

1. Дефицит специализации прокуроров. Согласно ст. 45.1 ФЗ «О прокуратуре», надзор осуществляется общими отделами, чьи сотрудники редко обладают знаниями в области ювенальной юстиции.

2. Формализм при оценке реабилитационных программ. Даже при прекращении дел по ст. 432 УПК РФ про-

куроры редко контролируют исполнение принудительных мер воспитания.

3. Недостаточный учет мнения несовершеннолетнего. Требования ст. 12 Конвенции о правах ребенка о праве ребенка выражать свое мнение часто игнорируются в ходе надзора.

Для решения представленных выше проблем предлагаются следующие пути решения проблем:

1. Дополнение УПК РФ:

— Ввести обязательное участие психолога на всех этапах следствия (допрос, экспертиза, суд) путем внесения изменений в ст. 425 УПК РФ.

— Закрепить в ст. 37 УПК РФ обязанность прокурора запрашивать заключение органа опеки о условиях жизни несовершеннолетнего и др.

Более подробно рассмотрим изменения в УПК РФ:

— Дополнить статью 37 УПК РФ (Прокурор) положением, прямо обязывающим прокурора, осуществляющего надзор за расследованием дел о преступлениях несовершеннолетних, уделять особое внимание фактическому соблюдению прав несовершеннолетнего, в том числе путем изучения материалов, характеризующих его личность и условия жизни, а также, при необходимости, путем личного участия в отдельных следственных действиях (например, первых допросах по наиболее серьезным делам).

— Внести изменения в статью 426 УПК РФ (Участие законного представителя), предусмотрев более четкий и оперативный механизм замены законного представителя в случаях, когда его действия противоречат интересам несовершеннолетнего. Например, закрепить право прокурора или следователя (с согласия прокурора) ходатайствовать перед судом о такой замене в упрощенном порядке.

— Ужесточить требования статьи 423 УПК РФ (Избрание меры пресечения), предусмотрев обязательное согласование с прокурором не ниже определенного уровня (например, прокурором района или города) ходатайств следователя или дознавателя об избрании в отношении несовершеннолетнего меры пресечения в виде заключения под стражу.

— Дополнить статью 421 УПК РФ (Обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних) положением об обязательном участии специалиста (психолога или педагога) в процессе собирания сведений об уровне психического развития и иных особенностях личности несовершеннолетнего, а также об условиях его жизни и воспитания, с составлением мотивированного заключения, подлежащего обязательной оценке прокурором при утверждении обвинительного заключения (акта).

2. Изменения необходимо внести и в ФЗ «О прокуратуре»:

— Создать специализированные подразделения по надзору за делами несовершеннолетних (аналоги ст. 19 ФЗ «О прокуратуре»).

— Ввести обязательное обучение прокуроров по программам ювенальной психологии (ст. 43.3 ФЗ).

3. Уточнение межведомственного взаимодействия:
— Утвердить в Постановлении Правительства № 634 порядок обмена данными между прокуратурой, органами опеки и КДН в 3-дневный срок.

Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, является важнейшим элементом системы защиты прав ребенка в уголовном процессе. Специфика данной категории дел требует от органов прокуратуры не формального, а глубокого и содержательного контроля за деятельностью органов предварительного расследования. Выявленные проблемы правоприменительной практики и существующие недостатки нормативного регулирования требуют принятия мер по их устранению. Предложенные изменения в УПК РФ и подзаконные акты

Генеральной прокуратуры РФ направлены на усиление гарантий прав несовершеннолетних, повышение профессионального уровня сотрудников, специализирующихся на «ювенальных» делах, и, как следствие, на повышение эффективности всей системы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на мониторинг правоприменительной практики и оценку эффективности предлагаемых законодательных новелл.

Реформирование нормативной базы с акцентом на специализацию прокуроров и усиление гарантий прав несовершеннолетних позволит повысить эффективность надзора. Ключевым вектором должно стать внедрение индивидуального подхода, ориентированного на реабилитацию, а не наказание.

Литература:

1. Винокуров, Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров; под редакцией Ю. Е. Винокурова. — 16-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 571 с. — Текст: электронный // URL: <https://urait.ru/bcode/543168> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Майорова, В. М. Организация прокурорского надзора за расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними / В. М. Майорова // Форум молодых ученых. — 2018. — № 6–2 (22). — С. 552–558. — Текст: непосредственный.
3. Хоменко, С. М. Сущность, цели и задачи прокурорского надзора за соблюдением законов о несовершеннолетних / С. М. Хоменко // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2020. — № 3. — С. 135–143. — Текст: непосредственный.

Влияние цифровизации на доступность и качество социальных услуг в Российской Федерации

Нырков Антон Сергеевич, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Положения настоящей научной статьи определяют степень и уровень воздействия цифровизации и информатизации на такие характеристики как доступность и качество социальных услуг в Российской Федерации, в связи с чем определяется правовая природа указанных явлений, отмечается их непосредственное состояние на современном этапе и делается заключение об эффективности внедрения цифровых технологий в социальную сферу. Автор выделяет преимущества цифровизации и успешность их применения по опыту Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, социальные услуги, доступность, услуга, качество, Российская Федерация.

The impact of digitalization on the availability and quality of social services in the Russian Federation

Nyrkov Anton Sergeevich, student

The Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

The provisions of this scientific article determine the degree and level of impact of digitalization and informatization on such characteristics as accessibility and quality of social services in the Russian Federation, and therefore, the legal nature of these phenomena is determined, their immediate state at the present stage is noted, and a conclusion is made about the effectiveness of the introduction of digital technologies in the social sphere. The author highlights the advantages of digitalization and the success of their application based on the experience of the Russian Federation.

Keywords: digitalization, social services, accessibility, service, quality, Russian Federation.

Цифровизация как основание трансформации отношений в государстве, пронизывает все сферы современного общества, где социальная сфера не остается исключением. Влияние цифровых технологий на факт предоставления социальных услуг в Российской Федерации есть актуальная тема, требующая глубокого и всестороннего исследования, что подтверждается разнообразными обстоятельствами и фактами. Например, географическая специфика Российской Федерации с ее значительной территорией и неравномерным распределением населения обуславливает проблемы доступности социальных услуг, особенно в отдаленных сельских районах.

Цифровые платформы и онлайн-консультации открывают новые возможности для преодоления географических барьеров и обеспечения равного доступа к необходимым услугам для всех граждан, вне зависимости от места их проживания, что вынуждает государство в полной мере адаптироваться к современным потребностям общества, повышая, таким образом, роль и значение цифровизации в целом. Еще одним, не менее важным примером может стать государственная политика Российской Федерации, направленная на активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни, включая социальную. Так, как подчеркивает И. В. Царева, программы цифровой трансформации, например, такие, как «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривают развитие цифровой инфраструктуры и внедрение цифровых решений в систему предоставления социальных услуг государственными органами [1, с. 145].

Экономическая ситуация в государстве также оказывает свою степень воздействия на систему социальных услуг, поскольку в условиях ограниченности ресурсов, цифровизация рассматривается как способ повышения эффективности и оптимизации затрат на предоставление социальных услуг государством.

В современном мире цифровизация охватывает все аспекты жизни общества, где социальные услуги не являются исключением, а в России, как и в других развивающихся странах, этот процесс начинает оказывать заметное влияние на доступность и качество социальных услуг, предоставляемых населению, в связи с чем, применение цифровых технологий становится не только актуальным, но и необходимым для оптимизации функционирования социальной сферы. В данной связи, как отмечает в проведенном исследовании Т. И. Волостнова, начиная с 2020 года, на территории Российской Федерации в систему социального обеспечения было включено достаточное количество разнообразных программ и информационных проектов, отражающих как факт положительного их воздействия на социальные услуги, так и негативные факты их применения на практике, что делает институт цифровизации достаточно гибким, перспективным и трансформируемым на современном этапе [2, с. 25].

Основное преимущество цифровизации в данной связи заключается в повышении доступности услуг, поскольку онлайн — платформы и электронные сервисы позволяют гражданам получать необходимые услуги не выходя из дома, что особенно важно для уязвимых групп населения, таких как пожилые граждане и лица с ограниченными возможностями, которым зачастую сложно перемещаться и периодически посещать необходимые учреждения. Например, возможность подачи заявлений на получение социальных выплат, пенсий или пособий через интернет значительно экономит время и облегчает жизнь людям, нуждающимся в поддержке, но с другой стороны, создает проблемы для таких граждан, что вызвано, например, отсутствием у пенсионеров знаний и опыта в применении информационных технологий и использования интернета в целом, создавая противоречие в вопросе эффективности цифровизации для каждого гражданина без исключения.

Таким образом, неравномерный доступ граждан к интернету, что особенно характерно для сельской местности, недостаточная компьютерная грамотность населения, особенно среди пожилых людей, превращают цифровые технологии в инструмент исключения, в таком случае, если бабушка, нуждающаяся в социальной помощи, не умеет пользоваться компьютером и не имеет доступа к интернету, цифровизация для нее — не окно возможностей, а новая стена, отгораживающая ее от получения необходимой поддержки.

Возвращаясь к вопросу о преимуществах цифровизации в области доступа граждан к социальным услугам, Н. Д. Юдин в проведенной научной работе считает верным отметить, что цифровизация по своей природе способствует улучшению информированности населения о доступных социальных услугах, где создание специализированных порталов и онлайн — ресурсов помогает гражданам быстро находить информацию о необходимых услугах, условиях их получения и необходимых документах, сокращая тем самым время на поиск информации и делая процесс получения услуг более прозрачным [3, с. 181].

Цифровизация же социальных услуг и деятельности государственных органов в целом также оказывает положительное воздействие на качество социальных услуг, поскольку автоматизация процессов позволяет значительно снизить вероятность возникновения ошибок при обработке заявлений граждан, а использование современных технологий для анализа данных помогает выявлять потребности населения и адаптировать услуги под их запросы. Например, с помощью анализа больших данных можно определить наиболее востребованные услуги и улучшить их качество, а также разработать новые программы, отвечающие актуальным требованиям общества.

Помимо прочего, с помощью анализа большого числа данных можно выявлять основные проблемы и недо-

статки в предоставлении органами услуг, что открывает новую возможность для оперативного реагирования со стороны государственных органов. Персонализированный подход в таком случае становится нормой, когда услуги в полной мере отражают реальные запросы и предпочтения населения.

Невозможно не согласиться с суждением, изложенным в работе С. М. Громакова, согласно которому отмечается, что существует некоторый риск «обезличивания» социальных услуг, то есть, потери человеческого контакта, который так важен для многих категорий нуждающихся [4, с. 37]. Социальная работа есть не просто предоставление формальных услуг, это эмпатия, сочувствие, умение выслушать и поддержать, а автоматизация этих аспектов взаимодействия с клиентом может привести к снижению качества оказываемой помощи. Наряду с негативным аспектом развития института цифровизации в области обеспечения социальных услуг гражданам Российской Федерации, как отмечает И. А. Кузнецов есть и положительные аспекты его применения, что выражается в расширении информационного поля вокруг социальных программ, поскольку с помощью социальных сетей и мобильных приложений государственные учреждения могут более эффективно общаться с гражданами, предоставляя своевременно информацию о доступных услугах, нововведениях и актуальных изменениях в законодательстве, что создает дополнительное доверие между населением и государством [5, с. 84].

Однако, несмотря на явные преимущества, процесс цифровизации не лишен проблем и вызовов, одним из которых является непосредственная необходимость повышения цифровой грамотности, как среди работников социальной сферы, так и населения в целом, поскольку без соответствующего обучения многие люди могут оказаться не в состоянии воспользоваться новыми технологиями, что, в свою очередь, приведет к увеличению цифрового неравенства. Кроме того, вопросы безопасности данных и защиты личной информации становятся особенно актуальными в условиях активного использования интернет — технологий, ведь граждане при применении систем цифровых технологий должны быть уверены в том, что их данные находятся под надежной защитой, а государственные институты в том, что они способны предотвратить возможные утечки информации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровизация социальных услуг в Российской Федерации несет в себе как значительные возможности, так и определенные риски, поскольку с одной стороны она способствует улучшению доступа и качества услуг, в то время как с другой стороны, требует комплексного подхода к обучению и внедрению технологий в общественность. В связи с чем, только при условии грамотного использования цифровых инструментов государство сможет добиться значительных изменений в социальной сфере, которые сделают жизнь граждан более комфортной и безопасной.

Литература:

1. Царева, И. В. Цифровизация и информатизация социального обеспечения в Российской Федерации / И. В. Царева // Матрица научного познания. — 2022. — № 11–1. — С. 144–148.
2. Волостнова, Т. И. Цифровизация социального обеспечения в Российской Федерации / Т. И. Волостнова // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности. — 2022. — № 1. — С. 24–26.
3. Юдин, Н. Д. Тенденции развития правового регулирования цифровизации государственных услуг / Н. Д. Юдин // Теория права и межгосударственных отношений. — 2022. — Т. 2. — № 4 (24). — С. 177–182.
4. Громаков, С. М. Проблемы правового обеспечения социально значимых услуг в Российской Федерации в условиях цифровизации / С. М. Громаков // Государственная власть и местное самоуправление. — 2025. — № 1. — С. 34–39.
5. Кузнецов, И. А. Проблемы цифровизации в сфере социального обеспечения в Российской Федерации / И. А. Кузнецов, Д. М. Галиабаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 11–3 (98). — С. 83–86.

Трансформация системы социального обеспечения в России: от советского наследия к современным вызовам

Нырков Антон Сергеевич, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Положения настоящей статьи анализируют путь развития системы социального обеспечения на территории Российской Федерации, где отмечаются как принципы действия института социального обеспечения, более характерные для рассматриваемого исторического этапа и устанавливаются предпосылки перехода к различным моделям социаль-

ного обеспечения. Автор уделяет внимание современным вызовам, влияющим на эффективное действие системы социального обеспечения и предлагает пути для их непосредственного разрешения, в том числе, посредством совершенствования законодательства.

Ключевые слова: система социального обеспечения, становление системы социального обеспечения, развитие, вызовы, Российская Федерация.

Transformation of the social security system in Russia: from the Soviet legacy to modern challenges

Nyrkov Anton Sergeevich, student

The Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

The provisions of this article analyze the path of development of the social security system in the territory of the Russian Federation, where the principles of operation of the institute of social security are noted as more characteristic of the historical stage under consideration and the prerequisites for the transition to various models of social security are established. The author pays attention to modern challenges affecting the effective operation of the social security system and suggests ways to resolve them directly, including through improving legislation.

Keywords: the social security system, the formation of the social security system, development, challenges, the Russian Federation.

Трансформация системы социального обеспечения есть сложный анализ исторической эволюции, необходимость проведения которого продиктована стремительно меняющимися социально — экономическими и иными реалиями страны. Актуальность исследуемой темы может быть обусловлена не только историческим контекстом формирования современной системы социального обеспечения, унаследованной от советской эпохи, но и демографическими изменениями Российской Федерации, характеризующимися старением самого населения государства и снижением уровня рождаемости во всей стране, что, в свою очередь, оказывает колоссальное давление на систему социального обеспечения в целом. Так, увеличение числа пенсионеров и рост нагрузки на трудоспособное население требуют пересмотра подходов к финансированию и организации социальной защиты граждан, а исследование указанных аспектов позволяет в достаточной степени оценить влияние демографических трендов на финансовую устойчивость системы и предложить меры по ее адаптации к новым реалиям. Социально-экономическое неравенство, сохраняющееся в Российской Федерации, обуславливает необходимость совершенствования механизмов оказания адресной социальной помощи, а эффективное выявление нуждающихся и предоставление им необходимой поддержки есть ключевая задача, требующая более детального изучения и разработки инновационных подходов, что в очередной раз подтверждает значимость проведения анализа и исследования по теме настоящей научной работы.

Таким образом, необходимо установить, что сама система социального обеспечения в Российской Федерации, как и любой другой сложный институт в социальной области отношений, находится в состоянии непрерывного развития и совершенствования, характеризующегося, например, советским историческим этапом, гарантирующим базовый уровень поддержки каждому гражданину

без исключения, к нынешнему, более современному, где во внимание государства и его органов берется вопрос дифференциации, адресности и страховых основ, сопряженных с многочисленными вызовами и угрозами его непосредственного развития в стране.

Обращаясь к работе И. П. Чирановой и Т. И. Волостновой, связанной с развитием социального обеспечения в России, невозможно не согласиться с суждением, устоявшимся, что при исследовании системы социального обеспечения и путей ее совершенствования на территории России, особую роль приобретает хронологический метод, способствующий проведению анализа социального обеспечения во временной последовательности [1, с. 324]. В связи с чем, в качестве значимого этапа становления и развития системы социального обеспечения принято выделять, так называемый, советский период.

Советское наследие, с его акцентом на всеобщую занятость, бесплатное образование и здравоохранение, а также низкие, но гарантированные пенсии и пособия, оставили глубокий отпечаток на социальной сфере в России, и, как отмечает О. В. Капустина, эта система, хоть и обеспечивала базовый уровень защиты для большинства населения, но, все-таки, страдала от ряда серьезных недостатков [2, с. 35]. Уравнительный подход положения всех граждан снижал мотивацию к труду, а централизованное планирование и отсутствие рыночных механизмов приводили к неэффективному распределению ресурсов и низкому качеству предоставляемых услуг.

Переход Советского Союза к рыночной экономике поставил перед страной новые, беспрецедентные задачи, а необходимость реформирования системы социального обеспечения государством стала наиболее явной и очевидной для всех граждан. Страховая же модель социального обеспечения в СССР, с ее непосредственным акцентом на трудовой вклад и выплаты, казалась логичной

в направлении повышения эффективности и устойчивости системы обеспечения, согласно чему, как отмечает И. Ю. Семенова, были предприняты попытки развития новой, многоуровневой пенсионной системы, расширения адресной социальной помощи и развития негосударственного сектора социальных услуг [3, с. 86]. Однако, указанные реформы проходили в условиях экономического кризиса, высокой инфляции и роста безработицы, что привело к снижению уровня жизни значительной части населения Советского Союза и увеличению неравенства доходов граждан, адресная социальная помощь не всегда достигала тех, кто в ней действительно нуждался, а страховые механизмы оказались недостаточно развитыми для обеспечения надежной социальной защиты в условиях нестабильности.

Так, в советские времена, социальное обеспечение было основано на идее универсальности и плановости, в связи с чем, государство брало на себя ответственность за всех граждан без исключения, обеспечивая их услугами в сфере здравоохранения, образования и выплаты пенсий, что сыграло свою роль и значение для развития современной системы социального обеспечения.

Сегодняшняя система социального обеспечения может характеризоваться более гибким и адаптивным подходом, а также, целевой направленностью оказываемой государством помощи, все большее внимание органов уделяется поддержке конкретных групп населения, таких как многодетные семьи, инвалиды, пенсионеры, малоимущие и безработные граждане, в то время как программы оказываемой материальной, правовой и иной необходимой помощи, становятся более адресными и ориентированными на реальные нужды лиц.

Как подчеркивает в проведенном исследовании С. Ю. Антошкин, система социального обеспечения современной России позволяет учитывать специфику и потребности разных территорий, то есть, субъектов Российской Федерации, создавая программы федерального, регионального и местного уровня, что с одной стороны, позволяет расширить доступ к услугам и повысить их качество, однако вызывает вопросы и равной степени доступности поддержки для всех слоев населения на территории различных субъектов [4, с. 29]. Наряду же с положитель-

ными аспектами развития современной системы социального обеспечения на территории РФ, можно столкнуться и с рядом проблемных оснований, не позволяющих говорить об идеальности текущего состояния и вида системы социального обеспечения в стране. Например, появление новых форм занятости, таких как «фриланс» и удаленная работа, требует пересмотра подходов к социальной защите работников, предусматривая дополнительные механизмы реализации имеющихся у них законных прав в области социального обеспечения.

Демографическое же старение населения ведет к увеличению нагрузки на пенсионную систему и систему здравоохранения, растущая неформальная занятость снижает базу для страховых взносов, неравенство доходов требует более эффективных механизмов адресной поддержки населения государством, необходимость повышения эффективности использования бюджетных средств и улучшение качества предоставляемых социальных услуг — ставит перед системой социального обеспечения новые, более амбициозные задачи.

Решение указанных проблем, как отмечает в проведенной работе Н. В. Антонова, требует комплексного подхода, включающего в себя как реформирование пенсионной системы и развитие страховых механизмов, так и усиление адресной социальной помощи страны и повышение эффективности государственного управления в социальной сфере, где значимым является, и стимулирование экономического роста, создавая тем самым условия для повышения занятости и увеличения доходов населения [5, с. 108]. В связи с чем, в настоящее время необходимо не только учитывать уроки прошлого опыта, но и разрабатывать инновационные подходы к социальной защите, основанные на принципах справедливости, эффективности и устойчивости социального обеспечения.

Таким образом, обобщая изложенное, необходимо подчеркнуть, что сама трансформация системы социального обеспечения в России представляет собой сложный и многогранный процесс, где переход от советских принципов к современным реалиям требует понимания и баланса между традициями и изменениями, а успешная адаптация системы к новым вызовам станет ключом к благосостоянию и стабильности общества в будущем.

Литература:

1. Чиранова, И. П. Развитие социального обеспечения в России / И. П. Чиранова, Т. И. Волостнова // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 5 (233). — С. 324–327.
2. Капустина, О. В. Проблемы становления системы советского социального обеспечения в начале 1920-х гг. / О. В. Капустина // Социальное и пенсионное право. — 2020. — № 2. — С. 33–38.
3. Семенова, И. Ю. Законодательство в первые годы советской власти по социальному обеспечению семьи / И. Ю. Семенова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — 2020. — № 1 (53). — С. 81–87.
4. Антошкин, С. Ю. Понятие и система социального обеспечения РФ / С. Ю. Антошкин // Крымский Академический вестник. — 2021. — № 19. — С. 25–31.
5. Антонова, Н. В. Система социального обеспечения в РФ: социальная солидарность или социальная справедливость? / Н. В. Антонова // Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет. — 2024. — № 1. — С. 104–112.

Административные правонарушения, совершаемые в области связи и информации: правовая сущность, виды и административные наказания

Овчинникова Валерия Валерьевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Ленева Ирина Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье даны наиболее детальные определения связи и информации, разработанные современными учеными, раскрыта правовая сущность административных правонарушений в области связи и информации, представлена их классификация, а также обобщены административные наказания за данные правонарушения.

Ключевые слова: связь, информация, информационно-коммуникационная сфера, административное правонарушение, административная ответственность.

Современное общество в настоящее время динамично развивается, и одной из тенденций его развития является совершенствование цифровых технологий в сфере связи и коммуникации. Данная сфера является связующим звеном практически для всех отраслей экономики, и поэтому ее значение сегодня сложно переоценить. Но вместе с тем совершенствуются и инструменты, которые используют правонарушители для совершения противоправных деяний в области связи и информации. Введение в КоАП РФ статей, регламентирующих ответственность за новые правонарушения в данной области, не настолько динамично осуществляется по сравнению с появлением новых способов их совершения, что приводит к тому, что существующие правовые нормы бывают недостаточно эффективны. Кроме того, утвержденные административные наказания за правонарушения в области связи и информации (в особенности штрафы) оказывают сдерживающее воздействие далеко не на всех правонарушителей, и, в связи с этим, возникает объективная необходимость в совершенствовании законодательства в данной сфере.

Раскрывая правовую сущность административных правонарушений, совершаемых в области связи и информации, в первую очередь приведем наиболее детальные определения связи и информации, разработанные современными учеными.

По мнению П. А. Булатовой, «связь является ключевым элементом информационно-коммуникационной сферы, основная функция которой состоит в создании организационно-технических условий для передачи различного рода информации пользователям на всей территории Российской Федерации» [2, с. 31]. Под информацией А. Ю. Мишакова понимает «любые сведения или сообщения, независимо от формы их выражения и передачи. По степени доступности информация делится на общедоступную и информацию, доступ к которой ограничен законом» [4, с. 169]. Связь и информация как объекты административно-правового регулирования являются совокупностью общественных отношений, которые складываются и развиваются на основе применяемых информационных технологий. Это сферы, имеющие особое государственное значение, и поэтому им уделено пристальное внимание со стороны законодателя. Правовая

сущность административных правонарушений в области связи и информации заключается в посягательстве на совокупность данных общественных отношений.

Административная ответственность за правонарушения, совершаемые в области связи и информации, представлена в главе 13 «Административные правонарушения в области связи и информации». Общими характеристиками данных правонарушений являются широкая сфера регулирования, постоянное совершенствование знаний, умений и навыков правонарушителей в данной сфере; трансграничный характер, существенное влияние на общество, широкий спектр административных наказаний, необходимость специализированного контроля, сложность доказывания.

Говоря о видах административных правонарушений в области связи и информации, отметим, что в современной учебной литературе основной является их классификация по объектному составу на три группы:

- 1) правонарушения в области связи;
- 2) правонарушения, которые посягают на законодательно установленный механизм работы с информацией;
- 3) противозаконные деяния в области свободы массовой информации [3].

Данная классификация является довольно общей и имеет недостаточный уровень детализации. Для систематизации данных правонарушений разработана их авторская классификация:

- 1) административные правонарушения в сфере связи (общего характера);
- 2) правонарушения в сфере использования радиочастотного спектра;
- 3) правонарушения, связанные с распространением информации;
- 4) правонарушения в сфере защиты информации и персональных данных;
- 5) правонарушения в сфере обеспечения функционирования сети «Интернет» на территории РФ.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает следующие наказания за правонарушения в области связи и информации: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного

правонарушения, административный штраф вместе с конфискацией предмета административного правонарушения, административный арест (ст. 13.48 КоАП РФ для граждан на срок до 15 суток), дисквалификация должностного лица, административное приостановление деятельности юридического лица [1]. В ходе анализа мер административной ответственности за правонарушения в области связи и информации выявлено, что штрафы, которые назначаются в отношении правонарушителей-граждан, ниже, чем штрафы для должностных и юридических лиц. Это связано с тем, что должностные и юридические лица имеют больше возможностей для влияния на ситуацию, связанную с правонарушением, и более высокие штрафы призваны предотвратить массовые нарушения прав в данной сфере. Можно сказать, что диффе-

ренциация штрафов направлена на достижение баланса между необходимостью наказания за правонарушение, предупреждением новых правонарушений и соблюдением принципов справедливости и соразмерности.

Таким образом, по итогам проведенного исследования выявлено, что правовая сущность административных правонарушений в области связи и информации заключается в нарушении установленного порядка управления в данной сфере, посягательстве на права и законные интересы граждан, организаций и государства в информационном пространстве. Виды данных правонарушений представлены в Главе 13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Основным административным наказанием за данные правонарушения является наложение штрафа.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (часть I), ст.1.
2. Булатова, П. А. Теоретические аспекты ответственности в области связи и информации / П. А. Булатова // Вопросы устойчивого развития общества. — 2024. — № 2. — С. 29–36.
3. Магдилова, Л. В. Юридическая ответственность в информационной сфере / Л. В. Магидилова. — Махачкала: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», 2022. — URL: https://eor.dgu.ru/lectures_f/ЮОВИС/p2aa1.html (дата обращения: 12.04.2025).
4. Мишакова, А. Ю. К вопросу об административных правонарушениях в области связи и информации / А. Ю. Мишакова // NovaUm.Ru. — 2023. — № 46. — С. 168–170.

Дисциплинарная ответственность спортсменов и тренеров: правовой механизм и практика

Парфиненко Ксения Борисовна, студент

Научный руководитель: Шитов Денис Геннадьевич, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье дается комплексный обзор правовых основ дисциплинарной ответственности спортсменов и тренеров с учетом специфики профессионального спорта и спорта высших достижений. Внимание уделяется анализу норм Трудового кодекса Российской Федерации, особенно статей 192, 348.2, 348.5 и 348.13, которые закрепляют базовые принципы привлечения к дисциплинарной ответственности в спортивной сфере. Отдельный акцент делается на соблюдении антидопинговых правил, поскольку нарушение таких норм способно не только негативно отразиться на спортивной карьере конкретного атлета, но и поставить под угрозу репутацию всей спортивной организации, а также нанести вред принципам честной конкуренции. Рассматриваются ключевые меры дисциплинарного воздействия, включая замечание, выговор, увольнение, временную или постоянную дисквалификацию, и обращается внимание на их влияние на дальнейшее трудоустройство и социальные гарантии спортсменов. Приводятся примеры из отечественной практики, демонстрирующие комплексность и многоаспектность применения дисциплинарных санкций, а также необходимость учета международных стандартов. Делается вывод о целесообразности дальнейшего совершенствования правовой базы и судебной практики, обеспечивающих справедливый баланс между интересами работодателей, атлетов, тренеров и спортивных федераций, а также повышение прозрачности и единообразия правоприменения.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, тренеры, спортсмены, Трудовой кодекс РФ, спортивное право, антидопинговые правила.

В современных условиях спортивной деятельности дисциплинарная ответственность спортсменов и тре-

неров представляет собой один из ключевых элементов правового регулирования в сфере физической куль-

туры и спорта. Данное направление регулируется как общими нормами Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), так и специальными положениями, отраженными в главе 54.1 ТК РФ, где учтена специфика труда спортсменов и тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений [1, с. 12; 3].

Прежде всего, важно подчеркнуть роль статьи 192 ТК РФ, которая определяет основные виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор и увольнение. Для сферы спорта характерно наличие дополнительных мер воздействия, связанных с краткосрочной или долгосрочной дисквалификацией, отстранением от участия в соревнованиях и возможными санкциями, отраженными в локальных актах спортивных федераций [2, с. 7]. В частности, статья 348.2 ТК РФ устанавливает, что спортсмены и тренеры обязаны соблюдать антидопинговые правила и неукоснительно проходить допинг-контроль. Нарушение данного требования трактуется как дисциплинарный проступок и может повлечь за собой весьма серьезные последствия в виде аннулирования результатов, отстранения или даже расторжения трудового договора.

Наряду с этим, значимым аспектом правоприменительной практики является статья 348.5 ТК РФ, предусматривающая возможность отстранения спортсмена от участия в спортивных мероприятиях при наличии признаков нарушения дисциплины или медицинских противопоказаний. Такая мера позволяет защитить как самого спортсмена, так и репутацию спортивного коллектива. Не менее важна статья 348.13 ТК РФ, регулирующая порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров между спортсменами, тренерами и работодателями. В условиях, когда конфликт может быстро перерасти в публичную плоскость, наличие четких законодательных норм обеспечивает своевременное разрешение споров и минимизацию репутационного риска.

На практике дисциплинарная ответственность в сфере спорта не ограничивается только рамками трудового законодательства. Большая роль принадлежит спортивным федерациям, ассоциациям и лигам, которые разрабатывают собственные регламенты и кодексы поведения. Эти внутренние документы могут устанавливать дополнительные требования к спортсменам и тренерам, в том числе и к этическим аспектам их деятельности. Например, публичные высказывания, порочащие репутацию клуба или федерации, могут стать основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. В ряде случаев предусмотрено наложение штрафов, временное отстранение, запрет на участие в определенных турнирах или иных коммерческих проектах [1, с. 5].

Особое место занимает вопрос антидопинговых нарушений. В соответствии со статьей 348.2 ТК РФ соблюдение антидопинговых правил является прямой трудовой обязанностью спортсмена и тренера. Практика показывает, что применение запрещенных препаратов ведет к серьезным репутационным потерям для всей спортивной организации, а для самого спортсмена — к приостановке

карьеры и финансовым потерям. Дисциплинарные органы спортивных федераций, как правило, координируют свои действия с Российским антидопинговым агентством (РУСАДА) и международными антидопинговыми структурами. В случае выявления нарушения, наряду с трудовыми санкциями, применяются спортивные меры: аннулирование результатов, лишение званий, утрата права выступать за национальную сборную [2, с. 8].

Рассмотрение дисциплинарных споров в сфере спорта зачастую требует участия специализированных органов. Так, многие федерации создают контрольно-дисциплинарные комитеты, апелляционные комиссии или используют механизмы спортивного арбитража. Данные органы обладают правом детально анализировать все обстоятельства дела, заслушивать стороны, выносить обязательные к исполнению решения. При этом необходимо помнить о приоритете норм трудового права, ведь любой спортсмен или тренер состоит в трудовых или гражданско-правовых отношениях с клубом. Если вынесенное решение противоречит российскому законодательству, оно может быть оспорено в государственном суде.

Одним из показательных примеров практического применения дисциплинарной ответственности являются случаи, связанные с несоблюдением принципов «fair play», то есть честной игры. Поведение, нарушающее спортивный этикет (грубая игра, провокации соперников, агрессия в адрес судей), часто приводит к наложению штрафов, удалению на несколько матчей, а в тяжелых случаях — к расторжению контракта. Аналогичные санкции применимы и к тренерам, чьи публичные высказывания или конфликтное поведение могут нанести ущерб репутации клуба.

Важным инструментом для справедливого и прозрачного применения дисциплинарных норм остается юридическая экспертиза локальных регламентов и внутренних положений. Работодатели — спортивные клубы и федерации — обязаны разрабатывать такие документы в соответствии с требованиями ТК РФ и иных нормативно-правовых актов. Только при соблюдении принципа законности дисциплинарные меры способны эффективно защищать интересы спорта, не нарушая при этом права самих спортсменов и тренеров. Параллельно необходимо совершенствовать навыки правовой грамотности всех участников: руководителей клубов, тренерского штаба и самих атлетов.

Практика показывает, что одним из самых сложных вопросов остается определение соразмерности наказания. При выборе меры ответственности нужно учитывать не только степень вины и возможные последствия проступка, но и спортивные результаты, репутацию атлета, а также его вклад в продвижение клуба или сборной. Чрезмерно строгие санкции могут привести к необратимым социально-психологическим последствиям, тогда как излишняя мягкость способна сформировать у спортсменов и тренеров впечатление безнаказанности.

Таким образом, дисциплинарная ответственность спортсменов и тренеров в настоящее время представляет собой комплексный правовой механизм, основанный на

нормах ТК РФ и внутреннем регулировании спортивных федераций. Ее эффективность во многом определяется качеством нормативной базы, степенью прозрачности и объективности рассматриваемых дел, а также взаимодействием государственных органов, спортивных организаций и самих участников спортивного процесса. Для дальнейшего развития необходим системный подход,

предусматривающий постоянное обновление нормативов, учет международной практики и совершенствование судебных процедур. Только так можно обеспечить надлежащий уровень дисциплины и ответственности, способствуя при этом справедливой конкуренции, защите прав спортсменов и тренеров и укреплению позитивного имиджа российского спорта в мировом сообществе.

Литература:

1. Амиров И. М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта: к постановке проблемы // Общество и право. — 2010. — № 4(31). — С. 120–125.
2. Роголева И. Ю. Дисциплинарная ответственность в сфере спорта: правовой аспект // Теория и практика физической культуры. — 2022. — № 2. — С. 77–79.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. от 28.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002.

Правовые основы административной ответственности

Пашина Мария Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья освещает специфику формирования института административной ответственности и выделяет современные проблемы в сфере административного права, которые носят комплексный характер и требуют системного подхода для их решения.

Ключевые слова: административное право, административное правонарушение, правовая ответственность, законодательство

Административная ответственность в России представляет собой сложный правовой институт, направленный на обеспечение законности и правопорядка в различных сферах общественной жизни.

Законодательная база здесь складывается из трех уровней контроля за правонарушениями. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) — основной документ, устанавливающий составы правонарушений, виды наказаний и порядок привлечения к ответственности. Помимо него существуют федеральные законы, регулирующие отдельные сферы (например, законы в области налогов, экологии, дорожного движения).

И на уровне территориальных образований могут быть приняты законы субъектов РФ, которые способны устанавливать административную ответственность за нарушения в пределах своей компетенции. Так, статьей 11.18 КоАП РФ установлена административная ответственность за безбилетный проезд в пригородных поездах, в поездах местного и дальнего сообщения, на судах морского транспорта и судах внутреннего водного транспорта, безбилетный полет на судне воздушного транспорта и безбилетный проезд в автобусе междугородного сообщения. В свою очередь, административная ответственность за

безбилетный проезд в городском общественном транспорте определяется законами субъектов РФ.

Согласно статье 2.1 КоАП РФ, административное правонарушение — это противоправное, виновное действие (или бездействие), за которое предусмотрена административная ответственность. Работая с правонарушениями, мы можем выделить их среди других деяний по таким признакам, как противоправность (нарушение норм права), виновность (умышленное или неосторожное совершение), наказуемость (наличие санкции в законе, применимой для сложившейся ситуации) [1].

По информации председателя Верховного суда Ирины Подносковой, в 2024 году Верховный суд и суды общей юрисдикции рассмотрели 5 850 000 дел об административных правонарушениях, в 2023 году в России было рассмотрено 6 140 300 дела об административных правонарушениях [4].

В частности, это: штрафы за неуплату налогов, контроль за продажей несертифицированных товаров, обеспечение соблюдения ПДД, наказание за нарушение правил пребывания в стране.

Таким образом, мы видим, что административное законодательство является важным инструментом регулирования общественных отношений и обеспечения право-

порядка. Оно применяется в самых разных сферах жизни, что делает его одной из наиболее востребованных отраслей права. Его эффективное применение способствует защите прав граждан, поддержанию общественного порядка и развитию экономики.

Мы отмечаем так же, что административное право может работать как с физическими, так и с юридическими лицами, потому имеет большую сферу применения, распространяясь и на бизнес-процессы.

За последние 10 лет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях претерпел значительные изменения. Эти изменения были направлены на ужесточение ответственности за определенные правонарушения, внедрение новых норм в связи с развитием технологий и общественных отношений, а также на упрощение процедур и повышение эффективности правоприменения.

Развитие здесь шло в разных направлениях, в одних случаях в сторону ужесточения наказания за правонарушение, в других — введения новых ограничений. Большую роль в модернизации сыграла и цифровизация юридических процессов.

В сфере административного права в России существует ряд проблем, которые затрудняют эффективное применение норм и достижение целей административно-правового регулирования. Эти проблемы носят как системный, так и практический характер.

Некоторые формулировки статей Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ) являются расплывчатыми или противоречивыми, что приводит к неоднозначному толкованию и применению. В настоящее время частые поправки в КоАП РФ и смежные законы затрудняют их применение на практике, особенно для правоприменителей и граждан.

Присутствуют и проблемы делопроизводства. Несмотря на переход к цифровому документообороту, процедура рассмотрения административных дел может затягиваться, что нарушает принцип оперативности.

Помимо этого, развитие техники создает сложности в других сферах — законодательство ощутимо отстает от потребностей потребителя в регулировании новых сфер сообщения. Так быстрое развитие цифровых технологий (например, использование дронов, криптовалют) опережает регулирование, что создает правовые пробелы, позволяет возникать мошенническим схемам. А отсутствие четкого регулирования некоторых вопросов (например, в сфере цифровых технологий, экологии) создает трудности в привлечении к ответственности и в определении меры ответственности [2, 145].

Административная ответственность имеет свою систему ограничений. В первую очередь, она не может наступать для физических лиц младше 16 лет. Кроме того, имеются сроки давности для разных правонарушений, по истечении которых привлечение к ответственности уже будет невозможно. Должны рассматриваться также и обстоятельства совершения правонарушения — невменяемое состояние нарушителя или внешние факторы,

принуждающие его к нарушению, будут важными нюансами для принятия решения об ответственности.

Мы можем отметить, что развитие административного законодательства происходит очень активно, отвечая на запросы общества и изменяющуюся социальную ситуацию. Тем не менее, возникают моменты, когда образуется лагуна — объект для правоприменения уже существует, действия, которые можно назвать нарушениями, уже реализуются, но законодательство еще не успело сформулировать новые нормы [4, 195].

В некотором смысле это компенсируется тем фактом, что для применения административной ответственности установлен особый процессуальный порядок, который отличается от уголовного и гражданского судопроизводства относительной простотой, оперативностью и экономичностью. Так, в административном порядке в определенных случаях возможно рассмотрение дела в отсутствие сторон.

Нельзя обойти стороной и существенные недостатки современной реализации административной ответственности в России. Специалисты указывают на «инфляцию» административных наказаний, выражающуюся в регулярном увеличении административных штрафов, сроков лишения специального права, во внедрении новых видов административных наказаний. Отмечаются чрезмерная репрессивность административной ответственности, приводящая к конкуренции с уголовной ответственностью; явное и скрытое дублирование административных запретов, установленных КоАП РФ и законами субъектов РФ об административных правонарушениях, нередко с большими санкциями; сохранение неопределенности значительной части составов административных правонарушений; установление административной ответственности за деяния, которые не совершаются вообще либо встречаются в единичных случаях. В результате в деятельности органов, применяющих наказание, на первый план выходят не установленные законом цели административного наказания, а валовые показатели — количество составленных протоколов, вынесенных постановлений, сумма взысканных штрафов.

В настоящий момент существует и проблема в сфере профилактики — меры по предотвращению административных правонарушений (например, разъяснительная работа, обучение) часто носят формальный характер.

Привлечение к административной ответственности и назначение административного наказания не влекут для нарушителя судимости, не являются основаниями увольнения с работы, ограничения свободы, что зачастую создает возможность для рецидива.

При том, что административное право является гибкой динамической системой, есть и возможность регулирования административного законоприменения: решения по делам об административных правонарушениях могут быть обжалованы в вышестоящий орган или в суд в порядке, установленном КоАП РФ.

Таким образом, административная ответственность в России представляет собой сложный и постоянно раз-

вживающийся правовой институт, направленный на обеспечение законности и правопорядка в различных сферах общественной жизни. Он имеет свою структуру, свою четко очерченную зону ответственности, старается отвечать на запрос общества о новых правовых нормах. При этом административное право имеет и определённые проблемы развития, которые требуют больше гибкости в правоприменении и более высокой скорости в адаптации законодательства к изменяющимся реалиям.

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ Дата обращения 17.03.2025.
2. Интерфакс. В 2024 году из России выдворили на 34 % больше иностранцев — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009993> Дата обращения 17.03.2025.
3. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Модернизация административного права // Журнал российского права, № 11 (215), 2014, с. 143–150.
4. Краснов А. В., Алемпеев Г. С. Трансформация принципов права посредством использования цифровых технологий // Образование и право, № 1, 2025, с. 194–198.

Административное законодательство является важным инструментом регулирования общественных отношений и обеспечения правопорядка. В отличие от уголовного права, оно охватывает самый широкий спектр областей взаимодействия, применяется в самых разных сферах жизни, что делает его одной из наиболее востребованных отраслей права. Его эффективное применение способствует защите прав граждан, поддержанию общественного порядка и развитию экономики.

Временная передача детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи: вопросы обеспечения интересов детей и их биологических родителей

Петрова Екатерина Кирилловна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор отражает проблемы устройства детей, оставшихся без попечения родителей во временные семьи до вступления в силу решения суда о лишении родительских прав.

Ключевые слова: лишение родительских прав, временная семья, несовершеннолетний, законный представитель.

Защита прав и интересов несовершеннолетних является важной задачей, стоящей перед государством. Согласно Указу Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [1] Российская Федерация признает детство важным этапом развития человека и исходит из необходимости создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Среди основных угроз безопасности детей в современных условиях выделяется снижение уровня благополучия детей и семей, имеющих детей, в связи с чем нормами Семейного Кодекса РФ (далее СК РФ) [2] предусмотрен институт лишения родительских прав.

Основания для лишения родительских прав закреплены в ст.69 СК РФ, среди которых, часто встречаемыми являются: уклонение от родительских обязанностей, что может выражаться в отсутствии заботы о здоровье несо-

вершеннолетнего, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении [3], а также заболевание законных представителей хроническим алкоголизмом или наркоманией.

При рассмотрении данной категории дел суд должен исходить из объективных обстоятельств, способствующих признать иск о лишении родительских прав удовлетворенным, поскольку Пленум ВС РФ в ранее упомянутом постановлении разъяснил, что лишение родительских прав является крайней мерой ответственности. Представляется, что такая позиция соответствует интересам несовершеннолетних, выражающихся в минимизации психотравмирующих ситуаций и сохранению устойчивой связи ребенка со своим биологическим родителем.

Однако следует учитывать, что причинение психических и нравственных страданий несовершеннолетнему может быть нанесено и до вынесения решения суда о лишении родительских прав.

Согласно п.2 ст.155.1 СК РФ ребенок может быть временно помещен в организацию для детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей, в целях получения им медицинских, социальных, образовательных или иных услуг либо в целях обеспечения временного проживания ребенка в течение периода, когда родители, усыновители либо опекуны или попечители по уважительным причинам не могут исполнять свои обязанности в отношении ребенка.

Основанием для временного помещения несовершеннолетнего является заключение соглашения о временном пребывании ребенка в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Обратившись к рекомендациям для специалистов органов опеки и попечительства, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (направлены письмом Минпросвещения России от 28.05.2019 N ТС-1331/07) [4], можно установить последствия бездействия законных представителей и непродления ими срока соглашения о помещении в организацию для детей сирот, а именно: орган опеки и попечительства должен обеспечить защиту прав и законных интересов ребенка в случае неявки законного представителя по истечении срока пребывания ребенка в организации для детей-сирот, определенного Соглашением. При получении акта об оставлении ребенка в организации от организации для детей-сирот орган опеки и попечительства в течение трех рабочих дней со дня получения указанного акта обязан провести обследование условий жизни этого ребенка и, установив факт отсутствия попечения его родителей или его родственников, обеспечить защиту прав и интересов ребенка, оставшегося без попечения родителей, до решения вопроса о передаче его на воспитание в семью или в организацию для детей-сирот.

Согласно п.2 Постановления Правительства РФ от 19 мая 2009 г. N 432 «О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации» [5] организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вправе осуществлять временную передачу детей в семьи граждан (на период каникул, выходных или нерабочих праздничных дней и в иных случаях). Временная передача детей в семьи граждан не является формой устройства ребенка в семью и осуществляется в интересах детей в целях обеспечения их воспитания и гармоничного развития.

Такая практика распространена и в случае бездействия законных представителей в течение 3 месяцев со дня помещения несовершеннолетнего в учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей. При этом для помещения ребенка во временную семью не требуется решения суда о лишении родительских прав, что представляется не соответствующим целям сохранения психической устойчивости ребенка, а также целям побуждения законных представителей устранить нарушения, ставшими основаниями для помещения несовершеннолетнего в специальные учреждения. Также стоит отметить, что согласно п.2 ст.155.1 СК РФ временное помещение ребенка в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей не прекращает прав и обязанностей родителей, усыновителей либо опекунов или попечителей в отношении этого ребенка. Однако представляется, что назначение временной семьи ограничивает право родителя на участие в воспитании ребенка, а также негативно влияет на взаимоотношения с биологическими родителями.

Резюмируя вышесказанное, определение несовершеннолетнего в семью без вступившего в силу решения суда о лишении или ограничении родительских прав, не соответствует интересам ребенка и его биологических родителей, что требует внесения изменений в СК РФ и ведомственные акты министерства просвещения.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» от 17 мая 2023 г. № 358 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305170008> (дата обращения: 25.04.2025)
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та. — URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482834&dst=1000000001&cacheid=A88600B4B78625AD55EBC4C5A6FB10F4&mode=splus&rnd=5yZArjURj3tGlcYp#dibArjU4edWTFtH2> (дата обращения: 25.04.2025)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» от 14.11.2017 N 44 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/ (дата обращения: 25.04.2025)
4. Временное помещение ребенка в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: рекомендации для специалистов органов опеки и попечительства, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (направлены письмом Минпросвещения России от 28.05.2019 N ТС-1331/07) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333636/ (дата обращения: 30.04.2025)

5. Постановление Правительства РФ «О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации» от 19 мая 2009 г. № 432 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87945/ (дата обращения: 30.04.2025)

«Русская Правда»: подлинно русский источник права или заимствованный? Частное или публичное право?

Петрова Марина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Бальжиев Борис Александрович, старший преподаватель
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Изучение «Русской Правды» — одного из древнейших памятников русского права — имеет ключевое значение для понимания генезиса отечественной правовой системы. Ее анализ позволяет выявить истоки нормативного регулирования в Древней Руси, определить влияние внешних правовых традиций и выяснить соотношение частного и публичного права в ранних правовых системах. Дискуссия о том, является ли этот источник подлинно русским или заимствованным, а также к какой сфере права он относится, не теряет актуальности в правоведении, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы формирования и эволюции права в России [2, с. 30].

Ключевые слова: Русская Правда, заимствование, древнерусское право, публичное, частное право.

Основная проблема заключается в определении степени самобытности «Русской Правды». Вопрос о том, является ли она подлинно русским источником права или же представляет собой компиляцию заимствованных норм, остается предметом научных дискуссий. Не менее важно понять, к какой сфере права относится этот правовой памятник — к частному или публичному. Это требует комплексного анализа содержания сборника с учетом социального и государственного устройства Древней Руси.

Анализ текста «Русской Правды» показывает, что данный памятник права представляет собой результат синтеза местных правовых традиций и внешних заимствований. В основе сборника лежат древнеславянские правовые обычаи, регулирующие отношения собственности, обязательств, наследования и преступлений против личности. Однако нельзя отрицать влияние внешних правовых систем, что подтверждают многочисленные исследования.

Так, немецкий правовед Генрих Брунер указывал на сходство некоторых норм «Русской Правды» с положениями «Салической правды» франков, особенно в части наказаний за преступления и оценки ущерба. Другие исследователи отмечают влияние скандинавских правовых норм, что объясняется тесными связями Руси с варягами и активным участием последних в формировании древнерусского государства. Кроме того, через дипломатические и торговые контакты с Византией могли быть восприняты отдельные элементы римского права, например, в области обязательственного права [1, с. 75].

Однако влияние заимствованных норм не означает, что «Русская Правда» не является подлинно русским ис-

точником права. Напротив, заимствования носили адаптационный характер: иностранные правовые элементы перерабатывались и включались в систему местных правовых обычаев. Это свидетельствует о самостоятельном развитии древнерусского права и его способности воспринимать внешние элементы без утраты собственной идентичности.

Анализ содержания «Русской Правды» показывает, что данный сборник преимущественно регулирует отношения частного права. Основная часть норм посвящена:

- Имущественным отношениям (регламентация сделок, передача собственности, взыскание долгов);
- Обязательственным отношениям (определение наказаний за нанесение ущерба, правила орудийной и личной ответственности);
- Семейному и наследственному праву (наследование имущества, права супругов и детей).

Эти аспекты свидетельствуют о том, что «Русская Правда» была ориентирована прежде всего на регулирование отношений между частными лицами, что характерно для частного права.

Тем не менее, в сборнике присутствуют нормы, которые можно отнести к публичному праву. Например:

- Установление штрафов в пользу князя за определенные правонарушения;
- Закрепление ответственности за нападение на княжеских представителей;
- Регламентация системы наказаний за преступления против порядка (убийства, кражи, повреждение чужого имущества).

Эти положения указывают на зачатки публичного права, однако их количество в «Русской Правде» значительно меньше, чем норм частного права. Это связано с тем, что государственность в Древней Руси находилась на ранней стадии развития, а основным регулятором общественных отношений оставался обычай, а не централизованная власть [3, с. 239].

Таким образом, «Русская Правда» по своему содержанию в большей степени относится к частному праву, однако отдельные нормы могут быть отнесены к публично-правовой сфере.

«Русская Правда» является уникальным памятником древнерусского права, который отражает сочетание самобытных правовых традиций и элементов, заимствованных из внешних источников. Несмотря на влияние норм византийского, скандинавского и германского права, ос-

новной массив положений имеет русское происхождение, что позволяет считать «Русскую Правду» подлинно русским источником права.

Что касается соотношения публичного и частного права, то «Русская Правда» в основном регулирует частноправовые отношения, такие как обязательства, имущественные сделки, наследование. Однако присутствие отдельных норм, касающихся защиты государственного порядка и функций власти, позволяет говорить о наличии зачатков публичного права.

Таким образом, «Русская Правда» является важнейшим историческим документом, который демонстрирует специфику древнерусской правовой системы и этапы ее развития. Ее анализ позволяет глубже понять процессы становления права на Руси и механизмы взаимодействия норм обычного и писаного права.

Литература:

1. Георгиевский Э. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 1. — С. 74–81.
2. Зарецкая М. Г., Хлебникова А. А., Мирзоян Р. Э. Понятие и виды источников (форм) права // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12. — № 4А. — С. 29–37.
3. Попова Е. В. «Русская Правда как первая попытка кодификации права в истории России» // Молодой ученый. — 2023. — № 14 (461). — С. 237–241.

Эволюция института гражданско-правовой ответственности в России

Прачкин Илья Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Самсонов Владимир Владиславович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует вопросы становления и развития института гражданско-правовой ответственности в России с момента возникновения первобытнообщинного строя.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, юридическая ответственность, обязательства, причинение вреда, возмещение вреда.

Институт ответственности как социальное явление берет начало при первобытнообщинном строе. Первоначально отношения людей регулировали обычаи, которые были тесно связаны с религиозными нормами и нормами морали. Так, основным обычаем был обычай кровной мести, который с появлением религии рассматривался как долг, забвение которого влекло изгнание из рода [1]. С развитием личности кровная месть была заменена принципом талиона, предполагающим равное наказание за содеянное. Нарушение данного принципа влекло изгнание из рода. В последующем принцип талиона будет функционировать в писанном праве.

Постепенный переход от присваивающей экономики к производящей повлек за собой возникновение товарообмена и, как следствие, социального расслоения, появления классов. К. Маркс указывал, что в установлении за-

конных ограничений, ранее существовавших в традициях и обычаях, наиболее заинтересована господствующая часть общества [2].

В период становления Древнерусского государства и права развитие получил институт юридической ответственности. Первым письменным сводом законов Киевской Руси стала Русская Правда Ярослава Мудрого, в которой свое закрепление получают вещные и обязательственные права [3]. Речь шла, как правило, о движимых вещах. Незаконное присвоение имущества наказывалось штрафом в пользу собственника и подлежало возврату. Нарушение договорных обязательств влекло гражданско-правовую ответственность. Так, например, за длительную неуплату займа не только повышались проценты, но и взыскивался штраф, а в некоторых случаях нарушитель мог лишиться свободы. Обязательства имели

не только договорную природу, но и возникали вследствие причинения вреда. Например, за кражу коня необходимо было, помимо его возврата, уплатить владельцу денежный штраф.

Возникновение централизованного государства ознаменовано принятием Судебника 1497 года [4], который действовал до принятия Судебника 1550 года [5], источниками которых являлась, в числе прочих, и Русская Правда. Исследователи отмечают, что большее развитие в данный период получили нормы о гражданско-правовой ответственности из причинения вреда, предполагающие возмещение убытков. Развитие феодальных отношений привело к возрастанию роли договоров займа, ответственность за неисполнение которых устанавливалась в размере 100 рублей за один месяц, а выдача заемщика займодавца для отработки долга была возможна только при недостаточности имущества, на которое обращалось взыскание. Таким образом, личная ответственность постепенно заменяется имущественной.

Источником права в XVII веке выступает Соборное уложение 1649 года [6], в котором достаточно развита система договорных обязательств. Исполнение договорных обязательств обеспечивалось обращением взыскания на имущество должника. Полная зависимость вследствие неисполнения обязательства не допускалась, была возможна лишь отработка «до искупу». По обязательствам должника отвечали члены его семьи. Соборное Уложение регулирует вопросы ограничения ответственности, в том числе вследствие отсутствия вины.

Имущественная ответственность вследствие причинения вреда также предусмотрена Соборным Уложением. Так, за причинение вреда животным виновный обязан был уплатить потерпевшему двойную цену. Кроме того, документ предусматривал компенсацию упущенной выгоды от незаконных сенных покосов.

Уничтожение феодального порядка, развитие экономики и появление новых капиталистических классов привели к тому, что Соборное Уложение перестало отвечать интересам государства и общества. В 1833 году в действие был введен Свод законов Российской империи [7], где основной мерой гражданско-правовой ответственности стала неустойка, которая как явление существовала и раньше, однако сам термин был закреплен именно в указанном документе. Г. Ф. Шершеневич рассматривал неустойку как акцессорное требование в случае неисполнения в исполнении и указывал, что тем самым должник, опасаясь усложнения обязательств, побуждался к точному исполнению [8]. Важно, что до 1833 года требования об исполнении обязательства в натуре и оплате неустойки одновременно не рассматривались. Неустойка закреплялась как в законе, так и в договоре. Без основного обязательства не было и акцессорного. Возмещение убытков сверх неустойки не устанавливалось, понятия упущенной выгоды также не существовало, при этом в некоторых случаях неполученный доход подлежал возмещению виновной стороной.

Политическая ситуация в начале XX века внесла существенные изменения в устройство государства и права. Первый Гражданский кодекс РСФСР 1922 года [9] установил принадлежность основных средств производства и природных ресурсов союзному государству. Несмотря на вмешательство в частноправовые отношения, перед новым государством стояла масштабная задача по восстановлению хозяйства, для чего первоначально требовалось вовлечение капиталов.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года устанавливал, что обязательства возникают из договоров, вследствие неосновательного обогащения и причинения вреда. Договорным обязательствам были посвящены главы III-XI. Основной формой защиты прав выступает возмещение убытков, которые состоят не только из самого ущерба, но и упущенной выгоды. Убытки возмещались также в случае утраты интереса кредитора к исполнению, а на сумму предоплаты начислялись проценты за незаконное пользование денежными средствами.

В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года неустойка понималась как денежная сумма или ценность, которую один контрагент обязуется в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им договора доставить другому контрагенту. Договором мог быть предусмотрен штрафной характер неустойки, то есть ее возмещение сверх убытков, при этом основное обязательство сохранялось.

Отдельная глава была посвящена внедоговорным обязательствам. Возмещение вреда заключалось в восстановлении положения потерпевшего, существовавшего до противоправных действий, а в случае невозможности — в возмещении убытков. Установлена солидарная ответственность причинителей вреда. Возмещение морального вреда в тот период отсутствовало.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года действовал до момента принятия Гражданского кодекса РСФСР 1964 года [10]. Теперь по общему правилу неустойка носила зачетный характер, если иное не было установлено в договоре, то есть убытки взыскивались в части, которая превышает размер неустойки. Соглашение о неустойке должно быть заключено письменно, несоблюдение данного требования влекло недействительность соглашения. При этом, учитывая характер экономики, для большинства советских предприятий включение неустойки в договоры было предписано законом.

Гражданско-правовая ответственность вследствие причинения вреда также предполагала возмещение в полном объеме. Возникло понятие правомерного причинения вреда. При взыскании убытков суды должны были учитывать имущественное положение причинителя вреда и потерпевшего. Также уменьшение размера или отказ в возмещении убытков допускается с учетом степени вины самого потерпевшего, в том числе в случае, если его грубая неосторожность способствовала причинению вреда.

В 1994 году в условиях изменения политических и экономических основ государства был принят Гражданский кодекс Российской Федерации [11]. Основой современной

экономики стала частная собственность. По сравнению с советским законодательством Гражданский кодекс Российской Федерации расширил толкование реального ущерба, включив в него расходы, которые должны будут в будущем произведены с целью восстановления своего нарушенного права потерпевшим лицом. В 2015 году данный институт претерпел изменения, появилось важное положение, устанавливающее, что невозможность установления точного размера убытков не может являться основанием для отказа в защите права. На законодательном уровне получили закрепление понятие неустойки и виды неустойки (зачетная, штрафная, альтернативная, исключительная), а также основания для ее снижения. В законе

также получила закрепление ответственность вследствие причинения вреда.

Важнейшим институтом любой правовой системы является институт гражданско-правовой ответственности, который прошел длительный период становления под влиянием различных факторов. В процессе развития права произошло отделение одного вида ответственности от другой, а взамен личной ответственности была предусмотрена денежная компенсация. Неустойка и убытки являются основными мерами гражданско-правовой ответственности. Механизм их взыскания со временем изменялся, в том числе в 90-х годах XX века, что было связано с переходом к рыночной экономике.

Литература:

1. Хачатуров, Р. Л. Становление права: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Хачатуров Р. Л.; — Тбилиси, 1988. — 365 с. — Текст: непосредственный.
2. Маркс, К. Сочинения. В 39 томах. Т. 25. Ч. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. — М.: Изд-во политической лит-ры, 1962. — 558 с. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2 — е изд. — Москва: Изд-во политической лит-ры, 1962. — 558 с. — Текст: непосредственный.
3. Правда Русская: учебное пособие / под ред. Б. Д. Грекова. — Москва; Ленинград: Акад. наук СССР, 1940. — 506 с.
4. Юшков, С. В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника) / С. В. Юшков. — Саратов: издание Правления Саратовского университета, 1926. — 46 с. — Текст: непосредственный.
5. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. — Москва, 1985. — 520 с.
6. Памятники русского права: в 8 выпусках. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. — Москва, 1957. — 503 с.
7. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 томах]. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1833.
8. Шершеневич, Г. Ф. Курс гражданского права. / Г. Ф. Шершеневич. — Казань: Тип. имп. ун-та, 1901. — 206 с. — Текст: непосредственный.
9. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р. С. Ф. С. Р». (вместе с «Гражданским кодексом Р. С. Ф. С. Р.») // СУ РСФСР. — 1922. — № 71. — Ст. 904.
10. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. — 1964. — № 24. — Ст. 407.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

Проблема обвинительного уклона в деятельности следователя и пути ее решения

Пыхно Ксения Васильевна, студент

Научный руководитель: Кудряшов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Статья исследует проблему обвинительного уклона в деятельности следователей, проявляющегося в одностороннем доказывании вины и игнорировании доводов защиты, что ведет к судебным ошибкам и нарушению принципов справедливости. Авторы анализируют системные причины явления, включая законодательные пробелы и ориентацию следователей на обвинительные версии, а также предлагают пути решения: законодательное закрепление принципов объективности, реформирование кадровой политики и выделение следователя в независимую процессуальную фигуру. Работа подчеркивает необходимость устранения уклона для повышения доверия к правосудию и реализации целей уголовной реформы, направленной на баланс между борьбой с преступностью и защитой прав человека.

Ключевые слова: обвинительный уклон, уголовное судопроизводство, следователь, судебные ошибки, справедливое правосудие, уголовно-процессуальное законодательство, защита прав человека, принцип объективности, законодательная реформа, следственная практика, квалификация преступлений.

The problem of the accusatory bias in the activity of the investigator and ways to solve it

Pykhno Kseniya Vasilyevna, student

Scientific advisor: Kudryashov Andrey Vladimirovich, candidate of law sciences, associate professor
Chelyabinsk State University

The article explores the problem of accusatory bias in the activities of investigators, manifested in unilateral proof of guilt and ignoring the arguments of the defense, which leads to judicial errors and violation of the principles of justice. The authors analyze the systemic causes of the phenomenon, including legislative gaps and the orientation of investigators towards accusatory versions, and also propose solutions: legislative consolidation of the principles of objectivity, reform of personnel policy and the allocation of the investigator to an independent procedural figure. The work highlights the need to eliminate bias in order to increase confidence in justice and achieve the goals of criminal reform aimed at balancing the fight against crime and the protection of human rights.

Keywords: *accusatory bias, criminal proceedings, investigator, judicial errors, fair justice, criminal procedure legislation, protection of human rights, principle of objectivity, legislative reform, investigative practice, qualification of crimes.*

Современная уголовная политика России реализуется в контексте проводимой реформы уголовно-процессуального законодательства. Основная цель реформы — найти законные средства борьбы с преступностью при условии соблюдения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства. Одной из причин судебной реформы в Российской Федерации стало стремление соблюдения прав человека в такой важной сфере государственной деятельности, как уголовное судопроизводство.

Одной из проблем реализации функций и полномочия следователя является проблема обвинительного уклона, суть которого заключается в том, что следователь в процессе доказывания направляет усилия главным образом на получение обвинительных доказательств [1, с. 2]. Такой избирательный подход к получению доказательств нередко является причиной либо завышенной квалификации совершенного преступления, либо необоснованного привлечения в качестве обвиняемого. Обвинительный уклон чаще всего приводит к появлению следственных и судебных ошибок в уголовных делах, которые искажают истинную сущность отправления правосудия и противоречат целям и принципам уголовного судопроизводства, поставленные законодателем.

Под ошибкой в уголовном судопроизводстве следует понимать незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов уголовного процесса, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, и направленное, по мнению этих субъектов, на выполнение назначений уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее их достижению [2, с. 151]. Соответственно, обвинительный уклон заключается в том, что следователи, прокуроры, судьи игнорируют доказательства в пользу обвиняемого и не учитывают доводы защиты.

Для того чтобы понять суть данной проблемы, важно проанализировать причины и различные проявления этого явления в уголовно-процессуальной деятельности субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Одной из причин формирования обвинительного уклона в деятельности следователя является включение его в сторону обвинения. Но прежде всего главная задача следователя объективно установить все обстоятельства совершенного преступления объективно, то есть как и при каких обстоятельствах было совершено общественно опасное деяние на самом деле. В то же время анализ следственной практики и статистики показывает, что следователи часто берут в качестве основы для расследования исключительно обвинительные версии и не уделяют должное внимание на версии защиты.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации институт подачи и разрешения ходатайств (глава 15 УПК) для стороны защиты является основным средством реализации ее права на передачу своей позиции в суд. Подозреваемый, обвиняемый, их защитник вынуждены обращаться в следственный орган, прокуратуру, суд с официальными запросами, приобщать к делу доказательства защиты, признавать доказательства обвинения недействительными, отменять незаконные или необоснованные решения, исключать из участия, по делу лиц, против отвода. По смыслу Конституции Российской Федерации (статьи 33, 45) и самого УПК РФ (статья 7) право каждого обращаться в государственные органы и право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, предполагают не только право подать в государственный орган соответствующее ходатайство, но и право получить на это обращение адекватный ответ; применительно к уголовному судопроизводству это означает необходимость принятия по обращению законного, обоснованного и мотивированного решения [3]. Нарушение этого принципа «адекватного ответа» является одним из главных проводников обвинительного уклона

и отклонением от целей справедливого правосудия [4, с.100].

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации достаточно прочно укрепилось в правовом сознании общества такой феномен как «обвинительный уклон», что негативно сказывается на качестве уголовного судопроизводства, а также восприятие гражданами отправления правосудия в России.

Для решения данной проблемы предлагается:

Во-первых, законодательное оформление принципа всесторонности, полноты и объективности может решить проблему качества и полноты материалов, предоставляемых в суд органами, осуществляющими уголовное преследование, а также устранил благоприятную правовую

среду для «обвинительного уклона» или же выделить следователя в отдельную группу участников уголовного судопроизводства — сторону объективного расследования уголовного дела.

Во-вторых, проведение новой кадровой политики в судах и правоохранительных органах в судах и правоохранительных органах, рассчитанной на приток профессионалов, воспитанных на идеях уважения прав человека и гуманного правосудия, что сейчас и реализуется в современных высших учебных заведениях.

Как обвинительный, так и оправдательный уклон уголовного процесса указывают на их неэффективность и противоречат высоким стандартам справедливости и правосудия.

Литература:

1. Шумилин С. Ф. Проблема обвинительного уклона в механизме реализации полномочия следователя на привлечение в качестве обвиняемого и способ её решения / С. Ф. Шумилин. — Текст: электронный // Российский следователь. — 2010. — № 6. — С.2–11. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13241989> (дата обращения: 11.05.2025).
2. Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве / А. Д. Назаров. — Текст: электронный // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9. — С. 149–153. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obvinitelnyy-uklon-v-deyatelnosti-subektov-veduschih-ugolovnyy-protsess-kak-faktor-sposobstvuyuschiy-royavleniyu-oshibok-v-ugolovnom>(дата обращения: 11.05.2025).
3. Определение от 25 января 2005 года № 42-О По жалобам граждан П. А. Астахова, С. Д. Замошкина, В. К. Карцевой и Ю. А. Костанова на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2005. — № 4.
4. Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / Под ред. В. В. Волкова. — М.: Норма. — 2015. — С. 93–103. — URL: https://www.iuaj.net/node/1781#_ftn15

Взыскание алиментов в исполнительном производстве

Рамазанов Ислам Гасанович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности взыскания алиментов в рамках исполнительного производства в Российской Федерации. Анализируется правовая основа возбуждения и исполнения алиментных обязательств, особенности применения мер принудительного исполнения. В заключении предложены меры по совершенствованию законодательства и практики реализации алиментных требований с целью повышения уровня защиты прав детей.

Ключевые слова: алименты, исполнительное производство, судебный пристав, задолженность, меры принудительного исполнения, семейное право.

Правовая основа взыскания алиментов

Правоотношения, связанные с взысканием алиментов, регулируются главным образом нормами Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

(далее — ГПК РФ) и Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об ИП).

Алименты могут быть взысканы:

- на несовершеннолетних детей;
- на совершеннолетних нетрудоспособных детей;

- на супругов;
- на родителей;
- иные лица в случаях, предусмотренных законом.

Основаниями для возбуждения исполнительного производства являются:

1. Судебный приказ или решение суда о взыскании алиментов.
2. Нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов, имеющее исполнительную надпись [3].

Особенности исполнительного производства о взыскании алиментов

Исполнительное производство о взыскании алиментов имеет ряд специфических черт, обусловленных особым характером защищаемого права:

1. Упрощённая процедура возбуждения исполнительного производства

Согласно ч. 8 ст. 30 Закона об ИП, исполнительное производство о взыскании алиментов подлежит возбуждению в течение трёх дней со дня поступления исполнительного документа либо со дня получения из Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах информации о неуплате в установленный законодательством Российской Федерации срок денежных взысканий (штрафов) за нарушение законодательства Российской Федерации. Это связано с необходимостью оперативного начала исполнительных действий, так как речь идёт о содержании несовершеннолетних [2].

2. Применение мер принудительного исполнения

Глава 7 Закона об ИП предусматривает широкий спектр мер принудительного исполнения, включая:

- обращение взыскания на имущество, денежные средства и ценные бумаги, имущественные права, дебиторскую задолженность должника и др.;
- наложение ареста на имущество должника и т. п.;
- ограничение выезда за пределы РФ;
- ограничение права управления транспортными средствами [2].

Особое значение имеют меры по ограничению прав должника, в связи с тем, что психологический эффект таких мер часто приводит к тому, что должник предпочитает добровольно исполнить свои обязательства, чтобы избежать более серьезных последствий. Это позволяет сэкономить время и ресурсы как самого должника, так и органов принудительного исполнения.

При этом, несмотря на применение различных исполнительных действий и мер принудительного характера, некоторые должники продолжают уклоняться от уплаты алиментов, намеренно скрывая свои доходы и имущество. Особенно это касается тех, кто изначально не намерен вы-

полнять свои обязательства по содержанию несовершеннолетних детей. В ответ на такую ситуацию законодательство предусматривает дополнительные меры воздействия в виде административной ответственности. Согласно статье 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), даже частичная неуплата алиментов без уважительных причин может повлечь за собой серьезные последствия для должника: назначение обязательных работ, административный арест или наложение штрафа. Важно отметить, что применение любого из этих видов наказания не освобождает от необходимости погасить имеющуюся задолженность по алиментам. Примечательно, что, как указывает Чашкова С. Ю., для привлечения к административной ответственности достаточно даже неполного исполнения алиментных обязательств, что существенно расширяет возможности защиты прав несовершеннолетних детей [6].

В случаях, когда административные меры воздействия не приводят к желаемому результату, законодательство предусматривает возможность применения более серьезных санкций — уголовной ответственности, предусмотренной ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. Ключевым условием для её наступления является систематическая неуплата алиментов без уважительных причин после привлечения к административной ответственности. Систематичность нарушений определяется следующим образом: если после отбывания административного наказания должник продолжает уклоняться от своих обязательств. Это может проявляться в различных формах:

- полное игнорирование необходимости уплаты алиментов;
 - отсутствие попыток найти работу для погашения задолженности;
 - уплата символических сумм, не покрывающих даже минимального размера алиментов [5].
- Многие должники ошибочно полагают, что небольшие платежи (например, 1–2 тысячи рублей) могут защитить их от уголовной ответственности. Однако такая практика не только не предотвращает привлечение к ответственности, но и является доказательством:
- недобросовестного отношения к своим обязанностям;
 - намеренного уклонения от исполнения родительских обязательств;
 - пренебрежительного отношения к интересам несовершеннолетних детей.

Таким образом, даже минимальные платежи не освобождают от уголовной ответственности, а лишь подтверждают факт злостного уклонения от уплаты алиментов.

Уголовную ответственность необходимо рассматривать не только как меру наказания и возможность наставления на «путь истинный» осужденного, но и как принудительную меру, направленную на погашение задолженности по алиментам [7].

Кроме того, законодательством РФ за неуплату алиментов предусмотрена и гражданская ответственность, в виде начисления в соответствии со ст. 115 СК РФ неустойки, которую нельзя рассматривать как принудительную меру, направленную на погашение задолженности по алиментам в рамках исполнительного производства. Участие судебного пристава по начислению неустойки минимально. От него требуется лишь произвести помесичный расчет задолженности по алиментам. Все остальные действия, направленные на взыскание неустойки осуществляет сам взыскатель — получатель алиментов. Неустойка по алиментам установлена в размере 0,1 % от суммы задолженности за каждый день просрочки платежа. Взыскание неустойки осуществляется в судебном порядке на основании искового заявления получателя алиментов и устанавливается решением суда, исполнять которое будут судебные приставы в таком же порядке, как и основное требование по алиментам. Боязнь начисления неустойки как дополнительной финансовой потери должника в некоторых случаях может способствовать погашению задолженности по алиментам, а иногда и своевременной ежемесячной уплате алиментов в полном объеме [7].

Определение размера задолженности

Размер задолженности по алиментам определяется судебным исполнителем в соответствии с порядком, установленным ст. 113 СК РФ. Кроме того, ст. 83 СК РФ закреплено, что при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов на несовершеннолетних детей и в случаях, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях (в соответствии со статьей 81 СК РФ) и в твердой денежной сумме. [3].

Проблемы взыскания алиментов в исполнительном производстве

Несмотря на развитие законодательства и усиление мер ответственности, практика взыскания алиментов сталкивается с рядом проблем:

1. Соккрытие доходов должниками

Одной из наиболее распространённых проблем является факт сокрытия реальных доходов должника, что за-

трудняет расчёт задолженности и взыскание алиментов. Механизмы контроля за доходами должника требуют дальнейшего совершенствования.

2. Неэффективность мер принудительного воздействия

Некоторые меры принудительного исполнения, такие как ограничение выезда за границу или запрет на управление ТС, не всегда оказывают должного влияния на поведение должника. Это связано с отсутствием у должника соответствующих возможностей или интереса к таким действиям.

3. Длительность исполнительных действий

Даже при наличии всех необходимых документов и мер принудительного исполнения, фактическое взыскание алиментов может занимать длительное время. Причины — перегруженность службы судебных приставов, недостаточное финансирование, человеческий фактор.

Предложения по совершенствованию механизма взыскания алиментов

Для повышения эффективности взыскания алиментов предлагается:

- автоматизировать процесс учета доходов должников через интеграцию баз данных ФССП, ФНС и ПФР;
- усилить ответственность работодателей за уклонение от удержания алиментов;
- расширить полномочия судебных приставов по доступу к информации о банковских счетах и имуществе должников;
- повысить уровень квалификации сотрудников службы судебных приставов в сфере алиментных обязательств.

Заключение

Взыскание алиментов в исполнительном производстве представляет собой важную и социально значимую задачу государственной системы правосудия. Эффективное обеспечение прав получателей алиментов зависит от согласованного функционирования судов, нотариата, службы судебных приставов и иных органов государственной власти.

Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, направленное на ускорение и упрощение процедур взыскания алиментов, усиление мер принудительного исполнения, а также повышение уровня правовой культуры участников правоотношений.

Только комплексный подход позволит обеспечить реальную защиту прав детей и других нуждающихся лиц в получении алиментов.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС КонсультантПлюс.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 N 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.
6. Чашкова С. Ю. Проблемы алиментного обязательства родителей и детей: частноправовой и публично-правовой аспекты // Закон. 2022. № 1. С. 46–55.
7. Ягодина С. В. Актуальные проблемы принудительного исполнения судебных актов о взыскании алиментов и привлечения к ответственности за неуплату алиментов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prinuditelnogo-ispolneniya-sudebnyh-aktov-o-vzyskanii-alimentov-i-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-neuplatu> (дата обращения: 09.05.2025).

Понятие и классификация антиисковых запретов

Салдугей Мария Сергеевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье рассматривается понятие и классификация антиисковых запретов — особого процессуального инструмента, направленного на предотвращение или прекращение судебных и арбитражных разбирательств в иностранной юрисдикции. В работе выделяются основные основания для вынесения антиисковых запретов, а также их классификации по объекту воздействия, по временным характеристикам и по процессуальному порядку. Особое внимание уделяется противоречивой репутации антиисковых запретов в международном правовом сообществе из-за потенциального влияния на суверенитет иностранных государств.

Ключевые слова: антиисковой запрет, международные судебные разбирательства, принцип международной вежливости, международный гражданский процесс.

Антиисковой запрет представляет собой особый процессуальный инструмент, имеющий глубокие исторические корни в системе общего права и получивший распространение в различных правовых системах, включая российский.

По сути своей антиисковой запрет является специфической формой судебного запрета, который направлен на воспрепятствование стороне в начале или продолжении разбирательства (как судебного, так и арбитражного) в иностранной юрисдикции [1, с. 1].

Эффективность антиискового запрета как правило обеспечивается наступлением серьезных негативных последствий в случае его нарушения. Например, в странах общего права такое нарушение квалифицируется как неуважение к суду (от англ. «contempt of court») и влечет применение различных правовых санкций, варьирующихся от значительных штрафов и ареста активов до лишения свободы нарушителя запрета [1, с. 2].

Как будет подробнее рассмотрено далее в настоящей работе, институт антиискового запрета берет свое начало в традиции права справедливости и базируется на справедливой юрисдикции (от англ. «equitable jurisdiction»)

судов общего права по недопущению недобросовестного процессуального поведения.

Этот механизм защиты развился как ответ на все более сложный характер международных коммерческих споров, зачастую напоминающий «многомерные шахматы», в которых стороны «судятся чтобы понять, где им нужно судиться» [2, пп. 460, 464]: попытки обойти заключенные юрисдикционные соглашения (далее по тексту работы под «юрисдикционными соглашениями» понимаются пророгационные и арбитражные соглашения в совокупности. — М.С.) нередко заключаются в инициировании множественных разбирательств в юрисдикциях, являющихся более благоприятными для конкретной позиции [3, сс. 541–543].

В своей наиболее теоретизированной форме антиисковой запрет можно охарактеризовать как приказ суда, требующий от ответчика не заявлять или не способствовать удовлетворению конкретных требований в рамках судебного или арбитражного разбирательства в иностранном государстве или судебного разбирательства в другом месте в рамках собственной территориальной юрисдикции суда — данная дефиниция принадлежит

ключевому современному теоретику института антиискового запрета, Королевскому адвокату Т. Рафаэлю [1, с. 2]. Представляется, что данное определение отражает основной запретительный характер рассматриваемого в настоящей работе средства правовой защиты, но требует дальнейшего уточнения для полного понимания его объема и применения.

В первую очередь необходимо отметить, что сам термин «антиисковой запрет» является спорным по своей природе и относительно новым для юридической терминологии. Хотя это понятие в настоящий момент является часто употребляемым в английском прецедентном праве [4, пп. 21, 58], его первое упоминание зафиксировано в английской судебной практике в деле *Bank of Tokyo Ltd v Karoon* только в 1987 году с подачи американской стороны, несмотря на многовековую историю института [5, пп. 16, 23]. Более того, в деле *Turner v Grovit* Лорд Хобхаус указал, что термин «антиисковой запрет» «создает впечатление, что приказ адресован иностранному суду и связывает его» и предложил взамен использовать термин «запретительный приказ» (от англ. «*restraining order*») [6, пп. 16, 23].

И, действительно, выражение «*anti-suit*» может интерпретироваться как запрет суду осуществлять исковое производство, а не как запрет стороне предъявлять иск, что фундаментально противоречит концептуальной сущности антиискового запрета. Данный правовой механизм действует *in personam*, налагая обязательства исключительно на участника процесса, требование к которому находится в юрисдикционной компетенции суда, выносящего соответствующий антиисковой запрет [7, с. 529]. Именно в данной неопределенности кроется фундамент критики института антиисковых запретов, как это будет раскрыто по тексту работы далее.

Здесь мы сталкиваемся с первой и фундаментальной характеристикой антиискового запрета — персональный характер. Как подчеркивает Т. Рафаэль, формальным получателем антиискового запрета является истец за границей, а не суд, в котором дело было возбуждено или планируется быть возбуждено [1, с. 14]. Таким образом, запрет адресуется конкретному лицу и накладывает обязательства именно на него, а не на иностранный судебный орган.

Второй определяющей характеристикой выступает дискреционный характер антиисковых запретов. Суды обладают значительной свободой усмотрения при решении вопроса о необходимости вынесения такого запрета. При этом они принимают во внимание комплекс факторов: возможность возникновения несправедливости в отношении любой из сторон спора, наличие юрисдикционных соглашений между сторонами, а также соображения международной вежливости [8, с. 321].

Третьей характеристикой является превентивная направленность антиисковых запретов. Их основная цель заключается в предотвращении возникновения параллельных разбирательств и связанных с ними негативных последствий, среди которых можно выделить вынесение противоречивых судебных решений, неэффективное ис-

пользование судебных ресурсов и риск двойного взыскания [9, с. 143].

Четвертая отличительная характеристика — процессуальный характер антиисковых запретов. Они представляют собой именно процессуальный инструмент, направленный на обеспечение эффективности судебного разбирательства и предотвращение злоупотребления процессуальными правами [10, с. 412].

Несмотря на наличие указанных характеристик, следует отметить, что ключевой особенностью антиисковых запретов, отличающей их от иных видов судебных запретов, является их противоречивая репутация в международном правовом сообществе, что обусловлено их потенциальным влиянием на суверенитет иностранных юрисдикций.

Так, даже в самом первом задокументированном случае испрашивания антиискового запрета — в деле *Love v Baker* 1665 года — в вынесении такого запрета было отказано, поскольку это «опасный случай» [11]. При этом обостренные дебаты вызывал и родоначальник антиискового запрета, общий запрет (от англ. «*common injunction*»), который использовался Канцлерским судом для ограничения инициирования разбирательств в пределах английских судов общего права [1, с. 11].

Действительно, поверхностное ознакомление с в действительности крайне развитым правовым институтом может оставить впечатление, что антиисковой запрет представляет собой необоснованное вторжение в государственный суверенитет, подрывающее нормальное функционирование иностранной судебной системы и нарушающее не только принцип международной вежливости, но и международное публичное право. Такое восприятие не лишено смысла, ведь игнорирование противоречия между рассматриваемым институтом и руководящими принципами международного права было бы скорее ошибкой [12, п. 138]. Однако подобный отрицающий всякую легитимность подход более характерен для континентальных теоретиков. Если мы говорим о странах общего права, то в последний раз соответствие института антиискового запрета международному публичному праву подверглось сомнению еще в 1821 году в рамках дела *Bushby v Munday* [13].

Данный парадокс восприятия между странами общего права и континентального права объясняется крайней эффективностью антиисковых запретов, часто перевешивающей иные соображения о приемлемости данного института. Как отмечается А. Бриггсом, в качестве «противоядия» от юрисдикционных махинаций полезность антиискового запрета не имеет себе равных [7, с. 529]. В то же время он является и предпосылкой существенных ограничений, которые претерпевает институт антиискового запрета при его практическом применении.

Ключевым ограничением выступает, как это легко предположить, принцип международной вежливости. Вне зависимости от точки зрения на то, противоречит ли ему институт антиискового запрета или нет, сам факт его существования обязывает суд не принимать антиисковые запреты необдуманно — в судебной практике прямо

подчеркивается, что «антиисковые запреты не выносятся просто так» [14, п. 345].

Сфера применения антиисковых запретов также ограничена требованием, чтобы они были необходимы для предотвращения несправедливости. Как правило, суды требуют от заявителя продемонстрировать, что иностранное разбирательство нанесет существенный ущерб, который не может быть адекватно предотвращен другими, менее «инвазивными» для иностранной судебной системы способами. Это требование гарантирует, что средство защиты будет использоваться только тогда, когда оно действительно необходимо для защиты законных интересов заявителя [1, с. 20].

Кроме того, антиисковые запреты, как правило, не используются в юрисдикциях, где данный институт рассматривается как противоречащий публичному порядку или конкретным нормативным предписаниям. Например, в рамках ЕС Европейский суд ограничил использование антиисковых запретов между государствами-членами на основании их несовместимости с принципом взаимного доверия, лежащим в основе Брюссельского регламента. Это было подтверждено в деле *Turner v Grovit*, где суд постановил, что такие запреты нарушают систему обязательной юрисдикции, установленную регламентом, и препятствуют реализации правил о взаимном уважении судебных систем государств-членов [15, п. 27].

Что касается практического применения антиисковых запретов, то в зависимости от оснований их вынесения можно выделить три группы случаев, в которых предоставление подобной меры правовой защиты считается оправданным.

Во-первых, это договорные основания. Так, на практике антиисковые запреты чаще всего испрашиваются именно в делах, связанных с наличием между сторонами юрисдикционного соглашения. Когда стороны договорились о разрешении споров между ними в определенном форуме, начало разбирательства в ином форуме может представлять собой нарушение договора, которое суд, в свою очередь, пресекает посредством антиискового запрета, в целях соблюдения основополагающего принципа *pacta sunt servanda* и автономии воли сторон, лежащей в основе международного коммерческого арбитража [1, с. 18]. Тем не менее, вопрос вынесения антиискового запрета при наличии юрисдикционного соглашения в любом случае требует «серьезных оснований» [16, п. 28] и находится в дискреции суда, а не причитается испрашивающей его стороне по умолчанию [1, с. 161]. В рассматриваемой ситуации происходит отступление от устоявшегося принципа права справедливости, в соответствии с которым судебный орган не вправе отклонить требование о вынесении запретительного приказа, обеспечивающего соблюдение конкретного негативного обязательства [17, п. 719]. Причина такого отступления заключается в том, что строгое следование данному правилу привело бы к чрезмерному и неоправданному вторжению в юрисдикционную сферу судебных инстанций иностранных государств [18, п. 17].

Во-вторых, это внедоговорные основания. В случае отсутствия между сторонами юрисдикционного соглашения антиисковый запрет может быть вынесен, если суд сочтет, что попытка инициирования параллельного разбирательства в иной юрисдикции является сутяжнической либо неоправданно ставит другую сторону в невыгодное положение [1, п. 894]. При этом в актуальной судебной практике поддерживается довод о том, что одного лишь факта того, что суд, в котором испрашивается антиисковый запрет, является естественным форумом (от англ. «*natural forum*») является недостаточным для вынесения антиискового запрета. Судами, как правило, помимо добросовестности процессуального поведения ответчика принимается во внимание то, как давно ведется разбирательство в иностранной юрисдикции, а также риск вынесения противоречивых судебных решений [19, п. 894].

Третьей и последней группой оснований вынесения антиисковых запретов выступают так называемые «квазидоговорные» основания (в данном контексте термин «квазидоговорный» следует понимать в отрыве от аналогичного термина, которым оперирует римское частное право — М.С.). Под ними понимаются ситуации, когда третья сторона, не имеющая отношения к юрисдикционному соглашению, иницирует разбирательство в отношении права, вытекающего из подпадающего под юрисдикционное соглашение правоотношения [1, с. 211]. В таких случаях суды исходят из принципа «выгоды и бремени», согласно которому лицо, пытающееся получить выгоду от производного права, должно также нести связанное с ним обязательство разрешать споры только в договорном форуме [20, п. 9]. Примером также может служить ситуация, когда лицо отрицает, что является стороной юрисдикционного соглашения, но при этом обращается в иностранный суд с требованием, основанным на правах из этого договора [20, с. 12].

В зависимости от приведенных трех групп оснований вынесения антиисковых запретов в доктрине выделяется ключевая теоретическая классификация антиисковых запретов на договорные, внедоговорные и квазидоговорные.

В качестве второй значимой классификации выделяется классификация антиисковых запретов по объекту воздействия на антиисковый запрет, анти-антиисковый запрет (от англ. «*anti-anti-suit injunction*»), анти-анти-антиисковый запрет (от англ. «*anti-anti-anti-suit injunction*») и т. д.

Как было рассмотрено выше, под антиисковым запретом, говоря обобщенно, традиционно понимается запрет продолжать или иницировать разбирательство в юрисдикции отличной, чем выдавшей антиисковый запрет. Анти-антиисковой же запрет, в свою очередь, является реакцией на антиисковый запрет, вынесенный в иной юрисдикции, и представляет из себя запрет на иницирование и продолжение разбирательства о вынесении антиискового запрета за рубежом [21]. Поскольку суды часто рассматривают вынесенные в отношении введущихся ими разбирательств антиисковые запреты как вторжение иностранных судов в суверенитет, то нередко случаи превра-

щения подобных комплексных мульти юрисдикционных разбирательств в своеобразную «гонку вооружений» — в качестве яркого примера такого столкновения юрисдикций, приведшего к вынесению анти-анти-антиискового запрета, в тематической литературе часто приводится ссылка на дело *British Airways Board v Laker Airways* [22, п. 84]. Тем не менее, подобные случаи встречаются на практике достаточно редко в силу взаимного уважения судов, опять же, принципа международной вежливости, а также (скорее в первую очередь) здравого смысла [23, с. 340].

Следующей заслуживающей внимания классификацией антиисковых запретов является деление антиисковых запретов на временные (от англ. «*interim*») и окончательные (от англ. «*final*»), представляющие из себя две различные темпоральные категории.

Временные антиисковые запреты обеспечивают временную защиту заявителя как правило в течение хода разбирательства о вынесении окончательного антиискового запрета, обеспечивая тем самым сохранение *status quo* между сторонами. Для вынесения временного антиискового запрета обычно требуется, чтобы заявитель продемонстрировал убедительные *prima facie* доводы в поддержку того, что вынесение подобного временного запрета является необходимым, присутствует срочность, а отказ в вынесении временного антиискового запрета может повлечь причинение ущерба [1, с. 290].

Окончательные антиисковые запреты, напротив, представляют из себя постоянные судебные приказы, принятые по результатам рассмотрения заявления о принятии антиискового запрета по существу [24, п. 57]. По сравнению с временными антиисковыми запретами, окончательные, безусловно, предусматривают более высокий стандарт доказывания.

Однако, необходимо отметить, что на практике чаще всего вынесение временного антиискового запрета является достаточным для достижения искомого эффекта [25, п. 600].

Наконец, антиисковые запреты также делятся на *ex parte* и *inter partes* запреты. *Ex parte* запреты выносятся без уведомления и участия в разбирательстве противоположной стороны. Как правило такие антиисковые запреты носят временный характер и применяются в экстренных ситуациях, требующих немедленного вмешательства со стороны суда. *Inter partes* (по сути, состязательные) запреты, в свою очередь, выносятся после заслушивания каждой из сторон [26, сс. 273–276].

Представленные классификации антиисковых запретов наглядно отражают сложность и многогранность данного правового института. Однако изложенное в настоящей статье является лишь общим обзором института антиискового запрета, который, в силу своей длительной истории развития и широкого распространения, приобрел специфические черты и особенности в каждой правовой системе, в которую он был интегрирован.

Литература:

1. Raphael T. *The Anti-Suit Injunction*. Oxford: Oxford University Press, 2019
2. *Spiliada Maritime Corporation v Cansulex Ltd* [1987] 1 AC
3. Wilkey M. R. *Transnational Adjudication: A View from the Bench* // *International Lawyer*. 1984. Vol. 18. № 2.
4. *AES Ust-Kamenogorsk Hydropower Plant LLP v Ust-Kamenogorsk Hydropower Plant JSC* [2013] 1 WLR 1889 (HL)
5. *Bank of Tokyo Ltd v Karoon* [1987] AC 45
6. *Turner v Grovit* [2002] 1 WLR 107 (HL)
7. Briggs A. *Anti-Suit Injunctions and Utopian Ideals* // *Law Quarterly Review*. 2004. № 120
8. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. *Международное частное право и сравнительное правоведение* / Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2001
9. Лебедев С. Н. *Международное сотрудничество в области коммерческого арбитража*. М.: Торговая палата СССР, 1979
10. Нешатаева Т. Н. *Международное частное право и международный гражданский процесс*. М.: Городец, 2004
11. *Love v Baker* (1665) 1 Chan Cas 67, 22 ER 698, (1664–65) Nels 103, 21 ER 801
12. *Cf CSR Ltd v New Zealand Insurance Co Ltd* (1994) 36 NSWLR
13. *William Bushby v James Munday, Jeremiah Cloves and C. W. Cracroft* [1821] 56 E.R. 908
14. *CSR Ltd v Cigna Insurance Australia Ltd* (1997) 189 CLR
15. *Case C-159/02, Turner v Grovit* [2004] ECR I-3565
16. *Skype Technologies v Joltid* [2011] ILPr 8
17. *Doherty v Allman* (1878) 3 App Cas 708 (HL)
18. *Settlement Corp v Hochschild* [1966] 1 Ch 10
19. *Société Nationale Industrielle Aérospatiale v Lee Kui Jak* [1987] AC 871 (PC)
20. *QBE Europe SA/NV v Generali Espana de Seguros Y Reaseguros* [2022] EWHC 2062 (Comm)
21. *GE Francona Reinsurance v CMM Trust No 1400* [2004] EWHC 2003
22. *British Airways Board v Laker Airways* [1985] AC 58 (HL)
23. von Mehren A. T. *Theory and Practice of Adjudicatory Authority* // *Recueil des Cours*. 2002. Vol. 295
24. *Masri v Consolidated Contractors (No 3)* [2009] QB 503 (CA)
25. *Metall und Rohstoff v ACLI Metals (London)* [1984] 1 Lloyd's Rep 598 (CA)
26. Fentiman R. *Anti-Suit Injunctions: Comity Redux?* // *Cambridge Law Journal*. 2012. Vol. 71

Нотариальное сопровождение создания наследственного фонда

Самохина Мария Викторовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует вопросы нотариального сопровождения создания наследственного фонда. Проведен анализ общих вопросов правового регулирования нотариальной деятельности в аспекте учреждения наследственного фонда, выявлены проблемы законодательного урегулирования данного института и предложены пути их решения.

Ключевые слова: наследственный фонд, нотариус, наследственное право, создание наследственного фонда

Права и законные интересы субъектов, участвующих в гражданском обороте, нуждаются в защите и одним из основных институтов, действующих в этой сфере, выступает нотариат. Применительно к наследственным правоотношениям роль нотариуса заключается в юридическом обеспечении права наследодателя на свободное распоряжение своим имуществом, с одной стороны, и, с другой стороны, защите и правовом сопровождении получения наследником переданных им прав и обязанностей в соответствии с законодательно установленным порядком открытия и принятия наследства.

Появление таких новых институтов гражданского права, как наследственный, а с 2021 года и личный фонды существенно расширило роль нотариусов в рассматриваемой сфере, поскольку именно на нотариат законодательно возложена задача по созданию и юридическому сопровождению наследственных фондов. В соответствии с ч. 1 ст. 63.2 Основ законодательства РФ о нотариате [1] нотариус инициирует действия по созданию наследственного фонда с момента обнаружения в ЕИС нотариата данных о том, что по наследственному делу, находящемуся в его ведении, данных об удостоверении завещания, содержащего распоряжение по созданию фонда. Однако, в реальности, работа нотариуса по юридическому оформлению наследственного фонда начинается раньше, до момента начала производства по наследственному делу.

Представляется правильным выделить в юридическом сопровождении нотариусом создания наследственного фонда два этапа:

- действия, связанные с удостоверением завещания;
- действия, совершаемые нотариусом после открытия наследственного дела.

Рассмотрим, каковы особенности удостоверения завещания, содержащего решение о создании наследственного фонда. Действующим гражданским законодательством предъявляются требования о необходимости нотариального удостоверения завещаний (п. 5 ст. 1124 ГК РФ [2]). Выполняя задачу по охране прав и законных интересов лица, составившего завещание, нотариус не только проверит все аспекты соответствия составленного документа требованиям законодательства, но и то, насколько содержание соответствует действительным намерениям субъекта. В случае, когда завещание содержит решение о создании наследственного фонда, такая проверка сопровождается определёнными сложностями.

Представляется недостаточно корректной позиция авторов, кто сводит роль нотариуса при удостоверении завещания, содержащего решение об учреждении наследственного фонда исключительно к проверке наличия трех документов — документального решения о создании фонда, его устава и условий управления [3]. Как и в случае с обычным завещанием, нотариусу следует проверить насколько волеизъявление завещателя, его намерения соответствуют фактическим обстоятельствам. Применительно к завещанию, содержащему условие о создании наследственного фонда подобная проверка будет охватывать как формально-правовые, так и имущественные аспекты:

— содержание устава наследственного фонда, как унитарной некоммерческой организации, и условий управления им должно соответствовать требованиям действующего законодательства;

— завещатель должен в реальности быть собственником имущества, образующего наследственный фонд.

В связи со сказанным представляется необходимым внести соответствующие изменения в ч. 2 статьи 57 Основ законодательства РФ о нотариате изложив ее в следующей версии: «При удостоверении завещаний от завещателей не требуется представления доказательств, подтверждающих их права на завещаемое имущество, за исключением тех случаев, когда завещателем принято решение о создании наследственного фонда».

Юридическое сопровождение удостоверения завещания, содержащего решение о создании наследственного фонда, предполагает, как уже говорилось, проверку того, насколько содержание удостоверяемого документа соответствует намерениям завещателя. В связи с чем представляется необходимым, чтобы нотариус дополнительно провел разъяснительную беседу, раскрыв некоторые существенные особенности учреждения наследственного фонда (рис. 1).

Завещание удостоверяется специальной надписью порядок оформления которой регулируется приказом Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 г. № 226 [4].

Завещание, содержащее решение о создании наследственного фонда, отличается следующими характерными чертами:

— составляется в трех экземплярах, из которых два остаются на хранении в нотариальной контроле;

— обязательно наличие трех составляющих: решение об учреждении наследственного фонда, устав фонда, условия управления.

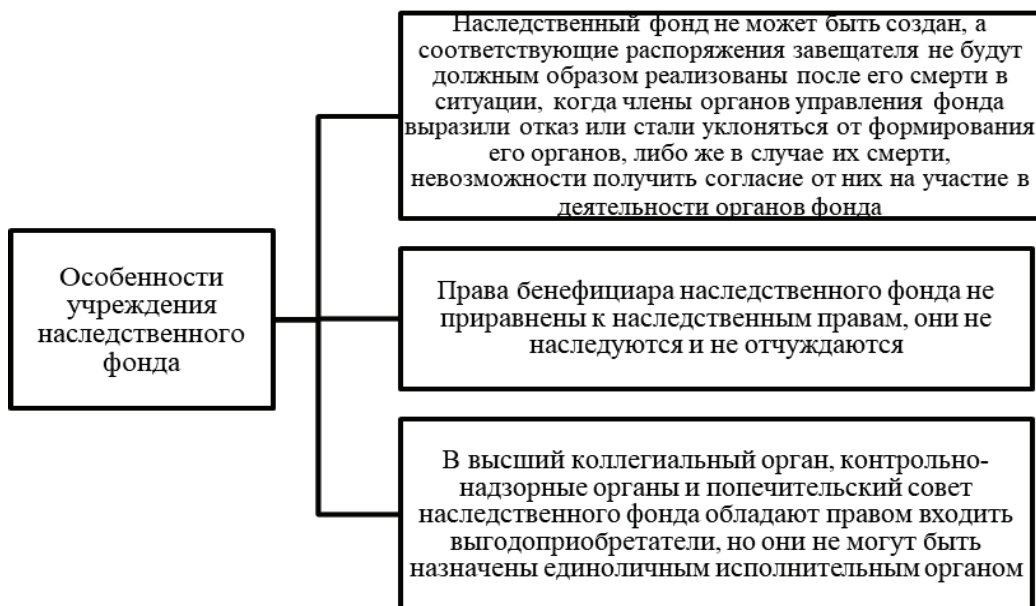

Рис. 1. Особенности учреждения наследственного фонда, которые должны быть разъяснены завещателю при удостоверении завещания

Рассмотренные действия, составляющие содержание первого этапа юридического сопровождения наследственного фонда нотариусом, являются предварительными по отношению к юридическому факту, составляющему содержание последующего этапа, наступающего после открытия наследственного дела, то есть собственно созданию наследственного фонда. Но от того, насколько точно будет соблюдена вся процедура удостоверения завещания, будет в значительной степени зависеть насколько эффективно будет исполнена обязанность по созданию наследственного фонда.

Действия нотариуса при открытии наследственного дела и по созданию наследственного фонда образуют последовательность, наглядно представленную на рис. 2.

В соответствии с российским законодательством действия по учреждению наследственного фонда полностью возлагаются на нотариуса. К исполнению данных обязанностей он приступает после того, как ознакомится с со-

держанием завещания и убедится в том, что соблюдены необходимые условия. Реализуя волю наследодателя, нотариус направляет лицам, указанным в завещании в качестве управляющих наследственным фондом приглашение подтвердить свое согласие. Далее возможны два сценария развития событий (рис. 3).

Установленное законодательством ограничение сроков на совершение процессуальных действий, необходимых для учреждения наследственного фонда, обусловлено тем, что имущество не должно оставаться без должного управления в течение продолжительного времени поскольку это может привести к ухудшению финансового состояния.

Оценка действий нотариуса в качестве учредителя наследственного фонда выявляет их повышенную сложность по сравнению с действиями по обычному наследственному делу. Следовательно, возникает вопрос о том, что оплата оказываемых услуг должна соответствовать

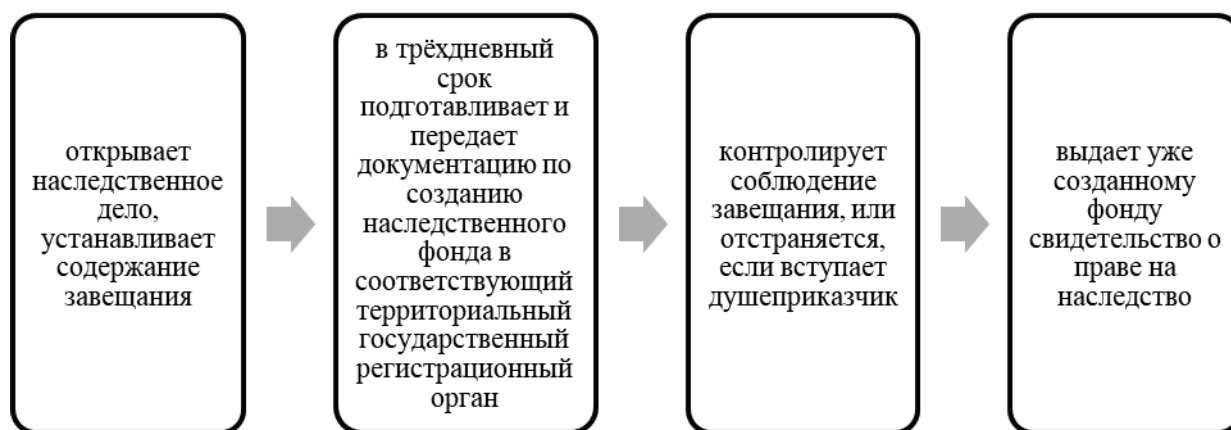

Рис. 2. Последовательность действий нотариуса по созданию наследственного фонда

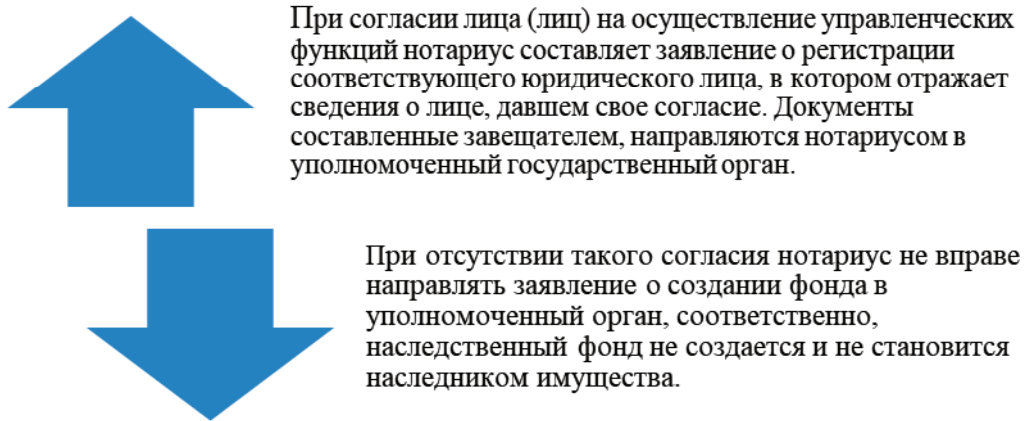

Рис. 3. Юридический «сценарий» действий нотариуса при учреждении наследственного фонда

их сложности. Вместе с тем на законодательном уровне установлен фиксированный перечень (ст. 22.1 Основ законодательства РФ о нотариате), в котором действия, связанные с учреждением наследственного фонда, в настоящее время не нашли отражение.

Таким образом, проведенный анализ действий нотариуса по юридическому сопровождению наследственного фонда позволяет говорить о его определяющей роли на всех этапах, начиная с удостоверения завещания до выдачи наследственному фонду свидетельства о праве на на-

следство. В то же время нотариальная деятельность столкнулась с рядом проблем после введения нового института наследственного права. Имеющиеся проблемы с проверкой соответствия намерений завещателей и фактическому наличию у него собственности, образующей наследственный фонд, пробелы в регулировании оплаты услуг нотариуса по созданию наследственных фондов, должны быть законодательно урегулированы с целью повышения эффективности и достижения абсолютной законности всех сопутствующих наследственным процессам.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ.1993, № 10, Ст. 357.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// Собрание законодательства РФ.2001. № 49. Ст. 4552.
3. Цокур, Е. Ф. Роль нотариуса при учреждении наследственного фонда в Российской Федерации / Е. Ф. Цокур // Нотариус. — 2021. — № 6. — С. 27–29.
4. Приказ Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 226 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.10.2020 № 60215) // СПС «КонсультантПлюс»

Соглашение о неразглашении (конфиденциальности): характеристика его применения в РФ

Свирдюкова Елизавета Андреевна, студент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

На современном рынке товарных отношений компании обмениваются множественным пакетом документов и сведений, которые составляют конфиденциальные данные. В процессе развивающегося технического прогресса и искусственного интеллекта вопрос о защите любой информации, которая представляет собой коммерческую и иную ценность, становится одним из главных. Компании

стараятся обезопасить себя от распространения конфиденциальной информации с помощью различных мер как организационного и технического характера, так и правового.

Одним из таких основных инструментов правового регулирования можно назвать Соглашение о неразглашении. В данной статье будет проанализированы особенности применения данного соглашения и практика его

применения в контексте российского законодательства и тенденций современной правовой практики, а также рассмотрена специфика порядка применения таких соглашений. Проведение подобного исследования позволит рассмотреть действие механизма работы соглашения о неразглашении и предложить пути для совершенствования его конструкции.

Соглашение о неразглашении (также известное как соглашение о конфиденциальности, а non-disclosure agreement или NDA) можно раскрыть как договорную конструкцию между сторонами, запрещающую передачу конфиденциальной информации третьим лицам без согласия обладателя такой информации. В свою очередь определение конфиденциальной информации закреплено в статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а именно под этим понимается обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя.

Основной целью соглашения можно назвать установление правовых обязательств, ограничивающих использование и распространение информации, обладающей конфиденциальным характером.

Соглашение о неразглашении строится на общих принципах договорного права, например, свобода договора, диспозитивность и добросовестность исполнения обязательств. По своей конструкции и правовой природе такое соглашение можно признать видом непоименованного договора. Кроме того, основываясь на российской правоприменительной практике, соглашение о неразглашении может быть как отдельной договорной конструкцией, так и частью более обширного соглашения.

Если говорить о видах соглашения о неразглашении, то чаще всего их делят на 2 группы — односторонние и двусторонние. Односторонние соглашения часто имеют место при трудоустройстве. Например, работодатель делится конфиденциальной информацией со своим или наемным сотрудником, но с его стороны никакой передачи данных не будет. Двусторонние соглашения заключаются при взаимном распространении информации. В качестве иллюстрации можно представить слияние компаний, их продажа или сотрудничество. В данных случаях обе стороны являются как обладателями конфиденциальной информации, так и ее распространителями.

Эффективность применения соглашения о неразглашении может быть определена рядом факторов, о которых следует помнить при его составлении.

Как и любое правовое соглашение, оно должно начинаться с четкого определения сторон. Необходимо указать полные реквизиты юридического лица и все идентификационные данные физического лица. Кроме того, необходимо убедиться, что подписант соглашения имеет все необходимые полномочия на это.

Не менее важным является определение сведений, отнесенных к конфиденциальной информации. Судебная

практика говорит о том, что суды обращают внимание на закреплённом в соглашении перечне конфиденциальной информации. Если определение такой информации окажется слишком узким или неопределённым, данные могут оказаться вне защиты соглашения.

Необходимо установить порядок обмена и работы с документацией. В таких оговорках важно закрепить формат передаваемых документов, каналы передачи и возможные средства защиты. При отсутствии таких условий суд может прийти к выводу, что режим коммерческой тайны в организации введен не был. Для решения такой проблемы предлагаются использование CRM-систем, под которыми понимают «автоматизированные системы, ориентированные на быстрое рекрутирование, сопровождение и удержание клиента с целью настоящего и последующего сотрудничества» [3, с. 204–205]. CRM-система может быть сконфигурирована так, чтобы автоматизировать соблюдение требований соглашения о неразглашении и снизить вероятность утечки данных.

Немаловажным будет установить цель соглашения. «Фиксировать цель необходимо для того, чтобы определить четкие границы реализации передаваемой конфиденциальной информации. Если такие границы не оговорены, это означает, что вся переданная конфиденциальная информация может использоваться где угодно. В связи с этим доказать факт использования получающей стороной информации не в согласованных целях будет затруднительно» [4, с. 613].

Чаще всего стороны предусматривают ответственность за нарушение положений соглашения и размер штрафа в этом случае. На практике распространен подход к установлению в качестве ответственности неустойку (штраф). Такая мера позволяет компенсировать издержки доказывания и обеспечить оперативное восстановление нарушенного права. Однако следует устанавливать штраф соразмерным последствиям нарушения, иначе судом в соответствии со ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации такая неустойка будет уменьшена.

Одним из проблемных аспектов правоприменительной практики соглашения о неразглашении можно назвать правовую неопределённость. В силу того, что рассматриваемое соглашение относится к непоименованному договору и регулируется на общих принципах, законодательство не всегда предоставляет исчерпывающее описание и регулирование данного вида договорной конструкции. Кроме того, особенно часто современные практики обращают внимание на неэффективность механизма исполнения и санкций. Низкая степень ответственности и слабая защита нарушенных прав приводит к решениям судов, которые чаще всего ограничены лишь материальной ответственностью. Например, при раскрытии конфиденциальной информации о секретной технике производства какого-либо продукта ответственность ограничивается выплатой материального ущерба, не включая в себя нарушенную репутацию, возможные убытки компании в даль-

нейшем и компенсацию за утрату интеллектуальной собственности.

Не менее трудоемким для доказывания является подтверждение факта нарушения и реализация положений соглашения о неразглашении. В таком случае истцу необходимо установить, что был факт распространения конфиденциальной информации без явного согласия обладателя. Не всегда утечка информации может быть задокументирована или зафиксирована каким-либо способом, что усложняет процесс доказывания. Также необходимо установить нарушителя, то есть доказать, что

именно ответчик допустил утечку, и обосновать причинно-следственную связь между действиями ответчика и раскрытием информации.

Таким образом, соглашение о неразглашении представляет собой важнейший инструмент правовой охраны конфиденциальной информации, обеспечивая баланс интересов субъектов гражданского оборота в условиях усиленной конкуренции. Эффективность применения такого соглашения зависит не только от юридической техники его составления, но и от полноты и точности его содержания.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. ст. 3301
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — N 31, ст. 3448 (Часть I)
3. Костенко Е. А., Усенко Р. С. Современные тенденции развития CRM-систем // Теория и практика экономики и предпринимательства: науч. сборник. 2020. С. 204–205
4. Девярых, Н. П. Защита конфиденциальной информации путем подписания соглашения о неразглашении / Н. П. Девярых // Эволюция российского права: Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апреля 2021 года / Уральский государственный юридический университет. — Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. — С. 613–619. — EDN BCJPSW.

Льготы в праве социального обеспечения

Синицына Анастасия Вадимовна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В данной статье осуществляется анализ правового регулирования льгот в сфере социального обеспечения. Рассматриваются ключевые аспекты и виды льгот, предоставляемые различным категориям граждан.

Ключевые слова: льготы, социальная защита, социальное обеспечение, инвалидность, поддержка.

Social security benefits

Sinitsyna Anastasia Vadimovna, student

The Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

This article analyzes the legal regulation of social security benefits. The key aspects and types of benefits provided to various categories of citizens are considered.

Keywords: benefits, social protection, social security, disability, support.

В Основном законе Российской Федерации, принятом в 1993 году, закреплены социальные гарантии гражданам страны, конкретизированные в четырех статьях. В статье 7 Конституции провозглашается социальное предназначение государства, основанные на обязательствах поддержания и защиты благополучия своих граждан. [1]

Статья 38 акцентирует особое внимание на семье, материнстве и детстве, объявляя их под защитой государ-

ства. Постановления статьи 38 дополняются статьей 39, которая устанавливает норму обеспечения социальной поддержки лицам в ситуациях старости, заболевания, потери кормильца, инвалидности, а также обязанность государства обеспечить уход за детьми и другие обстоятельства, которые могут быть предусмотрены законом.

Статья 41 подчеркивает права на охрану здоровья, заявляя о доступности медицинской помощи для каждого

гражданина. В ситуации, когда перечисленные в Конституции права и свободы подвергаются нарушению, граждане имеют право обжалования в Конституционный Суд РФ, что может проводиться как в индивидуальном, так и в коллективном порядке. Эти положения реализуют концепцию социальной защиты и закрепляют основы социальной государственности в РФ.

Социальная поддержка в России направлена на оказание помощи социально незащищенным слоям населения, таким образом осуществляя комплексные меры социальной защиты. Программы поддержки в рамках социальных служб затрагивают множество направлений: предоставляются разнообразные пособия семьям с детьми, особенно это относится к декретным выплатам; обеспечивается поддержка многодетных семей, как и тех, кто сталкивается с трудностями из-за низкого уровня дохода; специальные программы предназначены для поддержки молодых семей, ветеранов и безработных. Помимо этого, существуют меры поддержки для пенсионеров и граждан с инвалидностью. Эта структура социального обеспечения имеет целью создание устойчивой и эффективной системы социальной защиты на территории России.

В контексте социального обеспечения, льготы играют роль ключевых правовых инструментов, предназначенных для осуществления защиты граждан, столкнувшихся с сложными обстоятельствами в жизни. Эти инструменты разработаны для уменьшения бремени, ложащегося на плечи лиц в уязвимом положении, путём их полного или частичного освобождения от обязательств, наложенных государственными стандартами и нормами. [2, с. 65]

Легитимизация предоставления льгот основывается на объективно сложившихся условиях, таких как инвалидность, преклонный возраст или недостаточный уровень обеспеченности, которые порождают у специфические потребности. Примерами могут служить необходимость в адаптированных средствах передвижения или услугах по уходу на дому. В этом контексте, предоставляемые льготы выступают в роли дополнительных прав, позволяющих удовлетворять основные жизненные потребности лиц, оказавшихся в подобных условиях, хотя и не в полном объеме, так в значительной мере облегчая их социальное положение.

Изучением льгот как элемента социального обеспечения занимались различные исследователи, но несмотря на анализ этой концепции в рамках общей юридической теории, тематика льгот в контексте права социального обеспечения долгое время не получала должного внимания среди учёных. Таким образом, льготы как специфическая форма социального обеспечения представляют собой объект, требующий более глубокого исследования в рамках правовой науки для определения их роли в социальной защите граждан и правовом регулировании данных отношений. [3, с. 228]

Социальные льготы выступают в качестве особых преимуществ, предоставляемых государством гражданам,

нуждающимся в поддержке. Определение социальных преимуществ носит широкий характер и не всегда связано непосредственно с трудовой деятельностью человека. Такие блага предоставляются лицам, которые, независимо от статуса своего трудового договора, нуждаются в дополнительной поддержке по причине их социального положения.

Ключевыми характеристиками данных социальных преимуществ являются их освобождение от обычно действующих правил; предусмотренные правом возможности для определенных случаев, оформленные через решения уполномоченных инстанций; обеспечение глубокого удовлетворения потребностей субъектов, улучшение их жизненных условий.

Государственная политика исходит из постулата о необходимости обеспечения базовых алиментарных потребностей всех граждан. Лица, неспособные самостоятельно удовлетворить эти потребности, имеют право запросить поддержку у государства. Обязанностью государства, в этом случае, является предоставление необходимой помощи для достижения социальной стабильности и справедливости среди граждан.

Классификация льгот — задача многогранная и трудоемкая, ввиду многообразия правовых актов, регулирующих эту сферу. Льготы устанавливаются и регламентируются с использованием различных форм правовых источников, к числу которых принадлежат федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства РФ.

В юридическом контексте льготы и привилегии могут трактоваться как особое право, иммунитет или предоставляемое преимущество, доступное отдельным лицам и не товариществ к категории общих благ. Дополнительные льготы предоставляются конкретным группам населения в определенных обстоятельствах, выходящих за рамки стандартных условий или предложений, предоставляемых большинству.

Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» служит примером законодательства, устанавливающего специализированные гарантии для узкой категории лиц — ветеранов Российской Федерации. [4] Эти гарантии выполняют важную роль в рамках социальной защиты и реализуются через систему предусмотренных компенсаций и льгот, что представляет собой определенную линию государственной поддержки, направленной на улучшение жизненных условий и благосостояния ветеранов.

Ключевые меры социальной защиты ветеранов, предусмотренные действующим законодательством РФ, включают льготы, охватывающие множество сфер жизнедеятельности. Это варьируется от льготированного налогообложения до упрощенного доступа к медицинским, протезно-ортопедическим услугам, лечению на курортах и использованию различных видов транспорта. Особое внимание уделяется поддержке инвалидов и одиноких пожилых людей, для которых установлены меры по освобо-

ждению от полной или частичной оплаты коммунальных и иных бытовых услуг. Выделение таких льгот является не только благом, но и отражением долга общества перед этими категориями граждан.

Обязанности государства по предоставлению социальной поддержки находят отражение в международных актах, подписанных РФ, которые предписывают достижение желательного уровня социальной защиты. С социальной и правовой точки зрения, право на социальную защиту может восприниматься как фундаментальное человеческое право, обеспечивающее целый комплекс социальных гарантий.

Согласно юридической литературе, социальная защита может быть интерпретирована в более широком смысле как система мер, направленная на реализацию социальной политики государства, направленных на выполнение целей и решение приоритетных задач в области социального благополучия граждан. [5, с. 117] В более узком

смысле социальная защита рассматривается как набор целевых мер в области экономики, права и организации, целью которых является поддержание и помощь наиболее уязвимым членам социума.

Таким образом, систему льгот можно интерпретировать как законодательно закрепленный или иным образом юридически законсервированный комплекс социально-защитных программ. Согласно определению Международной ассоциации, эти программы предназначены для предоставления индивидам гарантированного минимального дохода, а также социальной поддержки в случаях возникновения рисков, связанных со старением, невозможностью самостоятельного обеспечения семьи после потери кормильца, потерей трудоспособности, инвалидностью, безработицей или в периоды воспитания детей. Кроме этого, система льгот предусматривает обеспечение доступа к медицинскому обслуживанию, как лечебного, так и профилактического характера.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 4 октября 2022 г. // Российская газета. 2022. 6 октября.
2. Афтахова, А. В. Право социального обеспечения / А. В. Афтахова. — М.: Юрайт, 2024. — 475 с.
3. Актуальные проблемы права социального обеспечения / под ред. В. Ш. Шайхатдиновой. — М.: Юрайт, 2023. — 632 с.
4. О ветеранах: Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ // Российская газета. 1995. 25 января.
5. Сафарова, М. И. Совершенствование социальной защиты и социального обеспечения населения / М. И. Сафарова // Государственное управление. — 2023. — № 2 (61). — С. 116–121.
6. Ормонов, Ж. Т. Перспективы развития основных составляющих элементов социального обеспечения / Ж. Т. Ормонов // Актуальные вопросы современной экономики. — 2022. — № 8. — С. 321–326.

Международное экологическое право как инструмент борьбы с изменением климата

Скобилева Ирина Вячеславовна, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье анализируется роль международного экологического права в борьбе с изменением климата. Рассматриваются ключевые международные соглашения, такие как Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол и Парижское соглашение. Затрагиваются проблемы, с которыми международное экологическое право сталкивается на современном этапе в борьбе с изменением климата. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия отлаженного механизма определения и привлечения к международной ответственности и перспективам дальнейшего развития международного экологического права для более эффективной борьбы с глобальным изменением климата.

Ключевые слова: международное экологическое право, изменение климата, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, Парижское соглашение, климатическая политика, низкоуглеродная экономика.

Изменение климата, признанное одним из наиболее серьезных вызовов XXI века, представляет собой глобальную угрозу для окружающей среды, социально-экономического развития и международной безопасности. Необратимые последствия глобального потепления, включающие повышение уровня моря, уча-

стившиеся экстремальные погодные явления, деградацию экосистем и растущую нехватку ресурсов, требуют незамедлительных и скоординированных усилий на международном уровне. В этой связи, международное экологическое право, его нормы, принципы и институциональные механизмы, становятся важнейшими инструментами

в борьбе с изменением климата и смягчении его негативных последствий.

Согласно данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), деятельность человека является одной из основных причин глобального потепления на планете. Существует высокая вероятность, что к 2100 г. средняя температура на Земле повысится более чем на 2°C. Специалисты предсказывают, что изменения климата, вызванные глобальным потеплением, могут повлечь за собой разрушительные последствия.

«Изменение климата» означает изменение климата, которое прямо или косвенно обусловлено деятельностью человека, вызывающей изменения в составе глобальной атмосферы, и накладывается на естественные колебания климата, наблюдаемые на протяжении сопоставимых периодов времени [1].

В рамках международного сотрудничества международным сообществом был разработан ряд документов, регламентирующих деятельность субъектов международного права, направленную на борьбу с изменением климата. В Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) закреплена общая цель стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере. Он определяет принципы общей, но дифференцированной ответственности, учитывая разные возможности и историческую ответственность развитых и развивающихся стран. В соответствии с принципом дифференцированной ответственности развитые страны несут большую ответственность за накопление парниковых газов в атмосфере из-за их длительного периода индустриализации, в то время как развивающиеся страны сталкиваются с большими трудностями в сокращении выбросов, часто имея при этом более низкий уровень выбросов на душу населения. Данный подход вызывает множество споров у международного сообщества, поскольку ряд стран с быстро развивающейся экономикой (Китай, Индия и др.) в связи с наращиванием объемов производимой продукции ежегодно увеличивает количество выбросов на душу населения. Таким образом, пока развитые страны ведут деятельность, направленную на сокращение парниковых газов, крупнейшие по численности населения страны пользуются послаблением в виде дифференцированной ответственности и наращивают производственные обороты. Международному сообществу необходимо обратить внимание на сложившиеся обстоятельства, адаптировать ответственность за выбросы к нынешним реалиям.

Основными международными документами в области охраны окружающей среды от негативного воздействия являются Венская конвенция об охране озонового слоя (подписана в марте 1985 г.) [2]; Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (к Венской конвенции об охране озонового слоя; принят в сентябре 1987 г.) [3]; Рамочная конвенция ООН об изменении климата (принята 9 мая 1992 года) [1]; Киотский протокол в дополнение к РКИК [4]; Парижское соглашение, регули-

рующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года.

Необходимо уделить особое внимание законам и подзаконным актам, обеспечивающих реализацию политики, направленной на сокращение углеродного следа, на национальном уровне. Указом президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 года № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» была поставлена цель ограничить к 2030 году выбросы парниковых газов до 70 % от уровня 1990 года [5]. Указанный целевой показатель стал основой определяемого на национальном уровне вклада Российской Федерации в реализацию Парижского соглашения.

Также в конце октября 2023 года президент России Владимир Путин утвердил обновленную Климатическую доктрину России. Новый документ позволяет выстраивать долгосрочную климатическую политику страны, предвидеть последствия изменений климата и своевременно и эффективно адаптироваться к ним. В частности, впервые Климатическая доктрина ставит цель достижения Россией углеродной нейтральности к 2060 году.

В настоящее время в России проводится активная работа по формированию условий для перехода к низкоуглеродной экономике. Безусловно, за последние годы Россия значительно продвинулась в этом вопросе, и можно определенно говорить и о достижениях, и о проблемах, проявивших себя на условиях этого перехода. И сегодня, опираясь на этот накопленный опыт, Россия, как и другие страны, должна представить новые национальные планы по борьбе с изменением климата до 2025 года — от них во многом будет зависеть ближайшее климатическое будущее.

Несмотря на значительные достижения, международное экологическое право сталкивается с определенными проблемами: некоторые международные договоры не имеют достаточной юридической силы или механизмов исполнения, а их эффективность ставится в зависимости от политической воли государств. Кроме того, различия в интересах и возможностях различных государств затрудняют достижение консенсуса.

Одной из самых важных проблем международного экологического права по-прежнему остается отсутствие отлаженного механизма определения и привлечения к международной ответственности. В отличие от внутригосударственного законодательства, в международном праве почти отсутствует точное регулирование вопросов компенсации и методики исчисления причиненного ущерба. Основные положения требуют существенной обработки и законодательного урегулирования на международном уровне, наиболее активного взаимодействия членов мирового сообщества с целью приостановления деградации окружающей среды.

Таким образом, хочется отметить, что для сохранения окружающей среды необходимо совершенствовать вопросы международной ответственности, реорганизовывать механизм привлечения к ней. Национальное за-

конодательство должно стремиться всеми возможными путями обеспечивать исполнение норм международного права на территории своего государства. В этой связи согласованность российского экологического законодательства с международным, усовершенствование механизма их взаимодействия является актуальным как для теоретических исследований, так и для оптимального решения практических задач и проблем современного общества.

Что касается международно-правовых инструментов, то их эффективность напрямую зависит от политической воли государств и их готовности к решительным действиям. Только через коллективные и скоординированные усилия, основанные на прочном правовом фундаменте, станет возможно предотвратить наиболее катастрофические последствия глобального потепления и обеспечить устойчивое будущее для планеты.

Литература:

1. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 9 мая 1992 года). — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 18.04.2025).
2. Венская конвенция об охране озонового слоя (принята 22 марта 1985 года). — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 18.04.2025).
3. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (принят 16 сентября 1987 года). — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 18.04.2025).
4. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (принят 11 декабря 1997 года). — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 18.04.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов».

Спортивное право в системе российского права: на пути к формированию самостоятельной отрасли

Скобилева Ирина Вячеславовна, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье исследуется место спортивного права в системе российского права, анализируются существующие в юридической науке теоретические подходы к пониманию сущности спортивного права: как комплексной отрасли и самостоятельной отрасли права. На основе углубленного анализа предмета спортивного права, охватывающего широкий спектр общественных отношений, возникающих в сфере спорта (организационные, имущественные, трудовые, отношения по обеспечению безопасности и здоровья спортсменов, отношения по разрешению спортивных споров) и его особенностей, а также взаимосвязи с другими отраслями права (гражданским, трудовым, административным, уголовным и др.), обосновывается позиция о формировании спортивного права как самостоятельной отрасли. Особое внимание уделяется исследованию предпосылок, обуславливающих данный процесс. Анализируется влияние кодификации на этот процесс.

Ключевые слова: спортивное право, комплексная отрасль права, предмет спортивного права, кодификация, взаимосвязь отраслей, формирование отрасли, спортивные отношения, правовое регулирование спортивных отношений.

В современном мире спорт, перестав быть исключительно формой досуга и физической активности, приобрел значительную социальную, экономическую и политическую роль. В связи с этим, правовое регулирование спортивных отношений становится все более актуальным и сложным. В Российской Федерации, несмотря на динамичное развитие спортивного законодательства, вопрос о месте спортивного права в системе права остается дискуссионным. Традиционно рассматриваемое как комплексная отрасль или подотрасль, спортивное право,

тем не менее, обладает рядом специфических черт и автономных механизмов регулирования, что позволяет ставить вопрос о его формировании как самостоятельной отрасли права.

Предметом спортивного права являются общественные отношения, возникающие в сфере спорта, которые можно классифицировать следующим образом: организационные отношения (отношения между спортивными организациями, между спортивными организациями и органами государственной власти);

имущественные отношения (отношения, связанные с финансированием спорта, рекламой, спонсорством, трансферами спортсменов); трудовые отношения (отношения между спортсменами, тренерами и спортивными организациями); отношения, связанные с обеспечением безопасности и здоровья спортсменов (антидопинговые правила, правила соревнований, требования к спортивным сооружениям); отношения, связанные с разрешением споров в сфере спорта (спортивный арбитраж).

В связи с этим стоит отметить, что спортивное право тесно связано с другими отраслями российского права из-за чего спортивное право рассматривают как комплексную отрасль права, воплощающую в себе нормы различных отраслей права. Спортивное право использует нормы гражданско-правовых институтов для регулирования имущественных отношений, возникающих в сфере спорта. Отношения между спортсменами, тренерами и спортивными организациями оформляются трудовыми договорами. Соответственно, к этим отношениям применяются нормы Трудового кодекса РФ, регулирующие вопросы приема на работу, оплаты труда, режима рабочего времени и времени отдыха, дисциплинарной и материальной ответственности, расторжения трудового договора. Государственное управление спортом, лицензирование спортивных организаций, контроль за соблюдением антидопинговых правил, организация и проведение спортивных мероприятий, обеспечение безопасности участников и зрителей — все это относится к сфере административного права. В сфере спорта также могут совершаться преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ (УК РФ) [1]. К ним относятся, например, применение допинга (ст. 230.1, 230.2 УК РФ), подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров или организаторов спортивных соревнований (ст. 184 УК РФ), причинение вреда здоровью в результате нарушения правил безопасности (238 УК РФ). Спортивное право тесно связано с международным правом, поскольку многие аспекты спортивной деятельности регулируются международными спортивными организациями (Международным олимпийским комитетом, международными спортивными федерациями). Принципы и нормы международного спортивного права, а также решения международных спортивных арбитражей оказывают существенное влияние на развитие спортивного права в России.

В юридической литературе существуют различные подходы к определению места спортивного права в системе российского права. Спортивное право как комплексная отрасль права — наиболее распространенный подход, рассматривающий спортивное право как совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере спорта, но относящихся к различным отраслям права (гражданскому, административному, трудовому, уголовному и др.). Сторонники данного подхода считают, что спортивное право не имеет собственного предмета и метода регулирования, а лишь объединяет нормы, регулирующие отдельные аспекты спортивной деятель-

ности. Так, С. В. Алексеева считает, что с позиции принципов построения российской правовой системы о спортивном праве можно говорить как о комплексной отрасли права [3, с. 119]. А. В. Сердюков полагает, что категория комплексной отрасли права наиболее точно характеризует природу спортивного права [4, с. 19].

Некоторые авторы рассматривают спортивное право как самостоятельную отрасль права. Спортивные отношения настолько специфичны и сложны, что требуют отдельного правового регулирования. Так, М. О. Буянова высказывает позицию, что сегодня спортивное право приобрело свойства и качества полноценной самостоятельной отрасли права, аргументируя это тем, что правовая система постоянно развивается, в частности, нормы комплексных отраслей права утрачивают признаки принадлежности к иным отраслям, структурные связи между ними усиливаются и комплексная отрасль утрачивает признаки комплексности, приобретая взамен признаки самостоятельной отрасли права [2, с. 41].

Стоит отметить, что мнение о самостоятельности спортивного права как отрасли системы российского права, было высказано в 2002 г. М. В. Корякиным, однако эта точка зрения справедливо не нашла поддержки научной юридической общественности [5]. Для этого были основания — недостаточная развитость отношений в сфере физкультуры и спорта, неразвитость спортивного законодательства.

Формирование спортивного права как самостоятельной отрасли права — это сложный и длительный процесс, обусловленный рядом объективных и субъективных предпосылок, отражающих специфику и значимость спортивной деятельности в современном обществе. Стоит рассмотреть предпосылки формирования спортивного права как самостоятельной отрасли. Во-первых, сегодня возрастает социально-экономическая значимость спорта, развивается спортивная индустрия, которая формирует обособленный сектор экономики, нуждающийся в правовой поддержке, повышается коммерциализация спорта. Во-вторых, профессионализация спорта, подразумевающая высокую степень подготовки спортсменов и тренеров, влечет за собой необходимость регулирования трудовых отношений, обеспечения социальных гарантий и защиты здоровья спортсменов. В-третьих, организационная автономия спорта, характеризующаяся наличием собственных правил и стандартов, устанавливаемых спортивными организациями, требует особого правового подхода. Дисциплинарная ответственность в спорте, реализуемая через специфические санкции за нарушение правил соревнований и антидопинговых норм, действует параллельно с мерами юридической ответственности, предусмотренными законодательством. Спортивные споры, рассматриваемые специализированными органами разрешения споров, требуют особых знаний в области спортивного права. Риски для здоровья и безопасности спортсменов, обусловленные интенсивными тренировками и соревнованиями, требуют особого внимания к вопросам медицинского обеспечения и страхования.

Кроме того, следует отметить стремительное развитие спортивного законодательства в России, характеризующиеся принятием специализированных законов, совершенствованием подзаконного регулирования и утверждением спортивных стандартов. Накопление судебной практики по спортивным спорам и учет судами специфики спортивной деятельности при рассмотрении таких споров свидетельствуют о формировании особого правоприменительного подхода.

В контексте дискуссии о формировании спортивного права как самостоятельной отрасли, особое внимание следует уделить вопросу кодификации. Одной из основных проблем развития спортивного права в России является отсутствие единого кодифицированного акта, регулирующего спортивные отношения. В настоящее время спортивное законодательство представлено большим количеством разрозненных нормативных актов, что затрудняет его применение и создает правовую неопределенность. В связи с этим, актуальным является вопрос о кодификации спортивного законодательства. Кодификация может

быть осуществлена путем принятия Спортивного кодекса Российской Федерации, который бы объединил основные нормы, регулирующие отношения в сфере спорта. Кроме того, именно кодификация, по мнению ряда правоведов, служит подтверждением того, что сфера общественных отношений достигла определенной зрелости и требует комплексного и системного правового регулирования.

Таким образом, сегодня можно утверждать, что спортивное право в России находится на пути к формированию самостоятельной отрасли права. Наличие специфического предмета и метода регулирования, собственных источников и развивающегося законодательства позволяет обосновать необходимость выделения спортивного права в качестве самостоятельной отрасли. Кодификация спортивного законодательства станет важным шагом в развитии спортивного права и повышении эффективности правового регулирования в сфере спорта. Дальнейшие исследования в области теории и практики спортивного права будут способствовать его развитию и укреплению в системе российского права.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
2. Буянова Спортивное право. Общая теория / Буянова, О. М. — Москва: Юрайт, 2025. — 154 с. — Текст: непосредственный.
3. Алексеев Спортивное право России / Алексеев, В. С. — 2-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 671 с. — Текст: непосредственный.
4. Сердюков, А. В. Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сердюков Александр Викторович; Высшая школа экономики. — Москва, 2010. — 233 с. — Текст: непосредственный.
5. Сеницын, С. А. К вопросу о возникновении «новых» отраслей в системе российского права (на примере спортивного права) / С. А. Сеницын. — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/57654038/> (дата обращения: 16.05.2025).

Особенности регулирования трудовых отношений в корпорации

Скрипка Анастасия Викторовна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена исследованию особенностей трудовых отношений в контексте корпоративного права, их правовые аспекты, проблематика, а также анализируются актуальные законодательные нормы. Проведен анализ особенностей уставных документов в корпорациях, наличие органов управления, их функции, а также распределение полномочий, исследованы корпоративные процедуры принятия решений.

Ключевые слова: корпоративное руководство, регулирование труда, корпоративные организации, корпоративное управление.

Features of regulation of labor relations in corporations

Skipka Anastasiya Viktorovna, student master's degree
Russian State Social University (Moscow)

The article is devoted to the study of the features of labor relations in the context of corporate law, their legal aspects, problems, and also analyzes current legislative norms. The analysis of the features of statutory documents in corporations, the presence of

management bodies, their functions, as well as the distribution of powers, is carried out, corporate decision-making procedures are studied.

Keywords: *corporate governance, labor regulation, corporate organizations, corporate management.*

Трудовые отношения являются важнейшей составляющей социально-экономической системы любого государства. Независимо от организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта, отношения между сотрудником и работодателем будут регулироваться трудовым законодательством Российской Федерации. Вместе с тем, нормы действующего Трудового кодекса РФ выделяют особенности некоторых определенных групп работников, таких как единоличный исполнительный орган юридического лица. Законодатель преднамеренно закрепил специфику регламентирования трудовых отношений с некоторыми субъектами права, относящимися к корпорации. Особенности регулирования труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации закреплены в 43 главе Трудового кодекса РФ. Дополнительно важное значение имеют федеральные законы: «Об акционерных обществах» (от 26 декабря 1995 г., № 208-ФЗ), «Об обществах с ограниченной ответственностью» (от 8 февраля 1998 г., № 14-ФЗ), а также локальные нормативные акты корпораций.

Корпоративное право регулирует организационные аспекты деятельности юридического лица, включая вопросы назначения руководителей, распределения прибыли и ответственности участников. Трудовые отношения в таких организациях тесно связаны с внутренним управлением и корпоративной культурой.

Корпоративные организации можно охарактеризовать следующими особенностями: наличие уставных документов, наличие органов управления, распределение полномочий между участниками, наличие корпоративных процедур принятия решений, наличие специальных соглашений.

Для определения условий труда в корпорации, порядок приема на работу, дисциплинарные меры и другие аспекты трудовых отношений составляют внутренние документы юридического лица, такие как устав, трудовой распорядок, коллективный договор, документация, фиксирующая управленческие решения руководства. В контексте корпоративных структур, таких как акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и другие, данные внутренние акты приобретают особое значение и специфику. Их отличие от внутренних нормативных актов других организаций обусловлено рядом факторов, связанных с корпоративной управленческой структурой, правовым статусом участников и особенностями внутреннего регулирования.

Стоит отметить, что устав акционерного общества содержит положения о распределении прибыли между участниками (акционерами), порядке созыва общего собрания и назначении органов управления, и именно данные поло-

жения могут влиять на трудовые отношения через установление правил назначения руководителей или условий их работы. В крупных корпорациях коллективный договор разрабатывается с учетом специфики деятельности компании и может включать дополнительные гарантии для работников — например, особые условия премирования или правила по обеспечению информационной безопасности. Вместе с тем, еще одной отличительной чертой характерной для крупных корпораций, в отличие от небольших предприятий, является заключение соглашения о коммерческой тайне.

По действующему российскому законодательству юридические лица признаются корпорациями, если участники имеют полноценное право членства и из их состава формируется высший орган предприятия. Только в корпорациях существует жесткая иерархическая система, которая требует постоянное управленческое влияние. К управленческим элементам можно отнести: совет директоров, исполнительный орган (генеральный директор), акционеры, а также различные комитеты и службы. Ведущее собрание акционеров признается высшим управляющим органом. На общем собрании на основе принципа выборности собственники компании (акционеры) определяют состав совета директоров, ситуативно представляющий их интересы.

Важно отметить главную характеристику корпоративных структур — распределение полномочий между участниками, исполнительными структурами и органами управления. Правовое регулирование и нормативное закрепление этого вопроса играет важную роль в обеспечении эффективного функционирования корпорации, соблюдении интересов всех сторон и предотвращении конфликтных ситуаций. К полномочиям общего собрания акционеров можно отнести принятие ключевых решений, таких как утверждение и изменение устава, распределение прибыли, избрание и отзыв членов органов управления. Функциями совета директоров или наблюдательного совета является принятие решений по основным корпоративным вопросам путем голосования, осуществление стратегического руководства, контроль за деятельностью исполнительных органов, а также определение плана деятельности акционерного общества и предоставление отчетности перед акционерами по результатам функционирования предприятия.

Согласно ст.69 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» исполнением руководства текущей деятельностью общества осуществляется единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) или единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) и коллегиальным исполнительным органом

общества (правлением, дирекцией). Исполнительные органы подотчетны совету директоров (наблюдательному совету) общества и общему собранию акционеров. Вместе с тем, отвечают за каждодневную работу общества, ее соответствие финансово-хозяйственному плану и исполняют решения совета директоров и общего собрания акционеров.

Указанный механизм обеспечивает разделение функций и ответственности, что способствует балансировке интересов участников и повышению эффективности управления. Все эти функции распределяются на принципах разделения управления, субординации, делегирования полномочий. Следует признать, что нередко встречается ситуация, когда уставы корпораций содержат неточное определение и формулировки касательно компетенции органов или участников, что ведет к дублированию функций или конфликтам при принятии решений. Например, отсутствие четкого разграничения между компетенциями общего собрания и совета директоров по вопросам заключения крупных сделок создает почву для разногласий. Особенно актуальна проблема определения широкого круга полномочий для конкретного органа или участника, без соблюдения достаточного контроля со стороны высших органов управления, что может привести к злоупотреблению данными полномочиями, нарушению корпоративной дисциплины.

В рамках корпоративного управления важное значение имеет установление специальных процедур принятия решений, которые обеспечивают баланс интересов участников, защиту корпоративных прав и соблюдение требований законодательства. Для предотвращения вышесказанной проблемы особенно для крупных корпораций необходимо закрепление регламента обязательного предварительного согласования с советом директоров или наблюдательным советом. В то же время, для принятия сбалансированных решений необходимо ввести порядок проведения собраний и голосо-

ваний, получения одобрения большинства участников или акционеров при определенных условиях, что будет отвечать интересам всех акционеров общества и не допустит неправомерное использование полномочий. По итогам голосования счетная комиссия составляет протокол об итогах голосования, которые могут оглашаться на заседании общего собрания акционеров, а также должны доводиться до сведения лиц, имеющих право голоса при принятии решений общим собранием акционеров, в форме отчета об итогах голосования в порядке, предусмотренном для сообщения о проведении заседания или заочного голосования. Данная процедура закреплена в ст. 62 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Данные процедуры обеспечивают ясность и прослеживаемость, гарантируют ответственность и защиту интересов участников в крупных организациях. Их внедрение обусловлено необходимостью управлять значительными рисками, соблюдать требования законодательства и обеспечивать стабильность функционирования компании на высоком уровне корпоративного управления.

Особенности правового регулирования трудовых отношений в корпорациях обусловлены их составной системой управления, многоуровневым распределением полномочий и высокой степенью корпоративной ответственности. В рамках таких организаций трудовые отношения регулируются не только общими положениями трудового законодательства, но и внутренними нормативными актами, уставами и корпоративными процедурами, что создает специфические условия для реализации прав и обязанностей работников и работодателей. Данные особенности нуждаются в постоянной модернизации юридической основы с учетом специфики корпоративных структур, что способствует формированию более эффективной системы защиты прав работников при одновременном обеспечении стабильности и эффективности деятельности корпорации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Араева К. А. Особенности трудовых отношений в корпоративном праве // Вестник науки № 11 (20) том 3. С. 93–96. 2019 г. // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/2251>
4. Шуклина М. А. Основы корпоративного поведения / М.: Московская финансово-промышленная академия, 2008. — 110 с.
5. Колонтаевская И. Ф. Корпоративное управление: правовые аспекты // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2018. — № 3 (17). — С. 41–49. // Электронный ресурс: <https://vestnik-muiv.ru/article/korporativnoe-upravlenie-pravovye-aspekty/>

Ответственность налогоплательщика при подготовке ответа на требования ФНС

Соболева Екатерина Евгеньевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Масштабные изменения в Налоговом Кодексе Российской Федерации, вступившие в силу с 1 января 2025 года, касаются, без преувеличения, всех категорий налогоплательщиков. Совокупность нововведений открывает для бюджета широкий фискальный инструментарий: повышение ставок основных налогов, таких как НДС и налога на прибыль; кратное удорожание госпошлин; наделение «упрощенцев» обязанностью исчисления и уплаты НДС, хоть и с возможностью применения пониженных ставок; увеличение налоговой нагрузки для IT-компаний, компаний, производящих подакцизные товары, предприятий в сфере добычи полезных ископаемых и т. д. Стремление государства к увеличению налоговых поступлений в бюджет в условиях экономической и геополитической турбулентности понятно и логично, однако, попытка достижения целевых показателей по собираемости налогов и сборов потенциально может привести к ужесточению форм и методов налогового контроля, и как следствие — к увеличению количества проводимых налоговых проверок.

Подобная тенденция уже нашла свое отражение в Отчетах о результатах контрольной работы налоговых органов, размещенных на сайте ФНС России. На протяжении последних шести лет наблюдается смена тактики сбора информации и документов: количество камеральных проверок ежегодно демонстрирует стабильный рост, в то время как выездных проверок становится все меньше. В 2024 году [1] по сравнению с 2023 годом количество проводимых КНП увеличилось на 3 %, в то время как объем проводимых ВНП сократился на 11 %. Более репрезентативной видится динамика количественных показателей: за последний отчетный период ФНС провела на 1 374 548 камеральных проверок больше, чем годом ранее, и на 539 выездных проверок меньше, соответственно.

Объяснить данное явление можно целым рядом факторов: это и цифровизация налогового администрирования, и смещение фокуса работы налоговых органов в сторону предпроверочного этапа, и конечно — следование курсу на усиление и улучшение налогового администрирования, обозначенному Министерством Финансов Российской Федерации в недавних заявлениях [2]. Подобный подход приводит как к увеличению доходов бюджета, так и к увеличению числа судебных споров налогоплательщиков с ФНС.

Налогоплательщики сами принимают решение, как строить диалог с налоговой службой, и, фактически, существует два варианта развития событий. Первый заключается в подаче уточненных деклараций для выхода на общие с ФНС показатели по налогам и сборам с целью сокращения доначислений и штрафов, второй — это отстаивание

собственных интересов в рамках проверочных процедур и судебных споров, что зачастую заканчивается для налогоплательщика негативно. Согласно статистике ФНС [3], за период с января по октябрь 2024 года, удельный вес сумм требований, рассмотренных в пользу налоговых составив органов 83,4 %, и, хотя данный показатель снизился на 0,7 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, можно сделать вывод, что успешно доказать свою точку зрения в суде смог даже не каждый пятый налогоплательщик.

В свете всего вышеперечисленного, налогоплательщикам необходимо иметь комплексное представление о своих правах и обязанностях в рамках проведения проверок, для того чтобы не допустить превышение полномочий со стороны сотрудников налогового органа и не совершать в будущем правонарушений, способных повлечь за собой наступление налоговой и административной, а в некоторых случаях — уголовной ответственности.

Нормы налогового законодательства наделяют инспекции правом направления запросов документов и информации, однако для оценки того, что из пунктов запроса является законным, важна статья, указываемая в требованиях. На основании ст. 88 НК РФ истребуются пояснения, в то время как документы и информация истребуются на основании ст. 93 НК РФ.

Принципиальная разница между этими нормами налогового законодательства заключается в порядке выставления требования: в то время как ст. 88 НК РФ предполагает, что налоговый орган направляет налогоплательщику требование в период проведения КНП, то есть в течение 3 месяцев со дня предоставления декларации, ст. 93 НК РФ устанавливает, что документы и информация запрашиваются налоговым органом в рамках ВНП, при проведении дополнительных мероприятий налогового контроля по результатам рассмотрения материалов ВНП или при обстоятельствах, поименованных в ст. 88 НК РФ в рамках КНП. В качестве основания для направления требования может быть указана и ст. 93.1 НК РФ, на нее налоговый орган вправе сослаться при запросе информации и/или документов вне проверки, по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки (как выездной, так и камеральной), которая проводилась у контрагентов и иных лиц, с которыми имеется какая-либо связь или в рамках «встречных» проверок.

Есть и общие черты у требований, направляемых налогоплательщикам. В частности, налоговый орган при подготовке текста требования обязан сослаться на норму налогового законодательства с указанием конкретной статьи, будь то ст. 88 или ст. 93 НК РФ, на основании которой выставляется требование, указать причину истребования

документа с формулировками «причины направления настоящего Требования» (для требований, составленных по форме КНД 1165050) или «в связи с» (для требований, составленных по форме КНД 1165013) и включить в текст требования список истребуемых документов и/или информации.

Независимо от того, на основании какой из статей требования были подготовлены, будь то ст. 88 НК РФ или ст. 93 НК РФ, при нарушении сроков предоставления ответа в ФНС или же непредоставлении запрашиваемых пояснений, документов и информации, налогоплательщик может быть привлечен к налоговой и административной ответственности в соответствии с нормами соответствующих кодифицированных нормативно-правовых актов. Тем не менее, существует ряд существенных нюансов, которые напрямую влияют на размер доначислений.

При проведении камеральной проверки декларации с последующим выставлением требования по п. 3 ст. 88 НК РФ должностное лицо или ИП, не предоставившие пояснения, или предоставившие их с нарушением сроков, могут быть оштрафованы на сумму 5 000 руб. в соответствии с п. 1 ст. 129.1 НК РФ и в то же время — на сумму от 2 000 до 4 000 руб. в соответствии с ч. 1 ст. 19.4 КоАП РФ. Подобный подход налоговых органов нашел свое отражение в ряде судебных дел [4]. Несмотря на существующую практику, ФНС России не разделяет позиции территориальных органов — в письме от 2013 года [5] центральный аппарат обозначил, что отказ от дачи пояснений не является основанием для начисления штрафа по ст. 19.4 КоАП РФ. Вместо этого возможно привлечение должностного лица к административной ответственности в виде штрафа в размере от 300 до 500 руб. по ст. ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ, в то время как индивидуальные предприниматели в рамках указанной нормы к ответственности не привлекаются.

Аналогичный состав правонарушения с соответствующими штрафными санкциями существует и для требований, подготовленных на основании ст. 93 НК РФ. За непредоставление документов по требованию ИФНС или за нарушение срока представления документов организация или ИП получают штраф в размере 200 руб. на основании п. 1 ст. 126 НК РФ, а должностные лица организации привлекаются к ответственности по ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ с последующим назначением штрафа в размере от 300 до 500 руб. Индивидуальные предприниматели, как и в случае подобного правонарушения при наличии требования по ст. 88 НК РФ, не привлекаются к административной ответственности, что зафиксировано в примечании к ст. 15.3 КоАП РФ.

Говоря об ответственности за неисполнение требования о представлении документов, выставленного в соответствии со ст. 93.1 НК РФ, нельзя не отметить несколько важных нюансов.

Независимо от того, подготовлено ли требование вне рамок проверки, при проведении «встречной» проверки или же при проведении дополнительных мероприятий

налогового контроля, назначенных по результатам рассмотрения материалов проверки контрагента, организация или ИП при непредоставлении документов или сведений привлекаются к ответственности по ст. 126 НК РФ, но размер штрафных санкций зависит от применяемого пункта. В п. 1 ст. 126 НК РФ штраф в размере 200 руб. предусмотрен за каждый непредставленный налогоплательщиком документ, п. 2 вышеупомянутой статьи устанавливает штраф в размере 10 000 руб. за отказ лица представить имеющиеся у него документы или за представление документов с заведомо недостоверными сведениями.

С целью защиты налогоплательщика и с применением принципа *non bis in idem*, положения п. 2 ст. 108 НК РФ не допускают одновременное привлечение к ответственности по п. 1 ст. 126 и п. 2 ст. 126 НК РФ за непредставление одних и тех же документов.

Помимо этого, мера налоговой ответственности для организаций или ИП в виде штрафа в размере 5 000 руб. может быть применена в соответствии с п. 1 ст. 129.1 НК РФ за неправомерное несообщение (несвоевременное сообщение) сведений (информации) по требованию ИФНС России.

Хоть привлечение к ответственности за непредоставление одних и тех же документов является незаконным, важно учесть, что подобный подход применим только в случаях, когда избирается мера наказания в рамках одной статьи. Тем не менее, если в одном требовании ИФНС запросила документы и информацию, то за его неисполнение может быть назначено два штрафа одновременно — по ст. 126 и ст. 129.1 НК РФ, что подтверждается судебной практикой [6].

Должностных лиц организации при непредоставлении документов и сведений возможно привлечь и к административной ответственности в виде штрафа от 300 до 500 руб. по ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ, в то время как ИП, как и в случае направления требования, подготовленного на основании ст. 88 или ст. 93 НК РФ, не облагаются штрафом за нарушение упомянутой ранее нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что для налогоплательщиков увеличение контрольных процедур со стороны ФНС в комплексе с значительными изменениями Налогового кодекса, запланированном дефицитом государственного бюджета в ближайшем обозримом будущем и существующим не первое десятилетие правовом дуализме ответственности за налоговые нарушения, предполагающим привлечение правонарушителя как к налоговой, так и к административной ответственности, сопряжено с высокими рисками доначислений. Хотя требования, направляемые налоговым органом, могут существенно отличаться друг от друга даже с точки зрения их формального основания, а состав истребуемых пояснений, документов и информации формируется ситуативно и индивидуально для каждого лица-получателя, системное толкование применяемых законодательных норм

и понимание круга прав и обязанностей сторон в рамках налоговых контрольных процедур поможет налогопла-

тельщикам избежать превышения полномочий со стороны налоговых органов уже на досудебном этапе.

Литература:

1. Отчет по форме № 2-НК (2024) https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14897956/
2. <https://www.interfax.ru/business/1009327>
3. https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/10m2024.pdf
4. Постановление Алтайского краевого суда от 16.01.2013 по делу № 4а-8/2013 и Санкт-Петербургского городского суда от 23.10.2013 № 4а-1350/13, решение Первомайского районного суда г. Пензы от 06.07.2022 по делу № 12–126/2022
5. Письмо ФНС России от 17.07.2013 № АС-4–2/12837
6. Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.02.2022 по делу № А70–6808/2021 и АС Восточно-Сибирского округа от 12.11.2018 № Ф02–5065/2018

Проблемы института необходимой обороны в Российской Федерации и возможные пути их решения

Стегура Евгения Анатольевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Научная статья посвящена проблемам института необходимой обороны в Российской Федерации и путям их решения. Анализируются позиции различных экспертов относительно решения проблем института, предлагается внести изменения в существующее законодательство, чтобы устранить коллизии и улучшить доступ граждан к средствам самообороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовный закон, проблема.

Институт необходимой обороны представляет собой важный, неотъемлемый элемент в правовой сфере жизни общества, так как является одним из средств осуществления гражданами своего права на защиту, он служит интересам предотвращения и пресечения преступлений. Однако, как показывает практика, необходимая оборона имеет существенные проблемы и вызывает значительное количество вопросов в процессе реализации.

Одной из таких является проблема, связанная с квалификацией необходимой обороны, причина которой кроется в наличии большого количества оценочных признаков, где — то или иное юридическое значение которых каждый раз зависит от субъективного мнения правоприменителя. В судебной практике по делам о необходимой обороне господствует обвинительный уклон [1]. Количество дел с превышением пределов необходимой обороны значительно превышает дела, разрешенные в пользу правомерного причинения вреда посягающему лицу [2].

Из анализа уголовного закона следует, что в непредвиденной ситуации, сопряженной с психологической напряженностью, страхом и волнением гражданин должен не только дожидаться начала посягательства, но и оценить, а также определить характер и степень вероятного насилия или же выявить наличие непосредственной угрозы причинения такого насилия (следует отметить, что в большинстве случаев выявление и констатация условий пра-

вомерности необходимой обороны является затруднительным для правоохранительных органов, не говоря уже про граждан, которые находятся в состоянии чрезмерного душевного волнения) [3]. Следовательно, законодательство возлагает на обороняющегося обязанность оценить характер преступления и его последствий еще до его совершения, что является весьма затруднительным (почти невозможным) в экстремальной ситуации [4]. В связи с этим, видится правильным привести позицию профессора Юшкова, который предлагал отменить ответственность за превышение пределов необходимой обороны, «если причинение смерти или тяжкого телесного повреждения было совершено в состоянии страха, испуга, замешательства, вызванных внезапностью», ведь зачастую в таком состоянии лицу весьма затруднительно каким бы то ни было образом оценивать характер посягательства и его последствия [5]. Благодаря такому введению удалось бы достигнуть снижения количества неточностей при квалификации дел с необходимой обороной, снизить вынесение приговоров с обвинительным уклоном в тех случаях, когда реализация необходимой обороны являлась правомерной, тем самым повысить активность граждан в защите своих прав и интересов, а также прав и интересов третьих лиц.

Еще одной проблемой, тесно связанной с предыдущей, является боязнь граждан проявлять решительные дей-

ствия, направленные на предотвращение посягательства в связи с нежеланием претерпевать дальнейшие зачастую негативные последствия правового характера. Как уже отмечалось ранее, правоохранительные органы квалифицируют действия обороняющихся как преступление с превышением пределов необходимой обороны или же причинение тяжкого и среднего вреда с превышением пределов необходимой обороны. Это приводит к тому, что «люди не столько боятся стычки с правонарушителем, сколько дальнейшего разбирательства» [6]. Последствие таких действий создает угрозу прогрессирования преступности, ведь необходимая оборона является эффективным средством защиты своих прав, а также борьбы с преступностью, но если бездействия со стороны граждан продолжаться, то посягательства со стороны преступников только будут увеличиваться, что категорически нарушает основы жизнедеятельности общества, а также противоречит целям правового государства.

Ученые (Э. Ф. Побегайло, С. В. Пархоменко) предлагают решить данную проблему следующим образом: ввести перечневую (казуальную) систему, позволяющую установить четкий перечень объектов, подлежащих защите, а также максимально расширить предел допустимого вреда, причиняемого преступнику, в процессе осуществления необходимой обороны [7]. Данная система позволит упростить работу правоохранительных органов в части определения пределов необходимой обороны, а именно превышены они или нет. Следовательно, квалификация дел станет наиболее точной, ошибки будут сведены к минимуму, что будет стимулировать граждан к реализации права на необходимую оборону, поскольку станет ясно какой вред и в какой степени может быть причинен преступнику [8].

Еще одной проблемой является использование оружия при необходимой обороне. Согласно ст. 24 Федерального закона «Об оружии»: «Граждане Российской Федерации могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия. При этом применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам» [9]. Из содержания данной статьи следует, что единственным оружием, разрешенным для применения в целях защиты своих прав, является именно «официальное» оружие (огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие

с патронами к нему, (ст. 3 ФЗ «Об оружии»)), но как, например, быть в ситуации, когда оружие от посягающего лица перешло в руки обороняющегося лица, и при этом, угроза причинения вреда обороняющемуся сохранена.

Постановление Пленума Верховного суда № 19 гласит, что переход оружия от посягающего лица к обороняющемуся не свидетельствует об окончании посягательства, следовательно, обороняющийся вправе прибегнуть к защите и применить перешедшее от преступника оружие [10]. Но статья 24 ФЗ «Об оружии» свидетельствует о применении лишь того оружия, которое принадлежит гражданину на законных основаниях, следовательно, в данном случае мы можем отметить наличие коллизии. Видится правильным предложить законодателю внести соответствующую поправку в ст. 24 ФЗ «Об оружии», расширяющую допустимый к применению перечень оружия и допускающий использование при необходимой обороне оружия, которое принадлежит гражданину не только на законных основаниях. Благодаря внесению поправки, удастся не только устранить противоречие между правовыми нормами, но и расширить возможности и средства защиты граждан при реализации права на необходимую оборону.

Вторым спорным аспектом, связанным с оружием при реализации права на необходимую оборону, являются условия его хранения. Так, легальным с точки зрения применения на практике является огнестрельное гладкоствольное оружие, которое должно только храниться. Также, необходимо, чтобы оружие в обязательном порядке находилось в металлическом шкафу (сейфе) отдельно от патронов [11], что делает применение данного средства весьма затруднительным в ситуации, например, нападения, что, следовательно, делает само оружие при данных правилах просто бесполезным и бессмысленным. В связи с этим, видятся правильными два варианта: а) выработать и закрепить на законодательном уровне особые условия, позволяющие перемещать оружие; б) признать утратившим силу положение об оружии вовсе.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в связи с тем, институт необходимой обороны является немаловажной категорией уголовного права, а также незаменимым средством в борьбе с преступностью, необходимо предпринять ряд действий, направленных на ликвидацию всех спорных вопросов данного института, а именно:

- отменить ответственность за превышение пределов необходимой обороны, если причинение смерти или тяжкого телесного повреждения было совершено в состоянии страха, испуга, замешательства, вызванных внезапностью;
- ввести перечневую (казуальную) систему в отношении объектов защиты необходимой обороны;
- внести поправки в статью 24 ФЗ «Об оружии».

Литература:

1. Егорова Н. А. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы уголовно-правовой оценки / Егорова Н. А., Егоров А. Г. // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019.

2. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/28046/>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 — ФЗ: (ред. от 25 марта 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Меркурьев В. В. Особенности эволюции института необходимой обороны в советском и российском уголовном праве / Меркурьев В. В., Тараканов И. А. // Вестник Южно — Уральского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 27.
5. Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. М.: Наука. — 1992. — № 4. — С. 61–66.
6. Зуев В. Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. — 1996. — С. 7.
7. Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве РФ: монография / А. П. Дмитренко. — М.: Илекса, 2010. — С. 88.
8. Завтур, М. В. Исчерпывающий перечень посягательств как путь решения проблем, связанных с определением пределов необходимой обороны // Молодой ученый. — 2015. — № 21.
9. Об оружии: федер. закон Рос. Федерации от 13 дек. 1996 г.: (ред. от 14 июля 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 51. — Ст. 5681.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2012 г.: (ред. от 31 мая 2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 41.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г.: (ред. от 26 апр. 2022) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 32. — Ст. 3878.

Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга)

Стегура Евгения Анатольевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассматривается правовая природа лизинга как одной из наиболее спорных тем в юридической литературе. Основное внимание уделяется классификации лизинга: рассматривается ли он как вид аренды или как самостоятельный договор. Автор анализирует позиции различных исследователей и законодательные нормы, пытаясь выявить суть лизинговых отношений.

Ключевые слова: правовая природа лизинга, виды договора, аренда, лизингодатель, лизингополучатель, трехсторонние отношения.

Правовая природа лизинга является одним из самых обсуждаемых и дискуссионных вопросов в юридической литературе. Существует множество точек зрения на сущность такого договора.

Распространенной является дискуссия: лизинг — вид аренды или же самостоятельный договор?

По мнению законодателя, договор лизинга представляет собой разновидность аренды, так как лизинг регулируется нормами параграфа 6, расположенного в главе 34 ГК РФ, посвященной отношениям аренды, следовательно, согласно ст. 625 ГК РФ, к отдельным видам договора аренды (<...> финансовой аренде) положения, предусмотренные параграфом 1, применяются, если иное не установлено специальными правилами настоящего Кодекса применительно к другим видам договоров.

С законодателем солидарны и М. И. Брагинский и В.В. Витрянский, которые относят лизинг к видам договора аренды. Ученые обосновывают свою позицию тем, что, во-первых, лизинг — это сложная система договорных отношений, сочетающая в себе элементы как договора купли-продажи, заключаемого между продавцом и лизингодателем, так и договора аренды (собственно лизинга) между лизингополучателем и лизингодателем. По мнению авторов, договор лизинга не является единым обязательством, а сочетает в себе два самостоятельных: договор аренды и купли-продажи. В связи с этим они признают такой договор исключительно двусторонней сделкой, сторонами которой являются лизингодатель и лизингополучатель [1].

Возникает вопрос: каковы место и роль продавца в таком обязательстве? М. И. Брагинский и В.В. Витрян-

ский отвечают следующим образом: договор лизинга (аренды, по мнению авторов) является основным обязательством в такой системе отношений, в то время как договор купли-продажи между лизингодателем и продавцом является вспомогательным обязательством, содействующим основному, при этом такая сделка рассматривается как договор в пользу третьего лица, в соответствии с которым стороны определяют, что должник (продавец) обязуется произвести исполнение не кредитору (лизингодателю), а указанному или не указанному в договоре третьему лицу (лизингополучателю), имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу (ст. 430 ГК РФ) [2]. В данном случае продавец самостоятельной фигурой в рамках лизинговых правоотношениях не является, но при возникновении отношений по исполнению договора купли-продажи у него возникают обязанности перед лизингополучателем, а последний приобретает права требования к продавцу. Поскольку такая конструкция не приводит к возникновению единства двух обязательств (аренды и купли-продажи), лизинг признается двухсторонней сделкой, и, следовательно, в таком ключе является ничем иным, как видом арендных отношений.

Данная точка зрения не видится полностью самостоятельной, поскольку нельзя однозначно утверждать, что конструкция купли-продажи в лизинге является вторичной, вспомогательной. Прежде всего, без купли-продажи лизинг по своей сущности перестает быть лизингом, и в таком случае практически полностью тождественен с классической арендой. Следует отметить, что лизинговые отношения отличаются от конструкции договора аренды наличием особого элемента, а именно первоначальной покупкой лизингодателем по указанию лизингополучателя лизингового имущества. Следовательно, купля-продажа в конструкции лизинга имеет основополагающее значение, в связи с этим видится правильным лизинговые правоотношения определять как трехсторонние, а договор — двухсторонним.

Согласно другой точке зрения, лизинг рассматривается в качестве самостоятельной договорной конструкции. В соответствии с таким видением, лизинг сочетает в себе признаки различных договоров (прежде всего купли-продажи, аренды, оказания услуги и т. д.), однако наряду со схожестью такого договора с иными, лизинг имеет специфические, отличительные черты, а также особые отношения участников лизинга, которые в совокупности дают основания выделять его в качестве самостоятельного договора [3]. Авторами обозначаются следующие особенности: договор купли-продажи, который носит обязательный характер в рамках исполнения договора лизинга, момент возникновения права собственности лизингодателя (арендодателя) на передаваемое имущество, ограничения в области предмета лизинга, закупка лизингового имущества в соответствии с требованиями лизингополучателя. В рамках такой позиции лизинг рассматривается авторами как трехсторонняя сделка, то есть единое

обязательство, сочетающее в себе элементы отношений аренды и купли-продажи, система имущественных отношений, возникающая в связи с приобретением лизингодателем в собственность определенного лизингополучателем имущества у продавца и дальнейшей его передачей во временное возмездное владение и пользование лизингополучателю.

Данная точка зрения представляется несколько спорной, поскольку лизинг как сделка не может быть трехсторонней в силу того, что продавец непосредственно не участвует в заключении и исполнении лизингового соглашения, не является стороной такой сделки, договор купли-продажи является отдельной сделкой, при этом тесно связанной с договором лизинга, следовательно, договор лизинга является двухсторонним и заключается между лизингодателем и лизингополучателем.

Авторами приводятся и иные точки зрения.

В юридической литературе лизинг также рассматривается как смешанный договор, сочетающий в себе элементы таких конструкций, как продажа в рассрочку, аренда, заем, поручение, кредитный договор, который предполагает вложение кредитором (лизингодателем) денежных средств в покупку указанного заемщиком (лизингополучателем) имущества и передачу таких средств совместно с имуществом заемщику. Фактически деньги передаются лизингополучателю в составе приобретенного имущества [4].

А. М. Ефимовой выделяется позиция, согласно которой договор лизинга рассматривается как форма кредитования, предусматривающая передачу лизингодателем лизингополучателю право использовать предмет лизинга в обмен на определенные платежи [5]. Если рассматривать лизинг с точки зрения кредита, то в таком случае кредитором выступает лизингодатель, заемщиком — лизингополучатель. Лизинговое имущество является эквивалентом кредита, предоставляемому заемщику. Плата за предоставленное лизингополучателю финансирование определяется в процентах годовых на размер финансирования. Если соответствующая процентная ставка не предусмотрена договором лизинга, она устанавливается судом расчетным путем на основе разницы между размером всех платежей по договору лизинга (за исключением авансового) и размером финансирования, а также срока договора [6]. Также лизингу свойственны такие свойства кредита, как срочность, возвратность, платность.

Таким образом, договор лизинга следует расценивать как самостоятельный договор. Несмотря на то, что формально законодательством такая конструкция относится к виду договора аренды, а также имеется много схожих элементов с другими сделками, тем не менее лизинговые отношения имеют особенные, уникальные черты, не присущие другим конструкциям. Необходимо отметить, что такой договор является двухсторонней сделкой, сторонами которого выступают лизингодатель и лизингополучатель, при этом с лизингом тесно связан договор купли-продажи, который напрямую влияет на реализацию лизинга.

Литература:

1. Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / Брагинский М. И. Витрянский В. В. // М.: Статут. — 2011. — 588 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26 нояб. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 сент. 2023) // Российская газета. — 1996. — № 27.
3. Булгаков В. В. Правовые аспекты договора лизинга и особенности лизинговых правоотношений в современной России / Булгаков В. В., Булгакова Д. В. // Актуальные проблемы государства и права. — 2023. — № 2.
4. Егоров А. В. Тезисы вводного доклада на круглом столе «Лизинговая операция: как распутать клубок противоречий» // Российская школа частного права при Правительстве РФ (при поддержке Торговой промышленной палаты РФ). — 2012.
5. Ефимова А. М. Преимущества договора лизинга и его роль в коммерческой деятельности // Вопросы российского и международного права. — 2021. — № 8А. — С. 105.
6. Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга: постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — № 5. — май. — 2014.

Некоторые аспекты судебного следствия по уголовным делам о кражах в сельской местности

Степанова Елена Дмитриевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автором проведен анализ судебного следствия по уголовным делам о кражах в сельской местности. Автор указывает, что такая область имеет свои особенности и специфику. Автор делает вывод о том, что судам в ходе судебного следствия важно установить смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Ключевые слова: сельская местность, кража, судебное следствие, судебная экспертиза, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства.

Имущественные преступления, которые совершаются в сельской местности, имеют свои специфические особенности. В основном такая специфика предопределена территориальным расположением. С уверенностью можно сказать о том, что географическое расположение региона, степень его экономического развития, национальный состав отражается на уровне преступности, характере совершаемых противоправных деяний.

В рамках проводимого судебного следствия по уголовным делам о кражах в сельской местности судам стоит обращать внимание на ряд аспектов.

Во-первых, судам стоит учитывать комплекс обстоятельств, относящихся к делу. В частности, речь идет о таких составляющих, как имущественное положение потерпевшего лица, стоимость имущества, которое было похищено, значимость похищенного для потерпевшего, значительность причиненного ущерба и т. д.

Во-вторых, судам для того, чтобы обеспечить правильную юридическую квалификацию содеянного, необходимо проводить детальный анализ всех доказательств, имеющихся в материалах дела.

В ходе судебного следствия по уголовным делам о кражах в сельской местности особую актуальность приобретает процедура допроса обвиняемого. Так, относи-

тельно краж, совершенных в сельской местности, судам при проведении допроса обвиняемого для объективного вынесения решения, необходимо получить данные о следующем:

- почему обвиняемым был выбран именно данный предмет для кражи;
- какова была обстановка при совершении противоправного деяния;
- какой способ был использован обвиняемым для проникновения в помещение или иное хранилище для похищения имущества;
- характер действия обвиняемого, а также иных лиц, принимающих участие в совершении кражи;
- какие места были использованы обвиняемым для сокрытия украденного и т. д. [2, с. 333]

Так, например, согласно приговору Искитимского районного суда Новосибирской области от 19.03.2021 по делу № 1- 118/2021 (1- 468/2020) — в ходе судебного разбирательства было установлено, что в период с 17 часов 30 минут до 20 часов, точное время следствием не установлено, у А. Ю., убедившегося, что в доме никого нет, возник преступный корыстный умысел, направленный на хищение чужого имущества, а именно на хищение ноутбука «Самсунг», принадлежащего потерпевший, с не-

законным проникновением в жилище, с причинением значительного ущерба гражданину, реализуя который, в указанные время и месте, А.Ю., действуя умышленно, осознавая общественную опасность своего деяния, из корыстных побуждений, убедившись, что за его преступными действиями никто не наблюдает, при помощи топора, найденного в бане, расположенной на участке вышеуказанного дома, отжал створку окна, после чего через данное окно незаконно проник в дом, откуда похитил принадлежащий Потерпевший ноутбук «Самсунг», стоимостью 10000 рублей. С похищенным имуществом А. Ю. с места совершения преступления скрылся и распорядился им по своему усмотрению, тем самым причинив Потерпевший значительный ущерб на сумму 10000 рублей [4].

Исходя из проведенного в ходе исследований анализа таких преступлений в сельской местности: 34 % краж осуществляются со взломом, 66 % — без взлома, из них 32,2 % находятся в месте совершения преступления на законных основаниях.

При этом судам стоит принимать во внимание, что достаточно затруднительным может стать допрос в рамках судебного заседания по делам о кражах, совершенных в сельской местности. Во многом такие сложности судебного следствия могут быть обусловлены сложностью установления психологического контакта с обвиняемым. Помимо этого, судам необходимо установить и отношение обвиняемого к совершенному противоправному деянию. Основная задача суда по такой категории дел как кража в сельской местности заключается в осуществлении тщательной проверки и оценки доказательств, которые были собраны, проверки всех сведений, имеющихся в материалах дела.

Также целесообразно в рамках судебного следствия конкретизировать все обстоятельства, которые предшествовали совершению кражи в сельской местности.

В рамках судебного следствия по делам о кражах, совершенных в сельской местности, достаточно часто у судов возникает потребность в назначении судебных экспертиз. Так, например, может быть назначена криминалистическая (трасологическая, дактилоскопическая), судебно-химическая, судебно-товароведческая, материаловедческая и другие экспертизы.

Стоит обратить внимание на то, что процесс рассмотрения судами уголовных дел о краже, совершенной в сельской местности, осуществляется с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, а также личности лица, совершившего противоправное деяние. Соответственно, судам необходимо принимать во внимание смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые могут повлиять на размер назначаемого наказания. Смягчающие обстоятельства, признаваемые таковыми судом, представлены в большом своем разнообразии — это может быть активное содействие в расследовании противоправного деяния, признание вины, раскаяние и т. д. [1, с. 111]

Так, согласно приговору Чановского районного суда Новосибирской области от 13.01.2021 № 1-18/2021 — Н. А. А. совершил кражу чужого имущества, с незаконным проникновением в иное хранилище. А именно, из сарая тайно, из корыстных побуждений похитил одного селезня породы «Крякаш» и крольчиху породы «Французский баран», принадлежащих П. В. В. С похищенным имуществом Н. А. А. скрылся с места совершения преступления, имея реальную возможность в распоряжении похищенным, распорядился им по своему усмотрению, причинив П. В. В. материальный ущерб на общую сумму 2000 рублей [5].

В рамках судебного следствия судом были установлены обстоятельства, смягчающие наказание подсудимому Н. А. А. К таким обстоятельствам в соответствии со ст. 61 УК РФ — суд отнес: явку с повинной, признание вины и раскаяние, активное содействие расследованию преступления, совершение преступления впервые, возмещение ущерба.

Отягчающим обстоятельством может быть признан, например, рецидив преступлений.

Согласно приговору Чановского районного суда Новосибирской области от 28.05.2021 по делу № 1-86/2021 — в ходе судебного следствия было установлено, что в период времени с 22 часов 00 минут до 23 часов у Н. Н. А., будучи в состоянии алкогольного опьянения, на законных основаниях в доме Ш. Е. В., обнаружив лежащую в комнате дома бензопилу «Карвер», принадлежащую Ш. Е. В., возник прямой умысел на тайное хищение чужого имущества, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, а именно на хищение данной бензопилы, принадлежащей Ш. Е. В. [6].

В ходе судебного следствия судом были установлены отягчающие обстоятельства. К обстоятельству, отягчающему наказание подсудимому, суд отнес рецидив преступлений, поскольку Н. Н. А. совершила умышленное преступление и имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление, при этом рецидив не является опасным или особо опасным.

Из всей совокупности преступников по данной категории преступлений 42,5 % — ранее судимых и 57,5 % — не судимых, исходя из этого можно сделать вывод, что рецидив преступлений, как отягчающее обстоятельство — является достаточно частым явлением.

Рассматривая данную тему, необходимо обратить внимание также на следующий момент: согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Следует обратить внимание, что законодатель наряду с правовыми терминами оперирует понятиями «справедливость» и «совесть», которые являются мерилем нравственности, существуют в сознании, и относятся к столь тонкой матери, в силу чего не могут быть нормативно урегулированными в полной мере.

Судья в соответствии с требованиями закона и велением совести должен быть убежден в правильности сделанных выводов и принимаемых решений. Однако на практике это происходит далеко не всегда. Так, например, проведенный Е. Д. Горевым опрос судей показал, что более 54 % из них принимали решение по уголовному делу вопреки внутреннему убеждению, причинами к тому, со слов судей-респондентов, послужили опасения, что приговор будет отменен вышестоящей инстанцией, либо оказала влияние уже сложившаяся практика принятия других решений в подобных ситуациях.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сказать о том, что имеется определенная специфика судебного следствия по делам о кражах, совершенных в сельской местности. Судам необходимо анализировать достаточно большой объем информации для принятия обоснованного и справедливого судебного решения.

Важным аспектом является и то, что в ходе судебного следствия подлежит выяснению смягчающие и отягчающиеся обстоятельства, а также данные, касающиеся личности лица, совершившего противоправное деяние, в частности его социального статуса.

Литература:

1. Горевой Е. Д. Внутреннее судебское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам / Е. Д. Горевой. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 132.
2. Константинова О. Н. О некоторых вопросах квалификации кражи // Молодой ученый. — 2022. — № 8 (403). — С. 110–113.
3. Полонкочева Ф. Я., Зангиев М. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации кражи // Заметки ученого. — 2021. — № 3–1. — С. 332–335.
4. Приговор Искитимского районного суда Новосибирской области от 03.03.2022 по делу № 1–66/2022 // СПС Консультант Плюс.
5. Приговор Чановского районного суда Новосибирской области от 13.01.2021 по делу № 1–18/2021.
6. Приговор Чановского районного суда Новосибирской области от 28.05.2021 по делу № 1- 86/2021.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 20 (571) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 28.05.2025. Дата выхода в свет: 04.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.